

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**
№ 1 (25) 2010
ISSN 1996-0522

Учредители
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы» и
НП «Институт развития города»

Издатель
Челябинский институт (филиал)
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»

Редакционный совет
О.В. Артемова – д.э.н., профессор
В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
С.С. Загребин – д.и.н., профессор
Ю.В. Зацепилин – к.ф.н.
С.Г. Зырянов – д.полит.н., доцент
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
В.А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А.Н. Лукин – к.культурологии, доцент
С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
А.В. Понедельков – д.полит.н., профессор
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор

Главный редактор
доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров

Редакция
С.Г. Зырянов – зам. главного редактора,
зав. рубрикой политологии
Е.В. Грунт – зав. рубрикой социологии
С.С. Загребин – зав. рубрикой культуры
В.Н. Новоселов – зав. рубрикой истории
А.В. Павлов – ответственный
за международные контакты
Т.Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономики и менеджмента
А.Л. Фартыгин – зав. рубрикой
государства и права

Ответственный секретарь
кандидат философских наук
А.А. Сафиуллина
В соответствии с решением президиума
Высшей аттестационной комиссии
Минобрнауки РФ (ВАК)
журнал «Социум и власть» включен в
перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-16702 от 15.10.2003 г.
Выдано Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций

Подписано в печать 05.03.2010 г.
Формат 70x108¹/₁₆.
Усл.п.л. 10,85. Тираж 1000 экз.
Заказ № 291.
Издание подготовлено к печати и отпечатано
в ООО «Полиграф-Мастер»
454004, г. Челябинск, ул. Ак. Королева, 26

Цена свободная

СОЦИУМ

Р.В. Евстифеев

Государство и общество в XXI веке:
метафоры глобализации и глобализация метафор 4

Е.Н. Яркова

Человек и общество: социокультурные универсалии и
специфика России 10

Е.А. Куштым

«Гуманистический радикализм» Эриха Фромма –
фундаментальный подход к созиданию социума 15

Е.В. Табачков, А.Г. Савиновских, В.И. Черный

Социально-техническая система,
ее место и роль в социуме 20

Е.А. Терещук

Особенности корпоративной культуры
государственных служащих
в оценках экспертов 24

Г.Г. Сорокин

Глобальное старение как демографический
мейнстрим современности 30

ВЛАСТЬ

К.В. Старостенко

Политический плюрализм и политическое
многообразие: некоторые проблемы
политической теории 34

Л.Г. Фишман

Политическое значение отказа
от общественных благ 39

М.Х. Назамутдинова

Политика тэтчеризма и ее влияние
на трансформацию британской прессы
(на примере газеты «Таймс») 44

И.В. Кирдяшкин

К проблеме участия молодежи в воспроизводстве
идеологических компонентов политической
коммуникации 49

А.А. Малькевич

«Культурное смещение» «безразличных граждан»:
к вопросу о современных концепциях политического
участия молодежи 54

Л.И. Воронина

Использование маркетинга в деятельности
органов власти 59

Н.П. Гриценко

Региональные политические элиты в современной
России: ресурсы влияния на политический процесс 64

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, социологии, политологии, права, экономики, менеджмента и предпринимательства, философии управления, а также преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся данными проблемами.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политических, социальных, экономических, правовых и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношения с государственной и муниципальной властью.

Требования к рукописям научных статей, представляемых для публикации в научном журнале «Социум и власть» размещены на странице 135.

Рукописи рецензируются

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: saa@urags-chel.ru

Адрес в Интернет

<http://urags-chel.ru>

Редакция журнала не несет ответственности за позицию и точку зрения авторов

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Подписной индекс по Российской Федерации 46536

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

В.В. Рудой, А.В. Понеделков, А.М. Старостин, В.Д. Лысенко

Социологический профиль региональных политических элит Юга России (конкретно-социологическая интерпретация) 70

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Р.С. Тараборин, Ю.В. Тараборина

Наполеон Бонапарт и составление Гражданского кодекса французов 1804 г. 73

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Д.В. Рушанин

Антикризисная стратегия реструктуризации предприятия на основе реинжиниринга бизнес-процессов (на примере Челябинского филиала ОАО «ЛУКОЙЛ-Интер-Кадр») 77

Н.Ю. Коротина, И.А. Овчинникова

Механизм социально-экономического развития мясопродуктового кластера на основе эколого-ориентированного подхода 83

КУЛЬТУРА

И.Б. Фан

В поисках достоинства и ценности жизни российского гражданина 89

А.А. Павильч

Развитие представлений о коммуникативной культуре в проблемном поле межкультурных взаимодействий 94

Н.А. Борисов

Образ России в Кыргызстане: устойчивость позитивных стереотипов 100

ИСТОРИЯ

Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов

Организация специального межевания в России 106

В.А. Воропанов

Низшие суды в системе правосудия Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. (на примере губерний Урала и Западной Сибири) 112

ПЕРСОНА

Интервью-беседа профессора С.С. Загребина с начальником Управления по делам образования администрации города Челябинска А.И. Кузнецовым 118

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Россия и Сибирь: порядок управления. Рецензия на монографию Н.И. Краснякова «Сибирский формат» регионального управления в Российской империи (XVIII – начало XX вв.)». – Екатеринбург: УрАГС, 2006. – 240 с. 123

SOCIUM

R.V. Evstifeev

The state and society in XXI century: metaphors of globalization and globalization of metaphors 4

E.N. Yarkova

Person and society: social and cultural universalizes and specific distinction of Russia 10

E.A. Kushnym

Erich Fromm's «Humanistic radicalism» - the fundamenatal approach to the creation of the society 15

E.P. Tabachkov, A.G. Savinovskih, V.I. Chernyi

Social and technical system and its specialization in the society 20

E.A. Tereshuk

The peculiarities of the corporate culture of public servants rated by experts 24

G.G. Sorokin

Global population ageing as a demographic mainstream of the modernity 30

POWER

K.V. Starostenko

Political pluralism and political diversity: some problems of the political theory 34

L.G. Fishman

Political sense of refusal from the public goods 39

M.H. Nazamutdinova

The politics of Thatcherism and its influence on the British press (on the example of the newspaper "The Times") 44

I.V. Kirdiyashkin

To the problem of the participation of the youth in the reproduction of ideological components in political communication 49

A.A. Malkevich

«Cultural shift» of the «indifferent citizens»: to the question of the modern concepts of political participation of the youth 54

L.I. Voronina

The use of marketing in the authority activity 59

N.P. Gritsenko

Regional political elites in modern Russia: resources of influence on the political process 64

V.V. Rudoy, A.V. Ponedelkov, A.M. Starostin, V.D. Lysenko

Sociological profile of the regional political élites in the South Russia 70

STATE AND LAW

R.S. Taraborin, U.V. Taraborina

Napoleon Bonaparte and the Civil Code of the French of 1804 73

ECONOMIC POLICY

D.V. Rushanin

The anticrisis strategy of the restructuring of the enterprise on the basis of reengineering of business processes 77

N.U. Korotina, I.A. Ovchinnikova

The mechanism of the social and economical development of meat and grocery cluster on the basis of enviromentally-oriented approach 83

CULTURE

I.B. Fan

In search of human dignity and value of life of Russian citizen 89

A.A. Pavilch

The Development of notions about communicative culture in the problematic field of intercultural interaction 94

N.A. Borisov

The image of Russia in Kyrgyzstan: stability of positive stereotypes 100

HISTORY

G.S. Smirnov, S.S. Smirnov

The organization of special land surveying in Russia 106

V.A. Voropanov

Lower courts in the system of justice of the Russian Empire in the late 18th and early 19th centuries (Ural and Western Siberia) 112

PERSON

The interview of professor S.S. Zagrebin with the Head of the State board of education of the Chelyabinsk Administration A.I. Kuznetsov 118

CRITICS AND REVIEWS

The review of the monography by N.I. Krasilnikov «The Siberian format» in the regional administration in the Russian Empire (XVIII-beg.of XX centuries) 123

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В XXI ВЕКЕ: МЕТАФОРЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОР

УДК 327:321.01

Р.В. ЕВСТИФЕЕВ

Сложные и противоречивые взаимоотношения государства и общества в XX веке почти целиком и полностью, со всеми проблемами и достижениями, перешли в век XXI, несмотря на многочисленные предупреждения, алармистские заявления и социально-философские обоснования острого кризиса современной цивилизации. Причем направление дальнейших изменений казалось вполне очевидным: ослабление роли национальных государств и выход на историческую и политическую арену межгосударственных и негосударственных акторов. Такая эволюция в целом проецировалась и на внутригосударственный уровень, где все громче заявляли о себе неправительственные организации и всевозможные объединения граждан.

Однако траектория развития оказалась не такой простой. Более того, начало XXI века предъявило государствам новые испытания в виде глубочайшего финансово-экономического кризиса.

Глобальные изменения и вызовы, сформировавшиеся в последней четверти XX века и проявившиеся в самом начале века XXI, в том числе и в виде экономического кризиса, предъявили новые требования к функционированию государства, политических систем, взаимодействию государства и общества. Именно процессы глобализации, понимаемые как общие для большинства государств изменения в социальной, политической, экономической и культурной сферах, в целом могут восприниматься как некий магистральный путь для развития человечества. Понимание направленности и характера этого пути может помочь формированию новых принципов взаимодействия общества и государства, и выстраиванию эффективных индивидуальных политических траекторий государств в общем марше человечества к будущему.

Во многом именно поэтому глобализация как процесс и как результат, уже несколько десятилетий привлекает к себе внимание исследователей. Усиление и упрочение связей, вызванных развитием множества глобальных процессов, особенно телекоммуникационных, дало основание многим исследователям описывать динамику глобализации как создание «глобальной деревни», претендующей на формирование космополитического глобального общества будущего [см.: 9, 14, 15].

Другие ученые изображают глобализацию как производство новых типов дискриминации и эксплуатации – экономической, расовой, экологической и других. Глобализация, с этой точки зрения, предстает как эра «глобального апартеида» [см.: 5, 13].

Иначе смотрят на глобализацию сторонники идеи «глобальной империи», которая иногда ассоциируется с новой геополитической конфигурацией во главе с США, но может пониматься и более широко, как процесс гомогенизации мирового сообщества на принципах западной культуры и капиталистического сообщества [см.: 7, 8, 11].

Как показывают эти примеры, которые можно продолжать довольно долго, в понимании процессов глобализации большую роль играют метафоры, роль и значение которых в развитии социальных наук уже обоснованы и признаны. Это, конечно, ни в коем случае не означает, что глобализация существует только в мире метафор – глобализация определяется все-таки реальными процессами и изменениями. Однако глобализация во многом существует через метафоры. Это происходит потому, что метафоры создают и наполняют содержанием новые словари, которые делают политические и социальные изменения понимаемыми и понятными. Кроме того, устойчивые метафоры могут влиять не только на сферу нашего восприятия, но

и формировать наши действия и реакции на эти изменения.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть новейшие тенденции в развитии глобальных процессов, описываемых в виде метафорических когнитивных фреймов, и оценить их влияние на изменения во взаимодействии государства и общества. Причем само это рассмотрение будет осуществляться с точки зрения, выраженной в применении метафорического термина «вызов».

Как один из параметров, определяющих развитие человеческих обществ, метафора «вызов-и-ответ» была предложена Арнольдом Тойнби [3, с. 28]. Правда, для современного и адекватного его применения в рамках политической науки идею Тойнби необходимо существенным образом скорректировать. Дело в том, что методологически позиция Тойнби основывается на уверенности в том, что история развивается через достаточно автономное развитие цивилизаций, представляющих собой малосхожие и редко взаимодействующие друг с другом общества.

Однако движущей силой изменений этих обществ являются не внутренние причины, а резкие изменения условий жизни, которые Тойнби называет «вызовом». Общество, которое не может дать адекватного ответа на внешние перемены, не успевает перестроиться и изменить образ жизни и продолжает жить и действовать так, как будто «вызова» нет, как будто ничего не произошло, движется к пропасти и гибнет.

Воспользовавшись данным методологическим приемом, но отставив свойственную Тойнби абсолютизацию этого принципа и не настаивая на его универсальности, обратим внимание на глобальные процессы, рассматривая их как своего рода вызовы национальным государствам и мировому сообществу в целом.

В начале нашего анализа отметим, что попытки понять, куда движется мир, являются очень древней интеллектуальной игрой. Данная игра, при всех различиях в предлагаемых моделях, подразумевает, тем не менее наличие некоторых общих (и близких к аксиоматическим) установок, которые можно свести к следующим тезисам.

Во-первых, для участников этого интеллектуального предприятия характерно

признание существования общей судьбы человечества и наличия общего вектора развития. Данный тезис при внимательном рассмотрении отнюдь не представляется очевидным, и традиция разбивать человечество на обособленные и движущиеся своими путями группы также довольно хорошо просматривается на интеллектуально-историческом горизонте (достаточно вспомнить российского мыслителя Н.Я. Данилевского, немецкого историка и философа О.Шпенглера и английского историка А.Тойнби).

Во-вторых, этот общий вектор развития и общая судьба чаще всего олицетворяются в историческом развитии одной или несколькими определенными группами людей, объединенных в народы, нации, государства. При этом, обычно, теоретики, выдвигающие такие теории, сами относятся именно к этим определенным группам человечества и достаточно легко обосновывают превосходство своей группы над другими.

В-третьих, таким образом, общая судьба человечества почти всегда видится не суммативно, как результирующая всех путей развития различных частей человечества, а весьма избирательно, в соответствии с политическими и зачастую мифологическими и мифологизированными факторами.

Естественно, один из первых примеров такого видения процесса развития человечества дают религиозные системы. Еще до возникновения мировых религий, на уровне первоначальных мифологических представлений, мы уже встречаем попытки объяснения общего тренда развития, который тогда, кстати, виделся весьма бесперспективным. Тем не менее, несмотря на предрекаемую горькую судьбу, уже с поэтических построений Гесиода (а именно о нем идет речь), мыслящее человечество начинает ощущать общность своего пути в будущее. В дальнейшем свои проекты такого пути предлагали и Платон, и Аристотель, и тысячи других известных и не очень мыслителей. Сама же реальность, ведущая к общему будущему человечества, возникла, скорее всего, гораздо позже.

Реальное влияние глобализационных вызовов второй половины XX века выразилось в том, что большое количество стран

мира так или иначе вынуждены были проводить реформы, направленные на повышение эффективности взаимодействия государства и общества. Именно в это время и возникает сама идея эффективности государственного управления, во многом заимствованная из практики хорошо работающих бизнес-организаций.

В каждой стране были, безусловно, свои уникальные обстоятельства, делающие такие реформы необходимыми, но реформы в том числе были вызваны целым рядом причин, общих для различных государств, имеющих глобальный характер. Среди этих причин необходимо указать на изменения во взаимодействии государства и общества, которые происходили на протяжении всего XX века и уже ко второй половине столетия приобрели необратимый и инновационный характер. Кроме того, на эти объективно происходящие и субъективно осознаваемые изменения, наложились изменения в политико-административном устройстве миропорядка, которые произошли в конце 80-х начале 90-х годов в связи с разрушением социалистической системы и исчезновением СССР. Нельзя забывать и о чисто экономических причинах, связанных с желанием остановить рост удорожания содержания государственной власти, минимизировать убытки, причиняемые предпринимателям и экономике в целом, злоупотреблениями государственных служащих (коррупция).

Таким образом, направленность реформирования политико-административных систем в различных странах в последние 30 лет была очевидной – произошло уменьшение роли нации-государства путем передачи его функций, с одной стороны, на межгосударственный уровень, а с другой – на более низкие, начиная с правительственных агентств и завершая муниципалитетами [см.: 2]. Это привело к появлению новых методов административно-политического управления, фрагментации публичного (общественного) сектора, сокращению полномочий гражданской службы и к созданию новых условий организации, самого общества и управления им.

Российский вариант реформ начала XXI века, по крайней мере на уровне деклараций, вполне соответствовал данному мейнстриму, однако практическая ре-

ализация, кажется, закончилась неудачей, оформленной откровенным признанием президента В.В. Путина на встрече с зарубежными политологами в сентябре 2007 года. Говоря об административной реформе (коснувшейся, впрочем, пока только федеральных органов исполнительной власти), В.В. Путин отметил: «В течение последних трех с лишним лет стало ясно, что это для нашей действительности неэффективная модель» [1].

Такая оценка во многом вызвана не только неудачами в реализации неплохой, в целом, модели, но еще и тем, что сам вышеупомянутый «мэйнстрим», с его всеобщим видением политико-административных преобразований, сегодня стремительно видоизменяется, и происходит это под непосредственным воздействием изменившихся глобальных процессов, которые с полным основанием можно назвать новой генерацией глобальных вызовов.

Представляется, что многообразие взглядов и предположений, выраженных в выступлениях, книгах и дискуссиях современных исследователей, с некоторой долей утрирования можно свести к четырем базовым угрозам, принадлежащим к новой генерации глобальных вызовов, выраженным в метафорическом виде.

Возвращение истории

Одним из явных вызовов, вызревающим на наших глазах, является изменение понимания сущности движущих сил историко-политического процесса.

Наиболее ярко этот вызов выражен в недавно вышедшей книге одного из идеологов неоконсерватизма Роберта Кейгана, которая так и называется: «The Return of History and the End of Dreams» («Возвращение истории, конец мечтам»). Однако, заимствуя у Кейгана данную метафору, мы все же несколько иначе ее понимаем. Для видного неоконсерватора главное – доказать необходимость проведения жесткой американской внешней политики для поддержания лидерства США в мире. Нас же больше интересуют сами изменения, произошедшие в системе двигателей истории и приведшие не к возвращению истории времен холодной войны (как у Кейгана), а к возвращению самой истории, если угодно в гегелевском ее понимании.

Если в конце XX века большинство исследователей справедливо, основываясь на фактах, утверждали о приходе новой (третьей) волны демократизации (С. Хантингтон), а в более радикальном варианте, вообще о «конце истории» (Ф. Фукуяма), то в начале XXI века стало ясно, что никакого «конца истории» не предвидится; оценки перспектив «триумфального шествия демократии» стали более осторожными, а в публицистике, которая всегда быстрее реагирует на изменения реальности, уже впрямую говорят о кризисе либеральной демократии (Ф. Закария) и даже о «демократическом откате». При этом мы становимся зрителями и участниками соревнования XXI века между традиционными демократическими государствами, 30-40 лет идущими по пути повышения своей эффективности в рамках либерально-демократической модели, и странами, которые далеки от демократических идеалов и которые часто называют авторитарными.

«Возвращение великих авторитарных держав» в высшую лигу мировых политических и экономических игр является главным вызовом современной демократической модели организации обществ [6]. Очень красноречиво выглядят заголовки статей в серьезных изданиях последних лет – «Диктатура и демократия – что эффективнее?» («The Wall Street Journal», 18 июня 2007); «Мир раскалывается... на кону демократия» («The Times», 03 сентября 2007); «Конец мечтам, возвращение истории» («Policyreview», август 2007); «Конец демократии» («The Economist», Великобритания, октябрь 2007); «Свертывание демократии. Возвращение грабительского государства» (Foreign Affairs, March/April 2008).

Неслучайно последний мировой политологический конгресс, прошедший в Японии, в Фукуоке, проходил под знаком вопроса: «Is democracy working?» («Работает ли демократия?»). Этот знак вопроса в теме конгресса говорит о том, что интеллектуальная работа по осознанию реального места демократии в мировом политическом процессе далеко не закончена и есть глубокие сомнения в том, что демократия «работает» везде одинаково и с одинаковым успехом. Вполне возможно, что через какое-то время осознание новых

глобальных вызовов может дать еще один возможный ответ на этот вопрос:

«Is democracy working? Certainly. But not the only one»

«Работает ли демократия? Конечно. Но не только она одна».

Возвращение государства

Другим вызовом, по мнению многих исследователей, становится конфликт между эффективностью (и вообще необходимостью!) национального государства и развивающейся экономической, культурной и политической глобализацией. Причем основную тенденцию в этом конфликте можно выразить двумя словами – возвращение государства.

Во второй половине XX века сформировалась уверенность в том, что возможности нации-государства в современном мире серьезно ограничиваются формированием международных финансовых рынков, интернационализацией бизнеса и капитала, не говоря уже о глобальных открытых информационных сетях. Ограничиваются настолько, что можно говорить об исчезновении, вымывании государства.

Но оказалось, что, дойдя до края в своем стремлении вывести из-под ведения государства как можно больше вопросов, общество наталкивается на такие серьезные проблемы, разрешить которые никакие межгосударственные образования не в состоянии. Это хорошо просматривается, например, в сложностях европейской интеграции, которая, казалось, должна была стать апофеозом постмодернистского «снятия» государства. И особенно это стало ясно в ходе нового финансово-экономического кризиса.

По всей видимости, сегодня перед национальным государством встает вопрос, который когда-то нации-государства уже решали: как усилить управленческую способность государства (state capacity), то есть способность государственных организаций формулировать всеобщие правила и внедрять их в политику, управление, экономику и общество с минимальными отклонениями от политических намерений.

Несмотря на заклинания и мрачные пророчества, национальное государство оказалось довольно живым субъектом и

«умирать» (размывать, разменивать свой суверенитет) не собирается. Об этом, кстати, написана и последняя книга автора концепции «конца истории» Ф. Фукуямы, красноречиво озаглавленная – «State Building. Governance and World Order in the Twenty-First Century» (в русском переводе – «Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке») [4].

Перефразируя несколько мрачное название одной статьи (правда, там речь идет о политических классах), можно сказать так:

«The State Is Not Dead: It Has Been Buried Alive» («Государство не умерло: его похоронили живым») [16, с. 236].

Отметим, что в России «похороны» государства, к счастью, не удались. Более того, начиная с 2000 года, мы наблюдаем зримое усиление позиций государства во всех сферах нашей жизни. Несмотря на то, что неоднократно руководство страны в лице Президента и других руководителей заявляли, что нужно уходить от чрезмерного вмешательства государства в экономику, тенденция пока остается однозначной – политико-административные преобразования начала XXI века привели к росту влияния государства. Является ли данный феномен российским ответом на происходящие в мире изменения, или это реакция на ослабление российской государственности в 90-е годы, покажет время.

Превращение глобализации в глобализацию с «незападным лицом»

Вызвавший много шума в 2005 году доклад «Mapping the global future», подготовленный Национальным разведывательным советом (National Intelligence Council), запомнился, прежде всего, широко обсуждаемыми сценарными разработками, тогда как там были и другие интересные предположения и предсказания [17].

Одно из них связано с дальнейшим развитием процессов глобализации, которая все больше и больше начинает приобретать, как сказано в докладе «non-Western' face», незападное лицо. Рост китайской и индийской экономик приведет, по мнению авторов доклада, к тому, что к 2020 году многие стандарты и нормы глобализирующегося мира будут задавать уже незападные страны во главе с США.

Еще более радикальный прогноз был дан экономистами агентства «Голдман Сакс» в октябре 2003 г. в докладе «Dreaming with BRICs: The path to 2050» («Мечтая вместе с «БРИК»: Путь к 2050 г.») [10]. По их мнению, радикальные изменения в соотношении размеров экономик и общего соотношения сил западных и незападных стран приводят к тому, что к 2050 г. лидирующую роль в глобальной экономике будут играть 4 незападные страны: Бразилия, Россия, Индия и Китай (так называемые страны «БРИК»).

Несмотря на столь тревожные прогнозы, сегодня исследователи предпочитают осторожно говорить о «поствестернизации», предполагая, что западным странам во главе с США все же удастся перевести ситуацию в менее радикальный вариант все того же западного влияния на остальной мир, причем с использованием преимущественно «мягкой силы» (soft power) или даже, как сегодня говорят, smart power («умной силы»).

Превращение глобализации в глобализацию с «незападным лицом» будет означать, что в этом споре побеждает пока еще малопонятная конструкция, в которой место и роль общества будут сильно отличаться от тех, которые отведены обществу в традиционных модернизационных теориях и практиках.

Характерно, что первые черты растерянности в этой сфере можно было заметить уже в 2000 году, в более ранней версии доклада Национального разведывательного совета, «Global Trends 2015» («Глобальные тренды 2015»). Именно там при объяснении основных трендов развития России была использована креативная, но труднопереводимая на русский язык фраза: «Many Russian futures are possible».

Превращение би-полярного мира в «бесполярный беспорядок»

Четвертый глобальный вызов пока осознается только на уровне дискуссий публицистов и интеллектуалов, связанных с практической работой в сфере международных отношений.

Следует пояснить, что для развития любой страны важным является ее место в современном мире. А это место, в свою очередь, зависит не только от внутренних

кондиций общества, но и во многом от того мирового порядка, который господствует на данный момент. История знает уже существование двухполярного мира, который имел место во время соперничества двух сверхдержав; знакомо нам и пусть краткое, и не очень убедительное развитие однополярной модели, которую сегодня открыто критикуют по обе стороны океана. Казалось, что мир логически вступает в эпоху многополярности.

Однако, как оказалось, грядущая многополярность встречает на своем пути серьезные препятствия, и не только со стороны самого сильного государства на планете.

Возникающий миропорядок можно оценить, как «unpolar disorder» или по-русски «беспольярный беспорядок», где полюсом силы неожиданно и ненадолго может стать любое государственное и негосударственное образование [12]. В связи с этим привычное стремление любого государства стать полюсом силы или быть поближе к такому полюсу, качественным образом меняет свою значимость. Данный вызов во многом определяет не только контуры внешнеполитической доктрины государства, но и все внутриполитическое

устройство, крайне зависимое сегодня от претензий страны на определенное место в стремительно меняющейся иерархии общепланетарного масштаба.

Таким образом, появление новых движущих сил развития историко-политического процесса, преждевременные «похороны» национального государства и возвращение его в новом облики, проявление в незападного лика глобализации и зарождение «беспольярного беспорядка» с большим количеством вступающих в глобальную игру новых участников (воспользуемся ярким выражением Ф. Закария – «the Rise of the Rest»), создают атмосферу, рождающую испуг перед ставшим вдруг неясным и тревожным будущим.

Сегодня, по всей видимости, мир в целом переживает довольно сложный период. Звонкая и шумная ярмарка демократии с небольшой кунсткамерой авторитаризма начинает утихать, карусель политико-демократических преобразований замедляет свой бег, и мы еще сами не знаем какой фестиваль ждет нас в будущем. Будущие формы и содержание взаимодействия общества и государства во многом будут зависеть от того, какова будет наша реакция на указанные новые вызовы.

1. Встреча Президента РФ В.В. Путина с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай». 14.09.2007. Сочи – http://www.kremlin.ru/appears/2007/09/14/2105_type63376type63381type82634_144011.shtml.

2. Евстифеев Р.В. Государственное управление как предмет политической науки: размышления у парадного подъезда // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации. Материалы 5-й международной конференции факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова (31 мая – 2 июня 2007 г.). М., 2007.

3. Тойнби А. Постыжение истории. М., 1991.

4. Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2007.

5. Alexander T. Untravelling Global Apartheid: An Overview of World Politics. Cambridge: Polity Press. 1996;

6. Azar G. The Return of Authoritarian Great Powers // Foreign Affairs, July/August 2007.

7. Balakrishnan G. (ed.) Debating Empire. London and New York: Verso. 2003;

8. Barber B. Jihad versus McWorld. New York: Ballantine Books. 1995;

9. Beck U. Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press. 2006;

10. Eurasia 2020. Global trends 2020 Regional Report (April, 2004). – http://www.cia.gov/nic/PDF_GIF_2020_Support/2004_04_25_papers/eurasia_summary.pdf

11. Ferguson N. Colossus. New York: Penguin. 2005.

12. Haas, Richard. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs, May/June 2008.

13. Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge: Harvard University Press. 2000.

14. Held D. Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance. Stanford: Stanford University Press. 1995.

15. McLuhan M. Understanding Media. Cambridge, MA: MIT Press. 1994;

16. Waal van der, J., Achterberg P., Houtman D. Class Is Not Dead: It Has Been Buried Alive: Class Voting and Cultural Voting in Postwar Western Societies (1956-1990) // Politics and Society. 2007, №35.

17. http://www.cia.gov/nic/NIC_2020_project.html.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И СПЕЦИФИКА РОССИИ

УДК 141.7

Е.Н. ЯРКОВА

Проблема отношений человека и общества в эпоху глобализации приобретает статус глобальной проблемы. С одной стороны, именно в эпоху глобализации достигает своего пика процесс атомизации общества, разрушения социальных связей и дискредитации традиционных идеалов коллективизма, что оборачивается такой социальной и человеческой бедой как одиночество, утрата смысложизненных ориентиров. С другой стороны, именно в эпоху глобализации зримой становится тенденция унификации человека, его поглощения массовой культурой, нивелирования человеческого Я техногенной реальностью.

Отмечая эти негативные процессы, я отнюдь не хочу встать на путь антиглобализма и определить в качестве главной причины проблематизации отношений человека и общества глобализацию. Такие разнонаправленные тенденции в развитии отношений человека и общества, как унификация и индивидуализация, формируются как следствие двойственной общественно-индивидуальной природы человека. Кант обозначает эту двойственность как феномен «недоброжелательной общительности» людей. Он утверждает: «Человек имеет склонность общаться с себе подобными, ибо в таком состоянии он больше чувствует себя человеком, т.е. чувствует развитие своих природных задатков; но ему присуще сильное стремление уединяться (изолироваться), ибо он в то же время находит в себе необщительное свойство – желание все сообразовать только со своим разумением – и поэтому ожидает отовсюду сопротивление, так как он по себе знает, что сам склонен сопротивляться другим. Именно это сопротивление пробуждает все силы человека, заставляет его преодолевать природную лень, и, побуждаемый честолюбием, властолюбием или корыстолюбием, он создает себе положение среди своих ближних, ко-

торых он, правда, не может терпеть, но без которых он не может обойтись» [7, с. 16].

Отталкиваясь от идеи «недоброжелательной общительности» людей, можно сформировать некоторую систему идеальных типов – моделей отношений человека и общества.

Первый из них – коллективизм. Ключевой идеей коллективизма является идея примата общественных интересов над индивидуальными. Героем общества коллективизма является индивид. Родовые качества человека представляются ему более важными, нежели индивидуальные, вследствие чего не формируется представление о личностной автономии: отдельный человек всегда виден сквозь призму интересов коллективного целого, это человек для общества, для государства. Коллективизм – атрибут традиционной культуры. По-видимому, он является исходной формой человеческой социальности, причем применительно к архаичной культуре, речь должна идти не столько о примате общих интересов над частными, сколько о нерасчлененности таковых, их синкретизме. Необходимо определиться и с соотношением таких понятий, как «коллективизм» и «альтруизм». Альтруизм не тождествен синкретичному коллективизму, поскольку он основан на идее преодоления эгоизма, ограничения, подавления собственных интересов во имя реализации интересов других людей. Коллективизм же вполне может соединяться с эгоизмом, скажем, с эгоизмом социальной группы.

Второй тип отношений человека и общества – индивидуализм. Индивидуализм зиждется на идее первичности частных, индивидуальных интересов и вторичности общественных. Впрочем, радикальный индивидуализм может доходить до полного игнорирования общественных ин-

тересов, позиционирования эгоизма как нормы жизнедеятельности. Героем общества индивидуализма является индивидуалист. Индивидуальные качества человека представляются ему более важными, нежели родовые. В видении индивидуалиста общество, государство существуют для человека. Индивидуализм – антитеза коллективизма. Именно так представляет его страстный защитник индивидуализма американская писательница и философ Айн Рэнд: «Слово «мы» – это известность, вылитая из людей, которая застывает и твердеет, как камень, и подавляет собой все, так что и белое, и черное равно теряются в его серости. С помощью этого слова порочные крадут добродетель у хороших, слабые крадут мощь у сильных, дураки крадут мудрость у мудрецов... Я покончил с чудовищем «мы» – именем рабства, грабежа, страдания, лжи и стыда. И теперь я вижу лицо бога, я возношу этого бога над землей. Того бога, которого люди искали с тех пор, как произошли на свет, того бога, который даст им радость, мир и гордость. Этот бог – одно слово: Я.» [10, с. 63-64]. Общество для индивидуалиста лишь сумма индивидуальностей. Такого рода общество начинает формироваться в эпоху модернизации и достигает своего пика в эпоху постмодерна. Один из идеологов постмодерна Ж. Делез оптимальной формой социальной организации считает образованные из сингулярностей – единичностей, «роевые» сообщества [см.: 5].

Сегодня становится все более очевидным, что и коллективизм, и индивидуализм – стратегии односторонние, контрпродуктивные. Оптимальным представляется третий тип отношений человека и общества, который можно обозначить как солидаризм. Героем общества солидаризма является личность. Социальное бытие личности предполагает постоянное напряжение между коллективистскими и индивидуалистскими его аспектами. Отторгая, как аморфный коллективизм, так и атомистический индивидуализм, основной стратегией социального взаимодействия личность полагает синергию, солидаризм. Солидаризм – не простое наложение коллективистских и индивиду-

алистских установок, он формируется в результате развития рефлексии, осмысления контрпродуктивности как синкретического коллективизма, так и эгоистического индивидуализма, развития альтруистических представлений. Общество солидаризма – общество, в котором культивируется диалог, который квалифицируется как спасительная стратегия, способная вывести человечество из лабиринта тупиковых направлений эволюции. «Именно диалог ... является альтернативой войн, революций, всяческого насилия человека над человеком – утверждает М.С. Каган, – ...ныне человечество «приговорено к диалогу». Осуществление этого приговора – дело каждого из нас» [6, с. 405].

Что касается русской культуры, то специфической ее особенностью, по общему признанию, является антиномичность – «жуткая противоречивость» (Н. Бердяев). В полной мере это относится и к представлениям об отношении человека и общества. Вектор развития русской культуры относительно этих представлений имел инверсионную направленность – от абсолютизации коллективизма массовое сознание переходило к абсолютизации индивидуализма, при этом в «расколотом обществе» (А. Ахиезер) России всегда существовал дефицит солидаризма, диалогизма и зрелого альтруизма. Как представляется, такого рода культурная особенность России была обусловлена спецификой ее социальной истории.

Специфической чертой русской традиционной культуры является гипертрофия коллективизма. В качестве исходной причины такого положения вещей исследователи определяют крайне неблагоприятные природно-климатические условия России, в частности, кратковременность цикла земледельческих работ, низкий температурный уровень, преобладание малоплодородных почв. С.М. Соловьев писал: «...природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, – мачеха» [12, стб. 625]. Борьба с природой требовала коллективных усилий. Для славян-язычников коллектив – община, мир – высту-

пал как носитель «правды», достигавшейся общим согласием, ладом.

Классическим является представление, согласно которому, основным противоречием сельской общины является ее дуализм – противоречие между общинной собственностью, коллективизмом труда и индивидуальным (частным) владением, парцеллярным трудом и т.д. К. Маркс выделяет три основные формы соседской общины: азиатскую, античную и германскую – как стадии разложения доклассовой социальности, выделения индивида из общности, развития частной собственности и образования семейно-индивидуального хозяйства. Интересно, что К. Маркс, относил русскую общину к азиатскому типу, поскольку она основана на началах коллективизма. Германская община-марка, по Марксу, характеризуется выраженностью индивидуалистского начала: «Германская община отличается от Русской общины, прежде всего характером самоуправления. Для первой характерна демократическая организация, для второй – патриархальная» [8, с. 701].

Гипертрофии коллективистского начала в культуре России способствовало православие, в рамках которого бытует представление о соборности как единодушном участии верующих в жизни мирской и церковной, как коллективном жизнетворчестве и коллективном спасении. Соборность закрепляла патриархальный коллективизм. А.С. Хомяков искал идеал соборности в прошлой истории России, свободной, по его мнению, от индивидуалистической культуры. В центре его философско-богословской концепции стоит представление о Церкви как духовном и материальном единстве: «Церковь – не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божьей благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати..» [13, с. 5]. Для сравнения необходимо отметить, что Запад отказался от принципа соборности.

Гипертрофия коллективизма в русской культуре была обусловлена спецификой отношений общества и государства, принципиально отличных от Запада. В

России суровые природно-климатические условия и невысокая агрикультура стали условием низкой урожайности и низкого объема совокупного прибавочного продукта. Однако задача развития государства требовала оптимизации объема совокупного прибавочного продукта. Такое достигается не путем развития частной хозяйственной инициативы, а путем усиления эксплуатации крестьянства, введения крепостного права. Последнее способствует консервации коллективистских установок, поскольку именно община выступает как оплот крестьянской сплоченности и как средство выживания в столь сложных условиях. Интересно, что Л.В. Милов рассматривает общинный коллективизм как компенсационный механизм выживания русского крестьянства [см. об этом: 9].

Гипертрофия коллективистского начала в русской культуре была обусловлена тем, что модернизация в России отливается в специфические формы консервативной модернизации, которая осуществляется декретом сверху и консервирует некоторые традиционные институты. Например, модернизация, предпринятая Петром I, не только не разрушала крепостничества, но и усиливала его. Самым большим пороком Петровских реформ было усиление крепостничества, появление новых категорий подневольных людей, например, людей, прикрепленных к промышленным предприятиям. Крепостными были некоторые крупнейшие предприниматели этого периода, например, А. Ф. Строганов.

Консервации идеалов коллективизма способствовала советская идеология. А.С. Ахиезер полагает, что модернизация России в советский период соединяется с тенденциями архаизации, т.е. возвратом к традиционному синкретизму («псевдосинкретизму») [см.: 1]. Принцип коллективизма воплощается советскими идеологами в теорию слияния частного и общественного интересов, суть которой сводится к тому, что в бесклассовом обществе противоречие между индивидом и коллективом, благом человека и благом народа полностью преодолевается, происходит слияние личных и общественных интересов. Впрочем, идея слияния интересов

парадоксальным образом соединялась с идеей примата общественного интереса: «В условиях социализма, когда еще сохраняется различие общественных и личных интересов, принцип коллективизма требует приоритета первых над вторыми, если между ними возникает противоречие. Однако это противоречие может иметь лишь частный, преходящий характер, поскольку в своей основе интересы общества и личности находятся в единстве и постепенно сближаются в процессе построения коммунизма» [11, с. 130].

Таким образом, может сложиться впечатление, что русская культура – культура коллективизма, и индивидуализм ей не свойствен. Однако это не так. Культура индивидуализма прорастает в России в толще коллективистских представлений.

Первый всплеск массового крестьянского индивидуализма связан с пореформенным периодом. Если в условиях крепостного права развитие частных интересов было заторможено, то в пореформенный период крестьянин начинает склоняться в сторону индивидуализма [4, с. 334-347]. Еще один всплеск – период столыпинских реформ, вследствие которых часть крестьян взяла курс на выделение из общины и развитие индивидуального хозяйства. Справедливости ради необходимо отметить, что другая часть, причем большая, не только категорически отказалась расстаться с общиной, но и встала в оппозицию «отрубщикам» и «выделенцам». В конечном итоге, отношения между сторонниками крестьянского коллективизма и индивидуализма приобретают форму раскола. В исторической реальности это выразилось в обострении отношений между общинниками и отрубщиками, хуторянами. «В годы столыпинской аграрной реформы, – указывает О.Г. Вронский, – расширилось использование самосуда как средства сведения счетов с крестьянами-собственниками, крестьянами-арендаторами помещичьей земли...самосуд был в большей степени средством агрессии, а не обороны крестьянского “мира”» [3, с. 354]. Столыпинская аграрная реформа расколола крестьянство на два враждебных лагеря: носителей индивидуалистских и коллективистских

ориентаций. Победу в этой нелегкой борьбе одержали общинники – сторонники коллективизма, что было закономерным итогом не только их численного преимущества, но и, условно говоря, идейной зрелости. Ценности коллективизма были освоены, систематизированы, вписаны в систему традиционных норм. Сторонники индивидуализма не имели столь цельной, оформленной программы – новые идеалы едва заявили о себе в русской массовой крестьянской культуре.

Индивидуализм подспудно развивается и в советской России. Можно проследить его динамику от периода «военного коммунизма», когда практически на все проявления индивидуализма был наложен жесткий запрет, что повлекло «омертвление» крестьянского хозяйства, сделало проблематичным развитие промышленности. К периоду НЭПа, в рамках которого происходит санкционированная правительством активизация ценностей ограниченной инициативы, комментируемая как принцип компромиссного «сожительства» с мелкими земледельцами и временно отпущенным на волю промышленным капиталом. Результаты этих мер были более, чем заметными – экономика страны была практически восстановлена. Однако необходимость вернуть утраченные властные позиции вызывает обратный ход маятника истории. Период сталинизма – время торжества системы государственного патернализма, который в очередной раз перечеркивает все ростки индивидуализма. Силой государственного давления: «...деревня была возвращена в дорыночные времена, в эпоху внеэкономического принуждения, личной зависимости, полного бесправия крестьян» [2, с. 43]. «Раскулачивание» обернулось геноцидом, направленным против носителей культуры индивидуализма. В рамках «насильственной индустриализации» развивается машинный фетишизм, превращающий общество в гигантский завод, людей – в винтики бюрократической машины. Однако и эта модернизированная версия коллективизма не оправдала себя. В период «хрущевской оттепели» осуществляется отход от машинного фетишизма, возрастает ценность

индивидуальности, начинается движение навстречу ее потребностям. Получает частичную нравственную легитимацию принцип экономической заинтересованности. После Хрущева вновь наступает сворачивание экономической активности. Следующий подъем связан с именем Косыгина. Косыгинские реформы предполагали значительное расширение рыночных отношений, развитие хозрасчета. Но и они сменяются спадом – маятник продолжает качаться. Однако нельзя не заметить, что амплитуда его колебаний становилась все уже. В период “застоя” индивидуализм начинает вытеснять коллективизм.

В результате в постсоветский период мы имеем беспрецедентную в истории России актуализацию индивидуализма, причем этот индивидуализм приобретает радикальные формы. Современное российское общество представляет собой образец роевого сообщества, состоящего из сенгулярностей.

Итак, существует ли в современной России перспектива становления

солидаризма? На этот вопрос трудно ответить однозначно, хочется лишь заметить, что становление солидаризма связано с альтруизацией общества. Целостную концепцию реконструкции общества на началах альтруизма формирует П. А. Сорокин. Исследуя причины торможения альтруизации стран, в качестве важнейшей из них, Сорокин выделяет эгоизм правителей и политиков. По мнению ученого, обществу нужны особые руководители – пансофы – интеллектуалы, способные соединить научное мышление и высокие моральные принципы альтруистического переустройства и прогресса общества. К участию в руководстве мировым сообществом также должны быть привлечены экуменически ориентированные лидеры мировых религий и знаменитые альтруисты, которые призваны стимулировать моральное образование людей планеты. П. Сорокин был убежден, что именно моральные лидеры нового глобального сообщества, способны создать Новую Интегральную цивилизацию [см.: 14].

-
1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1. От прошлого к будущему; Т.2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1997-1998.
 2. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
 3. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905 - 1917). М., 2000.
 4. Вылцан М.А. Индивидуализм и коллективизм крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX - XX вв.) Материалы международной конференции. М., 1996.
 5. Делез Ж., Гваттари Ф. «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения». Екатеринбург, 2007.
 6. Каган М.С. Философия культуры. СПб, 1996.
 7. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане.// Кант И. Соч. в 8-ми томах. Т.8. М., 1994.
 8. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т.12.
 9. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
 10. Рэнд А. Мораль индивидуализма. М., 1993.
 11. Словарь по этике / под ред. И.С. Кона. 4-е изд. М., 1981.
 12. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.3. Т. XIII. СПб., б.г.
 13. Хомяков А.С. Работы по богословию // Хомяков А.С. Соч.: В 2т.- М., 1994. Т.2.
 14. Form and Techniques of Altruistic Love and Spiritual Growth: A Symposium, Boston, 1954.

«ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ» ЭРИХА ФРОММА – ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД К СОЗИДАНИЮ СОЦИУМА

УДК 1

Е.А. КУШТЫМ

Все чаще ученые отмечают тупиковую ситуацию человеческой цивилизации, говорят, что «человеку и истории пришел конец». В этой связи, обращение к творческому наследию мыслителей, переосмысливающих привычные способы отношения к действительности, заслуживает особого внимания. К их числу относится Эрих Фромм – выдающийся немецко-американский мыслитель XX века, хорошо известный российской научной общественности, идеи которого послужили катализатором философских споров и дискуссий, поднявших весьма обширный пласт социально-антропологической проблематики.

Эрих Фромм... В марте 2010 года исполняется **110 лет со дня его рождения и 30 лет со дня смерти...** С годами интерес к изысканиям Э. Фромма неизмеримо возрастает, ибо в своей системе «гуманистического радикализма» он во многом предвосхитил постановку и отчасти решение актуальных проблем современности. Э. Фромм является основоположником многих научно-исследовательских программ изучения глобальных проблем в комплексном, междисциплинарном познании человека. Трагической констатацией звучит его предупреждение: «Человек располагает такими средствами уничтожения, перед которыми любовь к жизни может оказаться бессильной» [2, с. 51].

За последние два-три десятилетия в нашей стране были опубликованы практически все фундаментальные произведения Э. Фромма, каждое из которых содержит мировоззренческое ядро, устремленное в завтрашний день, открывающий «новые соединения микромолекул человеческой расы» (Э. Фромм) в целом. «Я верю, – пишет Э. Фромм, – что каждый человек представляет все человечество. Мы различаемся по уму, здоровью, способностям. Тем не менее, мы все едины. Все мы – святые и грешники, взрослые и дети, но ни один

не превосходит другого и не судья ему. Все мы прозрели вместе с Буддой, всех нас распяли на кресте вместе с Христом, и все мы убивали и грабили вместе с Чингисханом, Сталиным и Гитлером» [3, с. 372]. Описывая «человеческую ситуацию», Э. Фромм, ведающий тайнами социальных перемен и психологического устройства человека, проецирует эту ситуацию в грядущие времена и прописывает нарицательность сегодняшнего дня в новом витке человеческого существования. Через сердце Э. Фромма, позволим себе сравнение, проходит трещина, расколовшая именно в историческое мгновение XX столетия действительность, дающая знать о себе и в XXI веке. Усиливающаяся дегуманизация человека ставит вопрос об экологии его сознания «во главу угла». Иначе говоря, проблема человека, являясь одной из основных проблем в течение многих тысячелетий истории человечества, в XXI веке предстала как сложнейшая научная проблема, требующая не только теоретического осмысления, но и практического решения.

Амплуа Э. Фромма – «гуманистический радикализм» как «альфа» и «омега» бытия. С реализацией принципа «гуманистического радикализма», а также с поисками способов актуализации человеческого в человеке в процессе его жизнотворчества, с выявлением механизмов актуализации творческого потенциала личности мы связываем возможность адекватного самоопределения человека в мире и выхода из кризисного состояния, в котором оказалась современная цивилизация. Разработанная Э. Фроммом концепция «гуманистического радикализма» обладает мощнейшим эвристическим потенциалом, прежде всего, – в исследовании проблемы социума и его властных структур. Э. Фромм буквально захвачен исследованием феномена авторитарности и бескомпромиссно осуждает какие бы то ни было

формы проявления зла, агрессии и насилия в человеческом обществе, видя свою миссию в создании философии общечеловеческого гуманизма. Целью человека является достижение полной независимости и свободы, что предполагает постоянные усилия прорваться сквозь преграду фикций и иллюзий к полному пониманию реальности. Насилие, порожающее страх, является, по мнению Э. Фромма, тем фактором, который толкает человека к принятию фикций и иллюзий за истину. Именно атмосфера насилия деформирует разум и чувства человека.

«Существует острая политическая потребность в таких людях, которые будучи специалистами своего дела и, интересуясь политикой, могли бы свободно высказывать то, что они знают и думают», – сказал однажды в своем интервью с Шульцем Э. Фромм – личность в полной мере политическая, с характерной для нее чертой независимости и свободы [2, с. 509]. Повышенный интерес Э. Фромма к общественным и политическим вопросам, явившийся предпосылкой для создания образа нового общества, обнаружился с начала 50-х годов. Определенную роль в этом, бесспорно, сыграла сама жизнь Э. Фромма в Мексике, куда он переехал в 1949 году и начал работу по созданию психоаналитического института. Все его время занимают исследования феномена капитализма в прошлом и в Новое время, а также исследования истории социалистических общественных проектов. В 1955 году Э. Фромм публикует книгу «Здоровое общество» (Примечание: «The sane society»). Немецкий вариант – «Wege aus einer kranken Gesellschaft» – «Пути из больного общества»), в которой создает образ неотчужденного общества со здоровой физической структурой. Принципиально новым является акцент Э. Фромма на социально-психологический подход к «социальному характеру», являющемуся своеобразным ключом к «здоровому обществу». В 1960 году Э. Фромм вступает в Социалистическую партию США, формируя ее новую программу, ориентированную на гуманизм Маркса, которая была отвергнута из-за сопротивления партийной бюрократии. «При всем моем оптимизме, я не мог больше оставаться в рядах американской социалистической партии», – вспоминает

Э. Фромм [2, с. 509]. Он выходит из партии и ищет иные формы политической активности [5, S. 110].

Первая форма политической активности Э. Фромма: составление и распространение текстов с изложением позиции по актуальным политическим проблемам. В частности, в «Вестнике комитета корреспонденции» публиковались открытые письма, в которых обсуждались вопросы внешней политики, связанной с Советским Союзом, Китаем, Кубинским кризисом, развитием Израиля с целью поддержки движения в защиту мира на Земле.

Вторая форма политической активности Э. Фромма: организация политических движений и участие в них. Так, в период с 1957-1968 гг., Э. Фромм отдал много времени, сил и денег движению в защиту мира, проявив инициативу разоружения. В 1957 г. он участвовал в основании «Национального центра за здоровую политику». Выступая против атомного вооружения, против военных действий, Э. Фромм изложил свое видение «здорового общества»: «Наша безопасность заложена в разумном и здоровом образе мысли. Под этим подразумевается реализм, ориентированный на разум, обладающий знанием фактов о противнике и о себе самом, судящий о вероятности не только исходя из возможностей, но и из перепроверки фактов, и, не увлекающийся проектами будущего, служащими самооправданию» [5, S. 127]. Выступая за последовательную политику разоружения, Э. Фромм писал: «Речь идет о людях! Современное положение человечества чрезвычайно серьезно. Политика устранения никогда не обеспечит мир, очень возможно, что она уничтожит цивилизацию и уже, безусловно, разрушит демократию, даже если бы удалось сохранить мир. Первые шаги к устранению опасности атомной катастрофы и сохранению демократии состоят в объединении за всемирное разоружение» [5, S. 127].

Третья форма политической активности Э. Фромма: статьи и книги, с одной стороны, имеющие просветительский характер; с другой – содержащие анализ актуальной политической ситуации. В работе «Концепция человека у К. Маркса» (1961), Э. Фромм проводит исследование мышления К. Маркса и публикует важнейшие

части из «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и «Немецкой идеологии» (1845-1846). Произведя огромное впечатление своей публикацией на американских нео-марксистов, Э. Фромм становится крупнейшей фигурой для них (Примечание: В Америке в период «холодной войны» и антикоммунизма вообще не было английского перевода ранних работ К. Маркса. Только в 1959 г. в Англии появился перевод, сделанный в Советском Союзе Т.Б. Боттомором (род. 1920), английским социологом неомарксистской ориентации, с которым Э. Фромм был в большой дружбе). Э. Фромм, встревоженный за судьбу человечества, пытался разоблачить те или иные фикции американской и советской внешней политики, используя средства психоаналитика в анализе исторического процесса. «Советский Союз, – пишет Э. Фромм, – является консервативным тоталитарным государством менеджеров, а не революционной системой, стремящейся к мировому господству» [5, С. 127-128]. Фикция о стремлении Советского Союза к мировому господству использовалась не только для оправдания американского стремления к мировому господству, но и для отвлечения внимания от ведущих вопросов международной политики. Кроме того, укрепление таких стереотипов мешало пониманию того, насколько сходны капиталистическая и, так называемая, социалистическая системы: в них власть находится в руках менеджеров и бюрократии.

Четвертая форма политической активности Э. Фромма: коллективные или личные обращения к политикам и государственным деятелям, подписи под соответствующими резолюциями, участие в политических движениях. В 1965 году Э. Фромм организовал обмен мнениями между социалистами-гуманистами разных стран в форме сборника статей «Симпозиум по вопросам социалистического гуманизма». Эрнст Блох, Бертран Рассел, Леопольд Сенгор, Герберт Маркузе, Данило Дольчи, Т.Б. Боттомор, Ирлинг Фетчер, а также социалисты Михайло Маркович, Гайо Петрович, Предраг Вранички и Адам Шафф в своих статьях показали, что помимо капиталистической модели социализма, существует и гуманистический со-

циализм, важнейшей заповедью которого является свободный, разумный и любящий человек как высшая цель.

Особенно тесные контакты Э. Фромм поддерживал с югославскими философами и социологами группы «Праксис» в Белграде и Загребе. Социальную поддержку в теоретической дискуссии вокруг «югославской модели» получили социально-психологический аналитический подход Э. Фромма и его концепция «социального характера». Конкретная деятельность Э. Фромма находит свое выражение в его попытке в 1957 году с помощью Мартина Бубера, Наума Голдмана, Эрнста Симона и Дина Пайка – лидеров протестантской церкви в Нью-Йорке, создать комитет, ставящий перед собой цель возратить арабам их прежние владения. Позднее Э. Фромм стал членом «Комитета по новым альтернативам на Ближнем Востоке» и «Национального комитета Американского объединения за гражданские свободы», а также широко сотрудничал в вашингтонском «Институте по исследованию проблем мира». В 1968 году Э. Фромм принял активное участие в кампании по выдвижению в кандидаты на пост президента гуманистически настроенного сенатора – Юджина Маккарти, выступавшего против войны во Вьетнаме. Хотя выступления Э. Фромма в ходе предвыборной кампании не смогли воспрепятствовать избранию Никсона, форсировавшего войну во Вьетнаме, тем не менее, это был «невиданный в Америке крестовый поход» [5, С. 130-131], который явился доказательством того, что значительная часть американского населения готова к гуманизации и ждет ее. Книга «Революция надежды» возникла как боевой листок в предвыборной борьбе за президентский пост Э. Маккарти.

Э. Фромм убежден, что человек себя самого может увидеть в истинном свете, если он способен критически оценить то, что происходит в мире. «Невозможно видеть в одной точке реальность, если весь остальной мир от тебя закрыт», – говорит Э. Фромм [2, с. 510]. Политический человек всегда проявляет не просто интерес, а страсть во всех делах. Э. Фромм выступает против служения интеллектуалов какой-либо партии. Их задача состоит в том, чтобы любыми способами искать правду,

находить правду и говорить правду. «Политический прогресс зависит от того, насколько много правды мы знаем, как ясно и смело умеем ее высказать и какую ее часть внушить людям» [2, с. 510]. Э. Фромм не принадлежал к числу людей, которые боятся свободы и предпочитают сохранить иллюзии. Испытывая экстраординарный интерес к политике, он старался не зависеть от иллюзий ни в одной сфере жизни, считая, что «ложь делает человека зависимым, заставляет держаться за какую-либо партию и только истина, в конечном счете, ведет к полному освобождению» [2, с. 510]. Глубина подхода Э. Фромма проявляется, в первую очередь, в том, что он раскрывает этико-гуманистические аспекты социума, рассматривает глобальные проблемы современности в широком социально-гуманистическом контексте. Особое уважение вызывает принципиальность его жизненной позиции – «гуманистический радикализм». Сомнение, могущество истины, гуманизм – руководящие принципы в деятельности как отдельного человека, так и общества в целом. Эти принципы составляют, по Фромму, триединую формулу и являются отражением фундаментальных идей, заключенных в коротких высказываниях Маркса: «Подвергай все сомнению», «Истина приведет к освобождению», «Ничто человеческое мне не чуждо» [1, с. 291-292].

Из всех радикальных гуманистов со времен Маркса Э. Фромм выделяет следующих: Торо, Эмерсона, Альберта Швейцера, Эрнста Блоха, Ивана Илича; югославских философов из группы «Праксис» – М.Марковича, Г. Петровича, С. Стояновича, С. Супека, П. Вранички; экономиста Э.Ф. Шумахера; политического деятеля Эрхарда Эпплера и многих других представители религиозных и радикально-гуманистических союзов в Европе и Америке XX века. Их взгляды совпадают в следующем: 1) отношения между человеком и природой должны строиться не на эксплуатации, а на кооперации; 2) производство должно служить человеку, а не экономике; 3) антагонизмы повсюду должны быть заменены отношением солидарности; 4) высшей целью всех социальных мероприятий должно быть человеческое благо и предотвращение человеческих

страданий; 5) здоровью и благосостоянию человека служит не максимальное потребление, а лишь разумное; 6) каждый человек должен быть заинтересован в активной деятельности на благо других людей и вовлечен в нее.

Концепция гуманизма Фромма основывается на идее человеческой природы, присущей всем людям. Свои взгляды на «гуманистический радикализм» Э. Фромм прописывает в «Предисловии» к книге Ивана Илича «Торжество Разума» [4]. Читатель оживляется, так как открывает дверь, ведущую из плена раз и навсегда установленного порядка безрезультатных, заранее представленных понятий, мыслей. Так происходит некое творческое потрясение, поддерживающее силы и вселяющее надежду на новые начинания.

«Радикализм» для Э. Фромма – это, прежде всего, подход, который может быть охарактеризован девизом «*de omnibus dubitandum*», то есть все должно подвергаться сомнению, особенно те идеологические концепции, которые фактически всеми принимаются на веру и в результате принимают на себя роль несомненных, отвечающих здравому смыслу, аксиом. Под «сомнением» в данном случае не нужно подразумевать психологическое состояние человека, не позволяющее ему придти к решениям или убеждениям (например, сомнение, основанное на навязчивой идее). «Сомневаться», согласно Фромму, значит быть способным к критическому исследованию всех предположений и установленных законов, которые превратились в предмет слепого поклонения под личиной здравого смысла, логики и того, что считается естественным, понятным. Радикальное сомнение возможно, если человек расширяет возможности своего сознания, проникает в бессознательные стороны хода своих мыслей. «Радикальное сомнение» – это обнаружение и раскрытие, это постепенное осознание того, что «король-то голый», что его великопелное одеяние есть не более, чем плод человеческой фантазии. Радикальное сомнение, согласно Фромму, совсем не обязательно означает отрицание, хотя и подразумевает неприятие на веру. Легко отрицать, просто утверждая обратное уже существующему. Для нас имеет глубокое значение то,

что радикальное сомнение диалектично: оно охватывает процесс борьбы противоположностей и стремится к новому синтезу – отрицать и утверждать. Радикальное сомнение – это процесс освобождения от идолопоклоннического мышления, процесс расширения сознания, процесс образного, творческого видения человеком своих возможностей, своего выбора.

Радикальный подход не реализуется в пустоте. Он не начинается из ничего, он берет начало из самого корня, которым, как сказал однажды Маркс, является человек. Но выражение «корень – это человек» не содержит в себе позитивистский, изобразительный смысл. Когда речь идет о человеке, отмечает Фромм, мы говорим о нем не как о предмете, а как о процессе. С одной стороны, мы говорим о возможностях развития всех его сил для более яркого, более глубокого существования, для более острого сознания, для большей гармонии, большей любви. С другой стороны, мы ведем разговор и о человеке, который может стать хуже, когда его способность к действию под влиянием изменений перерастает в превосходство над окружающими, а его любовь к жизни перерождается в страсть. В этом отношении, гуманистический радикализм – это радикальное сомнение, ведомое, во-первых, способностью проникновения в суть движущих сил человеческой сущности; во-вторых, заинтересованностью в развитии и полном расцвете способностей человека.

Э. Фромм ориентирует на глобальное мышление, в основе которого лежит реализация принципа гуманистического радикализма, открывающая множественные перспективы развития богатства человеческой природы. Собственно, таким мышлением обладал и сам Э. Фромм. Благодаря его усилиям (наравне с усилиями его приверженцев и последователей), был совершен научно-теоретический и социально-психологический поворот к антропологической доминанте. Ценностный приоритет гуманитарных отраслей познания с широтой антропологической проблематики – очевидность сегодняшнего дня. Дело, начатое Э. Фроммом, не только не утратило своего значения, но и в силу масштабности и гуманистической направленности требует своего продолжения как в научно-исследовательской деятельности человека, так и в его повседневном социокультурном бытии в целом, поддерживающем диалогические отношения с миром. Широта взглядов, диалогичность мышления и высокая толерантность Э. Фромма являются ценностной основой объединения ученых XX – XXI веков для дальнейшей разработки и реализации его проекта «гуманистического радикализма». Философские изыскания Э. Фромма, являясь несущей теоретической конструкцией для многих философских изысканий как в нашей стране, так и за рубежом, могут быть положены в основу практического осуществления проектов созидания человека различными социальными институтами.

1. Маркс К. Исповедь//К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. Т. 31.

2. Фромм Э. О любви к жизни// Э. Фромм. Психоанализ и этика. – М., 1998.

3. Фромм Э. Из плена иллюзий// Фромм. Душа человека. – М., 1992.

4. Fromm E. Introduction to Illich's Celebration of Awareness// Ivan Illich: Celebration of Awareness. – London: Calder & Boyas, 1971.

5. Funk R. Erich Fromm mit Selbstzeugnissen und Bilddokument. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt. 1983.

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, ЕЕ МЕСТО И РОЛЬ В СОЦИУМЕ

УДК 007

Е.В. ТАБАЧКОВ, А.Г. САВИНОВСКИХ, В.И. ЧЕРНЫЙ

Система – это множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство. Выделяют материальные и абстрактные системы. Первые разделяются на системы неорганической природы (физика, химия, геология и др.) и живые системы (организмы, популяции, виды, экосистемы). Особый класс материальных живых систем – социальная система (от простейших социальных объединений до социально-экономической структуры общества). Абстрактные системы – понятия, гипотезы, теории, научные знания о системах, лингвистические, формализованные, логические и другие системы. Особое место занимают наиболее сложные смешанные (объединенные) системы, к которым относится социально-техническая система (СТС), включающая в себя социальную сферу (систему), технику (материальная, но неживая техническая система) и объединяющая их система управления, больше относящаяся к абстрактным системам. Пересечение живого и мертвого, материального и абстрактного обуславливает сложность их развития и функционирования.

Как такового термина, в понимании «люди – производство», «техническая система» (ТС) не существует. Но следует пред-

положить, что это ничто иное, как совокупность средств человеческой деятельности, материализованный в жизни людей в виде взаимосвязи сфер деятельности человека и техники, т.е. ТС создают наиболее благоприятные (неблагоприятные) возможности жизни человека.

На рассматриваемой декомпозиции (рис. 1) технической системы, вне связей с другими системами, можно констатировать ее равноправность с другими системами как материальными, так и абстрактными.

Однако ТС одна, без взаимодействия с другими системами, будет мертва. Даже если она будет кибернетизирована, участие человека незаменимо (нажатие кнопки «Пуск», разработка для кибернетических устройств заданий, программ, систем критериев и показателей и т.д., и т.п.). В этом случае можно и нужно рассматривать её материальные аспекты. В частности, для более простых авторемонтных и автотранспортных предприятий, это будут здания и сооружения, оборудование и транспорт, станки и станды, обеспечивающие вспомогательные механизмы и материалы, инженерная инфраструктура и выпускаемая продукция. Для их функционирования нужны люди (социальная система), их экономические отношения (экономическая система), движение денежной массы (финансовая система), среда обитания людей (экологическая система), которыми необходимо управлять (система управления). Их взаимоотношения определяются политической системой. Вместе с тем как на каждую из систем, так и на их совокупность, накладываются множество других, в том числе и абстрактных систем. Поэтому противопоставлять системы друг другу нельзя. Рассматривать, изучать, регулировать возможно, совершенствовать необходимо. Наиболее сложные системы – это социальная и техническая, которые переплетены в своем взаимодействии, поэтому связывающим их звеном является система управления (рис. 2).

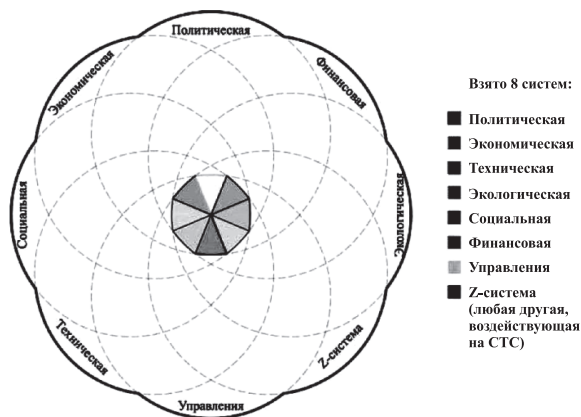

Рис. 1 Декомпозиция технической системы вне связей с другими системами

Каждая из них по своему сложна как в работе, так и в управлении.

Рис. 2 Композиционная схема социально-технической системы

ТС состоит из элементов (составных частей, различающихся свойствами, проявляющимися при взаимодействии), объединенных связями (линиями передачи единиц или потоков чего-либо) и вступающих в определенные отношения (условия и способы реализации свойств элемента) между собой и с внешней средой, чтобы осуществить процесс (последовательность действий для изменения или поддержки состояния) и выполнить функцию ТС (цель, назначение, роль). В каждой ТС существует функциональная часть – объект управления, но он не выполняет функций принятия решений, т.е. не формирует и не выбирает альтернативы своего поведения, а только реагирует на внешние (управляющие и возмущающие) воздействия, изменяя свои состояния предопределенным его конструкциями образом. Объекты управления ТС состоят из 2-х частей:

- сенсорной, образованной совокупностью технических средств (устройств: выключателей, переключателей, заслонок, задвижек, датчиков и т.п.);

- исполнительной (станки, механизмы, оборудование, транспорт и т.п.).

Таким образом, ТС – это целостная совокупность конечного числа взаимосвязанных материальных объектов, имеющая последовательно взаимодействующие сенсорную и исполнительную функциональные части.

Социально-техническими системами (СТС) будем называть сложные производственные, технические, управленческие и социальные системы, которые включают технические и программные средства, физическое окружение работников, наборы внутренних и внешних правил по отноше-

нию к системе, а также используемые данные и структуры данных.

Для СТС, как правило, определены их гиперцели или миссии. Роль миссии СТС состоит в том, что она устанавливает связку, ориентирует в едином направлении интересы и ожидания тех людей, которые воспринимают организацию изнутри, и тех, кто воспринимает организацию извне. Определяя то, для чего создана и существует система, миссия придает действиям ее активных элементов осмысленность и целенаправленность, позволяя им лучше видеть и осознавать не только то, что они должны делать, но и то, для чего они осуществляют свои действия. Таким образом, миссия – отличительный признак, один из параметров чисто технических систем.

Система управления – система, определяющая функционирование организованных систем (ТС, СТС и др.) и их элементов, обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализации их программ и целей.

Невосприимчивость экономики к научно-техническим нововведениям, старение основных фондов производства, медленное снижение металло- и энергоемкости, национального дохода дают основание задуматься над проблемой работы не только с социальными, но и с техническими системами, которые определяют общественный быт человека. Переход к новому подходу развития общества, науки, техники, производства, образования диктует необходимость наличия немонополизированных структур, готовых к быстрой, четкой, слаженной и экономически выгодной для человека работе. Это влечет за собой создание ТС, которые более универсальны, менее затратны, экономичны, финансово выгодны, экологически чисты, направлены на жизнедеятельность человека. Переход к новому социально-экономическому положению страны предъявляет новые и более высокие требования к управлению научно-технической деятельностью, ее эффективности. Чрезвычайно важными становятся вопросы определения систем жизнедеятельности, среди которых особую роль играют технические системы, дающие, в том числе блага человечеству.

Их неурегулированность может нанести колоссальный вред, если не унич-

тожить все живое на Земле. ТС существуют как независимые от нас, так и создаваемые нами.

Однако речь необходимо вести о создании и функционировании такой системы управления ТС, которая была бы органической частью целого механизма управления общественным производством, всей экономикой страны. К сожалению, у нас, в РФ, отсутствует стратегия опережающего технико-экономического развития с концентрацией научно-технического потенциала. В этих условиях основополагающим средством разработки стратегии становится выбор научно обоснованных приоритетов развития науки, техники, производства и образования. Возникает вопрос создания механизма всесторонне управляемой системы общества, в том числе ТС, которые играют ведущую роль в социально-экономическом развитии страны.

Решение этого вопроса возможно, если мы сумеем дать объективную оценку прошлого, настоящего и будущего. Иначе невозможно формирование научного подхода в развитии государства. Нам нужен эффективный механизм всесторонней управляемой поддержки государства.

Без объективной, правильной оценки, в том числе и математической поддержки, это невозможно. Нельзя сформировать научно-техническую политику развития страны, её социальной сферы, научно-технического потенциала, ориентацию на реализацию приоритетных направлений.

Поскольку наука является составляющим элементом системы «наука – техника – производство – образование», то и подход к ней должен быть адекватным. Методологический подход к системообразующему элементу (науке) должен быть разнообразным, то есть системным. Не останавливаясь на образовании, как фундаменте развития всех элементов общества, которое развивает само общество, его производительные силы, необходимо рассматривать вопросы перестройки самого образования, которое рассматривается в системных знаниях, органическом сочетании естественных, технических и общественных наук.

Таким образом, требуется адекватный качественный, логико-математический подход к управлению техническими системами.

Тогда структура управления техническими системами может выглядеть следующим образом (см. рис. 3).

Анализируя структуру управления, каждый в состоянии увидеть, что в подав-

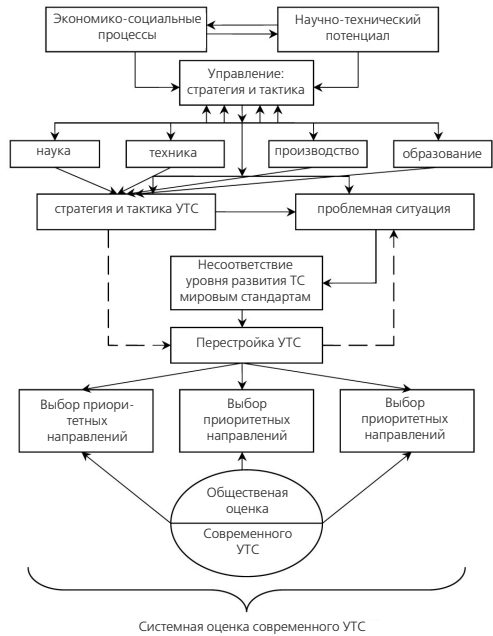

Рис. 3. Структура управления ТС

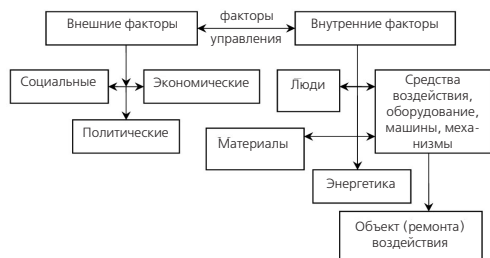
ляющем большинстве ее блоков задействуются люди, т.е. социум, что также отражено на рис. 4.

Таким образом, возникает необходимость выделения проблем, четкого понятийного аппарата, определения места и роли систем, надсистем, подсистем в их общем конгломерате.

Исходя из этого, следует разделять понятия:

- эффективность,
- совершенство,
- прогрессивность,
- критерий,
- и т.д.
- качество,
- ценность,
- результативность,
- показатель

В эти понятия вкладывается различное содержание, тогда как аналитические формы критерия даже для одного оценочного термина имеют различные виды: отношение, разность, аддивность, мультипликативность, то есть формы обоснования критерия не существует. Равно как и нет единого мнения в содержании экономической оценки. Учитывается только то, что имеет стоимостную оценку, так как легко

В общей системе:

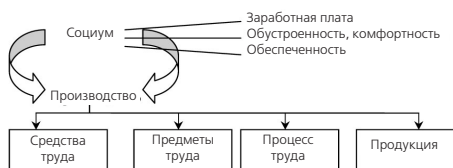

Рис. 4. Факторы управления

измеряемо. В качестве объекта измерения рассматриваются отдельные конструкции, различные технологические процессы на предприятиях, сами предприятия как элементы ТС. Обобщенных оценок не существует, тогда как они крайне необходимы. Ситуация носит проблемный многоаспектный характер и требует своего разрешения.

Выводы

1. Имеющиеся в природе системы не могут существовать изолированно друг от друга. Их переплетения и взаимозависимость создают сложные системы, одной из которых является социально-техническая система.

2. Людской ресурс, человеческий потенциал, интеллектуальные возможности задействованы в производстве (технических системах) и сопутствующих им агломерациям с их интенсивными производственными, трудовыми, культурно-бытовыми, рекреационными и другими связями.

3. В сложных, объединенных системах, система управления играет главную, объединяющую роль, направленную на добычу (создание) материальных, духовных, интеллектуальных и иных ценностей для

социальной системы (людей). Объективных методов управления ими не существует.

4. В настоящее время оценочных параметров, количественных критериев функционирования социально-технической системы не существует, так как отсутствует, как таковой, системный подход. Понятийный аппарат такой системы начал складываться 3-5 лет назад. Термин «социально-техническая система» впервые широко обсуждался и был введен в употребление на Международном конгрессе, посвященном изучению проблем освоения космоса в июне 2009 г.

5. Научно-практическая ценность изложенного в статье материала заключается в том, что:

- открылось новое научное направление (социально-технические системы), в котором пока нет даже комплексности рассмотрения их существования, не говоря уже об отсутствии концептуальных, методологических основ проблем функционирования, включающих в себя обобщенные критерии и оценочные показатели;

- в существующих социальной, технической системах, системе управления вне зависимости друг от друга рассматриваются отдельно составляющие их элементы и композиции, тогда как их комплексное, методологически выверенное исследование принесет практические результаты, выраженные, в частности, в грамотных управленческих воздействиях на социум.

Таким образом, вышеизложенные материалы могут послужить отправной точкой новых исследований, новых подходов в практической деятельности лиц, принимающих решение (руководителей), влияющих на социум.

То есть эта операционная среда выступает как система, следовательно, необходим системный подход. Для анализа цели предстоящих действий необходима информация от надсистемы, т.е. принцип внешнего дополнения, благоприятная внешняя и внутренняя комфортность (имеется в виду не только бытовая, но и культурная, интеллектуальная, физическая).

1. Затонский А.В. «Синтез экспертных систем управления социально-техническими системами». Сб. тр. XX Международ. науч. конф. т.10. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. техн. ун-та. – 2007.

2. Затонский А.В. «Теоретический подход к управлению социально-техническими системами». Сб. докладов Межд. журнал «Программные продукты и системы». №2 – 2006.

3. Чехович Ю.В. Теоретико-множественные ограничения в имитационном моделировании сложных социально-технических систем// Математические методы распознавания образов. 13.2 Всероссийская конференция: Сб. докладов. М.: МАКС Пресс, 2007.

ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ

УДК 316.723

Е.А. ТЕРЕЩУК

Корпоративная культура представляет собой совокупность разделяемых сотрудниками целей, ценностей, норм, традиций организации, сформированных под воздействием внутренних и внешних факторов, обеспечивающих самосохранение, саморазвитие и уникальность организации.

Содержание и специфика корпоративной культуры в органах госслужбы обусловлены спецификой государственной службы как сферы деятельности. Государственная служба – особый вид социальной деятельности, которая ограничивает самореализацию человека регламентируемыми и контролируруемыми моделями поведения. К специфике государственно-служебной деятельности можно отнести следующее. Государственная служба носит публичный характер, то есть стоит между государством и человеком, являясь выразителем интересов определенных групп людей, с одной стороны, и государственных структур, с другой. Государственная служба – это управленческая деятельность, реализуемая через администрирование, которое заключается в подготовке и исполнении управленческих решений, обеспечивающих исполнение Конституции РФ, законов и политических решений, реализацию прав и свобод граждан. Специфическим способом достижения цели государственной службы является использование властных полномочий. Особенности государственной службы обусловлены, в том числе, тем, что она является бюрократической организацией, состоящей из ряда официальных лиц, должности и посты которых различаются формальными правами и обязанностями, определяющими их действия и ответственность, и образуют иерархию.

Правовая регуляция поведения и взаимодействия госслужащих дополняется и этической, когда от госслужащих ждут

образцовой нравственности, гражданской и социальной ответственности как представителей государства в обществе, поэтому госслужащие ограничены в выборе средств достижения как организационных, так и своих личных целей.

Формирование и развитие корпоративной культуры в органах государственной службы, выступающей подсистемой общей культуры, обусловлено совокупностью взаимосвязанных макро-, мезо- и микрофакторов правового, социально-экономического, социокультурного характера. При этом факторы оказывают как непосредственное (например, фактор влияния личности руководителя, правовой фактор), так и опосредованное (например, экономический фактор, политический фактор) влияние на формирование и развитие отдельных элементов корпоративной культуры.

На уровне каждой конкретной организации системы госслужбы, основная корпоративная культура модифицируется в субкультуру под влиянием мезо- и микрофакторов, включая региональные особенности, функциональную специфику, длительность периода существования организации, личность руководителя, неповторимый опыт взаимодействия сотрудников коллектива. Все это определяет различие в нормах, ценностях, образцах поведения как между субкультурами отдельных министерств, служб в системе госслужбы, так и между субкультурами, и основной корпоративной культурой государственной службы. В то же время есть закрепленные законодательно нормы госслужбы, следование которым и создает некий единый корпоративный стержень, вокруг которого формируется корпоративная культура в органах государственной службы.

Некоторые особенности корпоративной культуры в органах государственной

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Социологический анализ корпоративной культуры в органах государственной службы», проект № 09-03-85307 а/у.

службы выявлены в ходе эмпирического исследования, проведенного в 2006 году в Челябинске (анкетирование, выборочная совокупность – 505 государственных гражданских служащих исполнительных органов власти Челябинской области) [2]. Для уточнения выводов количественного исследования в 2006 году проведена серия глубинных интервью экспертов, в роли которых выступили руководящие работники учреждений государственной службы, а также специалисты в сфере государственной службы и управления (12 интервью).

Именно на результатах экспертных интервью и хотелось бы сделать акцент в статье. С точки зрения социологов – «качественников», транскрипты интервью уже сами по себе представляют интерес, давая возможность каждому исследователю сделать свои выводы. В данном случае мы взяли на себя смелость прокомментировать ответы информантов, встраивая их в контекст изучения корпоративной культуры в органах государственной службы.

Ярким показателем понимания и необходимости корпоративной культуры является внимание к ней со стороны руководства. Экспертные интервью показывают, что руководители признают важность корпоративной культуры. Но только один информант отметил, что культивированию норм и ценностей, традиций, составляющих корпоративную культуру, необходимо уделять внимание и руководители должны целенаправленно этим заниматься. Особенно это актуально в условиях реформирования государственной службы, когда происходят реорганизации учреждений, и сотрудники зачастую должны адаптироваться не только к новым функциям, но и к новым коллективам. Никто из руководящих работников органов госслужбы четко не определил суть корпоративной культуры: *«Это культура в мыслях, культура в поведении, культура в написании и подготовке документов, культура в общении с гражданами, культура в общении между служащими внутри организации... в итоге – тот самый идеал, эталон государственного гражданского служащего...»* (Ю.М., 55 лет, начальник Управления министерства); *«...В широком понимании...она есть неписанные правила...»* (Е.Т., 51 год,

министр); *«Корпоративная культура – это кодекс поведения, внутренний кодекс... лояльность к организации, нормы, ценности организации... правила игры»* (М.Б., 48 лет, зам.начальника отдела территориального Управления федеральной службы); *«Корпоративная культура – это общность интересов организации, и эти интересы должны совпадать, во-первых, с государственными интересами и задачами, которые поставлены перед коллективом, раз мы госслужба, второе – интересы должны на высоком профессиональном уровне проявляться, и организация единомышленников должна быть командой»* (Л.Ш., 60 лет, начальник территориального Управления федеральной службы); *«Корпоративная культура – это система запретов»* (А.Н., 48 лет, начальник Управления министерства). Кроме того, корпоративная культура часто связывается с традициями проведения коллективных мероприятий, которые объединяют, сплачивают сотрудников организации. Получается, что представления о том, что такое корпоративная культура, в определенной степени интуитивны, основаны скорее на профессиональном опыте, нежели на знаниях. При этом все информанты уверены, что корпоративная культура необходима и предназначение ее – в обеспечении эффективного функционирования организации. В более узком смысле, ее роль заключается в регламентации поведения госслужащего: *«Нужна для того, чтобы чиновника в определенные рамки поставить и сделать более идеальным человеком, чем остальная масса населения в стране»* (А.Н., 48 лет, начальник Управления министерства); *«... для регламентации межличностных отношений в организации... для воспитания лояльности к руководству, к организации»* (М.Б., 48 лет, зам.начальника отдела). Таким образом, можно предположить, что позиция руководящих сотрудников органов госслужбы по отношению к корпоративной культуре в значительной степени пассивна, руководство не прилагает специальных усилий по ее поддержанию, и культура формируется скорее спонтанно, стихийно.

Какие факторы оказывают более значимое влияние на формирование корпоративной культуры госслужащих – факторы внешней среды организации, макрофакторы (экономика, политика, законодатель-

ство, социокультурные условия и т.д.) или факторы внутренней среды организации, мезо- и микрофакторы (специфика целей и задач, технология, структура, руководитель и персонал)?

Экспертные мнения о соотношении влияния внешних и внутренних факторов на корпоративную культуру мы условно разделили на три группы. Одни отмечают преимущественное влияние внешних факторов: *«Думаю, что внешние в большей степени»* (Л.Ш., 60 лет, начальник территориального Управления Федеральной службы); *«Ну, конечно, внешние – законодательство, требования общества...»* (А.Н., 48 лет, начальник Управления министерства). Вторая группа склоняется к тому, что на корпоративную культуру влияют в большей степени внутренние факторы и, прежде всего, личность руководителя, стиль руководства: *«На первом месте – внутренние, внешние – сопутствующие»* (И.В., 40 лет, начальник Управления министерства); *«Все-таки во главе угла – человек – руководитель... все равно вот очень многое зависит от лидера, от руководителя»* (Т.К., 52 года, помощник министра); *«Лидер формирует культуру всегда»* (Т.С., 49 лет, преподаватель). То есть особенности личности руководителя, его ценностные ориентации, стиль управления во многом определяют специфику корпоративной культуры отдельной организации в системе госслужбы, способствуют появлению, закреплению и культивированию определенных норм и ценностей, составляющих корпоративную культуру.

Третья группа экспертов считает влияние внешних и внутренних факторов равноправным: *«Примерно в равной степени, 50х50»* (Т.К., 55 лет, зам.министра); *«Я думаю, и те, и другие... внешние – это когда все регламентировано, все должно быть законодательно определено, и этому можно было бы следовать. А вот внутренние – они очень важны..., чтобы именно создалась единая команда»* (А.Б., 55 лет, зам. начальника территориального Управления федеральной службы); *«50х50, в некоторых случаях другие пропорции, но они друг друга дополняют»* (Ю.М., 55 лет, начальник Управления министерства).

В исследовании перед экспертами был поставлен вопрос о том, правомерно ли говорить о единой корпоративной

культуре организаций, входящих в систему госслужбы. Эксперты разделились во мнениях. Одни считают, что вполне обоснованно говорить о корпоративной культуре госслужбы в целом, поскольку есть закрепленные законодательством принципы и нормы деятельности, единые для всех госслужащих: *«Законы помогают унифицировать всё, есть определенная общая линия... Корпоративная культура госслужбы в целом, со незначительными различиями по отдельным организациям»* (И.В., 40 лет, начальник Управления министерства); *«Ценности одинаковые, госслужба – это мост между решениями, принятыми в государстве, и населением, и этим все определяется...»* (М.Ф., 58 лет, начальник Управления министерства). Вторая группа экспертов склонна отдавать приоритет личности руководителя, которая имеет определяющее значение для функционирования организации, полагая, что лидерский стиль фактически формирует индивидуальность организации: *«Личность руководителя – она олицетворяет стиль работы... всю систему поведения, которая складывается... т.е. личность руководителя определяет всю систему в целом...»* (Е.Т., 51 год, министр), *«Руководители формируют вот эту культуру под себя, чтобы им по крайней мере большую степень функций перевести в автомат... Корпоративная культура формируется лидером... Культура изначально разная»* (Т.С., 49 лет, к.э.н., преподаватель). Третья группа экспертов считает, что, безусловно, есть общие цели, нормы, ценности, но при этом сфера деятельности формирует уникальные факторы внутренней среды *«Законодательство о госслужбе, вот эти нормы – они общие... а остальное в каждой организации должно быть свое»* (М.Б., 48 лет, зам.начальника отдела); *«У нас свои корпоративные подходы в решении проблем... у нас своя корпоративная этика»* (Ю.М., 55 лет, начальник Управления министерства); *«Есть общие качества, которые характерны для всех однозначно... качества внутренней среды, наверное, в каждой организации все-таки свои»* (А.Б., 55 лет, зам.начальника территориального Управления федеральной службы). Вторую и третью группу мнений можно объединить на основе того, что весьма значимыми являются внутренние

для организации факторы, которые определяют уникальность каждой организации. Таким образом, мы считаем, что есть основания для понимания корпоративной культуры каждой отдельной организации в системе государственной службы как субкультуры по отношению к основной культуре госслужбы.

Экспертам был задан вопрос о наиболее важных для госслужащих ценностях. Ими были обозначены такие нормы и ценности, как: «... *порядочность, а уже дальше пошли требования должностного регламента*» (А.Н., 48 лет, начальник Управления министерства); «*готовность выполнить поручение*» (М.М., 46 лет, зам.министра); «*профессионализм, грамотность, ответственность, дисциплина*» (Т.К., 52 года, помощник министра); «*патриотизм, профессионализм, ответственность, компетентность*» (А.Б., 55 лет, зам.начальника территориального Управления федеральной службы); «*четкое исполнение законов, объективность, принципиальность, последовательность, порядочность, оперативность*» (Ю.М., 55 лет, начальник Управления министерства); «*профессионализм, умение выслушать людей, понять проблему, умение ее профессионально решить*» (М.Б., 48 лет, зам.начальника отдела); «*взаимное доверие, исполнительность, ум, правдивость*» (И.В., 40 лет, начальник управления министерства). Таким образом, эксперты назвали не только универсальные для любого госслужащего нормы и ценности (отраженные в нормативных документах), но и свои предпочтения, и требования к подчиненным, которые зачастую важнее общепринятых в плане более успешной «встроенности» в организацию. Это свидетельство специфики каждой отдельной организации и влияния личности руководителя.

По поводу того, насколько соответствуют реально существующие нормы поведения и ценности государственных служащих тому, что декларируется, эксперты отмечают следующее: «*Соответствуют... А если несоответствия случаются, то причина – личные качества сотрудников, которые не понимают организационных ценностей*» (М.Ф., 58 лет, начальник Управления министерства); «*Несоответствия возможны, потому что в настоящее время часть нормативно-правовых актов прини-*

мается без механизма их реализации, не продумывается до конца...» (Ю.М., 55 лет, начальник Управления министерства); «*Госслужащий в сложном положении, потому что на самом деле декларируемые ценности всегда отличаются от реальных... у госслужащего гораздо больше ограничений, выполнить их сложнее нормальному человеку... Поэтому всегда какое-то расхождение есть, безусловно...*» (А.Н., 48 лет, начальник Управления министерства); «*Все зависит от человека... Реальная практика деятельности не может полностью соответствовать, все не пропишешь...*» (И.В., 40 лет, начальник Управления министерства); «*Несоответствия есть, потому что законы еще не доработаны... И это чаще, пожалуй, не вина госслужащего*» (Л.Ш., 60 лет, начальник территориального Управления федеральной службы); «*Несоответствия есть, конечно, человек не родился госслужащим, каждый приходит со своей целью*» (М.М., 46 лет, зам.министра). Таким образом, несоответствия реального поведения нормам официальным обусловлены, во-первых, личностными особенностями госслужащих (субъективный фактор), во-вторых, несовершенством законодательства (объективный фактор), в том числе и потому, что реальность гораздо богаче нормативных предписаний и все предусмотреть невозможно. В таких случаях в качестве регуляторов выступают «неписанные» корпоративные правила, которые апробированы в деятельности организации и показали уже свою эффективность.

Помимо ценностей, норм в организации, существуют свои традиции. Эксперты отмечают следующее: «*Проводят день рождения, обязательно надо поздравить... Это традиция, которой придерживается коллектив...*» (А.Н., 48 лет, начальник Управления министерства); «*Есть традиции, как, например, принимают человека, который пришел работать...*» (И.В., 40 лет, начальник Управления министерства); «*У нас сложились хорошие традиции – мы праздники вместе справляем... это так коллектив сплачивает...*» (М.М., 46 лет, зам.министра); «*Корпоративная культура – это, действительно, и традиции... и проведение праздников совместных*» (А.Б., 55 лет, зам. начальника территориального Управления федеральной службы). Таким образом,

как мы говорили выше, корпоративная культура часто ассоциируется именно со сложившимися в коллективе организации традициями, и эти традиции вряд ли можно назвать общеорганизационными для всей системы госслужбы, они вырабатываются в коллективе каждой конкретной организации, что также говорит о наличии субкультур в рамках основной корпоративной культуры в органах госслужбы.

Оценивая влияние советских традиций на современную деятельность государственного служащего, эксперты разделились во мнении. На основании глубинных интервью с экспертами можно выделить следующие точки зрения на советские традиции.

1. Традиции во многом сохранились и представляют собой все лучшее, что можно было взять из советских времен: *«Принципы аппаратные, специфика аппаратной работы, она, в общем-то осталась, и все то хорошее, которое было в партии... в других общественных организациях... невозможно, наверное, нового чего-то придумать»* (Е.Т., 51 год, министр); *«Госслужба – на двух ногах в прошлом»* (М.Ф., 58 лет, начальник Управления министерства); *«Все самое положительное, что было в советском времени, вот лично я перенесла в нашу действительность. Традиции-то были хорошие, почему от них отказываться... ну вот то же планирование работы... И от советского времени мы берем самое интересное, самое отработанное, то, что оправдано годами»* (Ю.М., 55 лет, начальник Управления министерства); *«Вот у нас, наверное, все-таки в большей степени наш командный дух, наша корпоративная культура, она зависит от того, что многие из нас воспитаны советских временем, и там было немало хорошего»* (А.Б., 55 лет, зам. начальника территориального Управления федеральной службы); *«Мы ничего нового пока не придумали... в планировании своей деятельности, контроле исполнений, в отношениях подчиненного и начальника, все это привнесено с тех советских времен. Ну а то, что не подходит из тех времен, конечно же, с ним надо расставаться, хотя это тоже не так просто. Но, в основном, все зиждется на том багаже»* (Л.Ш., 60 лет, начальник территориального Управления федеральной службы).

2. Традиции сохранились в силу того, что до сих пор в органах госслужбы трудятся

носители этих традиций: *«Управленческий кадровый состав тот же... общинность, коллективизм, это же сейчас утрачено, поэтому тоска или сожаление по этим нормам, может, очень хорошим – социальности, справедливости, коллективизма»* (М.Б., 48 лет, зам. начальника отдела территориального Управления федеральной службы).

3. В плане принципов работы нельзя придумать ничего нового, поэтому это продолжение традиций не только советского времени: *«Все, что сложилось хорошего в плане работы на более эффективные решения задач, так оно еще и в досоветское время было... и при капитализме было, и при царе было... Служебные [приемы] они существовали и остались... все, что хорошее – остается, оно не носит политической или идеологической окраски»* (А.Н., 48 лет, начальник Управления министерства).

4. Традиции не сохранились в силу изменений в жизни общества, притоком молодежи на госслужбу: *«Ну я бы не сказала, что по-советски осталось... госслужащие тоже стараются перестраиваться. Очень многое зависит от руководителя, насколько он хочет, чтобы работал коллектив по-новому»* (Т.К., 52 года, помощник министра); *«Нет, все по-другому, сейчас роль совершенно другая, функции другие»* (М.М., 46 лет, зам. министра); *«У нас приходит молодежь, они советского времени не помнят»* (И.В., 40 лет, начальник Управления министерства).

В целом можно сделать вывод о том, что традиции советского времени сохраняются, поскольку в органах госслужбы трудятся носители этих традиций – старшее поколение госслужащих.

Среди госслужащих нет единства во мнении о том, к какой социальной группе они принадлежат, что подтверждается данными количественного исследования: 37% опрошенных госслужащих причисляют себя к служащим, 38% – к специалистам, 8% относят себя к группе чиновников, 7% – к управленцам [2]. По мнению Г. Зинченко, такой результат самоидентификации может свидетельствовать о том, что госслужащие недостаточно четко определяют себя в сложившейся структуре общества, о невысокой степени корпоративности госслужащих [3]. Мы согласны с тем, что однозначной самоидентификации госслужащих с какой-либо социаль-

ной группой не наблюдается, и интересным фактом представляется нежелание госслужащих относить себя к чиновникам. Есть следующее экспертное мнение: «... может, живы советские традиции, где классовая структура общества – это рабочие, колхозники, служащие..., и вдруг появился чиновник, появился госслужащий, а никто не знает, куда его положить...» (М.Б., 48 лет, зам.начальника отдела). Такую же точку зрения высказывает В. Граждан: вопрос о принадлежности госслужащих к какому-либо социальному слою запутывается тремя вариантами ответа, которые допускались для графы «социальное положение» – рабочий, крестьянин (колхозник), служащий [1]. Помимо этого, нежелание госслужащих относить себя к чиновникам связано с негативными ассоциациями с этим словом: «Исторически чиновник – это бюрократ; бюрократ – это плохой человек, поэтому чиновник – это плохо, а служащий – хорошо...» (Т.С., 49 лет, к.э.н., преподаватель); «Наши работники и не относят себя к чиновникам, но тем не менее тенденция эта прослеживается в связи с тем, что появляются финансовые возможности благоустроить наши места, и это позволяет где-то себя начинать относить к чиновникам, но не в самом худшем варианте... в пристойном, лучшем варианте чиновника...» (Ю.М., 55 лет, начальник Управления министерства). Среди экспертов намного меньше тех, кто связывает слово «чиновник» со словом «чин»: «Чиновник – это государственный служащий, который имеет чин государственной службы, т.е. который своей работой в силу давности, в силу стажа работы, в силу объема работы заслужил чин. И не каждый госслужащий является чиновником» (М.М., 46 лет, зам.министра); «Не все госслужащие относятся к чиновникам» (М.Ф., 58 лет, начальник Управления министерства). Таким образом, госслужащие весьма редко идентифицируют себя как чиновников, предпочитая в силу сложившихся негативных ассоциаций с этим

понятием «растворяться» среди служащих и специалистов.

О профессиональной самоидентификации госслужащих, их профессиональной роли красноречиво говорят и результаты количественного исследования. Приведем ряд характеристик, которыми, по мнению самих госслужащих, они наделяются в общественном сознании: карьеризм (37%); формализм (37%); корысть (24%); четкое следование букве закона (26%); ответственность за результаты своей работы (24%); профессиональная компетентность (25%); произвол (21%); стремление к выполнению профессионального долга (13%); внимание к нуждам населения (19%); уважение к правам человека (12%); паразитический образ жизни (10%); принципиальность (8%). Таким образом, в рейтинге лидируют негативные оценки. При этом мнение о таких оценках со стороны населения, как корысть, карьеризм, паразитический образ жизни, формализм, чаще встречается среди тех госслужащих, которые свой труд престижным не считают. И наоборот, убеждение в том, что труд госслужащего престижен, коррелирует с преобладанием таких характеристик, как уважение к правам человека, профессиональная компетентность, стремление к выполнению профессионального долга.

Итак, мы попытались отразить некоторые особенности корпоративной культуры госслужащих, выявленные в ходе экспертного опроса. Они касаются понимания феномена корпоративной культуры и ее роли в деятельности государственных служащих, мнения об актуальных ценностях, нормах, традициях. Направшивается вывод о том, что формированию и развитию корпоративной культуры на уровне отдельных организаций в системе государственной службы не уделяется должного внимания, несмотря на то, что ее значение для повышения внутренней сплоченности госслужащих признается и самими руководителями организаций.

1. Граждан В.Д. Государственная служба как профессиональная деятельность. – Воронеж: "Квадрат", 1997. 128с. С.23

2. Грунт Е., Терещук Е. Современное состояние корпоративной культуры в органах государственной службы и факторы ее формирования: социологический анализ. Монография. – Челябинск: Изд-во Центр анализа и прогнозирования, 2008. 168 с.

3. Зинченко Г.П. Госслужащие региона: состав и социальные особенности // Социс. 1999. № 2. С.25-33

4. Указ Президента РФ "Об утверждении общих принципов поведения государственных служащих" от 12 августа 2002 г. № 885 // Российская газета. 2002. 15 августа. №152 (3020).

ГЛОБАЛЬНОЕ СТАРЕНИЕ КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ МЕЙНСТРИМ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 316

Г.Г. СОРОКИН

Старение населения стало одной из наиболее характерных демографических тенденций нашего времени. По мнению известного французского демографа А. Сови, из всех современных процессов, наиболее просто поддающихся измерению, наиболее последовательным в своем развитии, наиболее приспособленным для прогнозирования и наиболее тяжелым по своим последствиям, является процесс демографического старения [10, с. 70]. Увеличение доли пожилых и старых людей во всем населении отмечалось уже во второй половине XIX века, а в некоторых странах Западной Европы, даже в конце XVIII века [13, с. 6]. Ежегодно доля пожилых жителей планеты увеличивается на 2,4%. К 2020 году число пожилых и старых людей может возрасти до 1 млрд. человек [13, с. 99]. Согласно самым пессимистическим прогнозам, в случае сохранения установившейся тенденции, к концу века доля людей старше 60 лет перевалит за треть. При этом значительно увеличится средний возраст населения Земли. Если в 2000 году данный показатель составлял 26,6 лет, к 2050 году он достигнет 37,3, а в 2100 году – 45,6 [14].

Диаграмма 1. Половозрастной состав населения по данным 1950 г. (источник [3])

Диаграмма 2. Половозрастной состав населения по данным 2005 г. (источник [3])

Диаграмма 3. Половозрастной состав населения, прогноз на 2050 г. (источник [3])

Большинство демографов связывают возрастание доли представителей старшего поколения в обществе с развитием медицины, улучшением социально-экономических условий жизни и деятельности, сокращением количества жертв в вооружённых конфликтах и поэтому рассматривают данную тенденцию как достижение человеческой цивилизации. В позиции этих учёных явно прослеживается ориентация на модель старения общества, характерную для развитых западных стран, которая за свою двухсотлетнюю историю, стала классической. Ожидается, что к 2030

году доля граждан старше 60 лет в развитых странах поднимется до 30% [5, с. 17]. Но, необходимо отметить, что увеличение числа пожилых людей наблюдается также и в «менее благополучных» развивающихся странах. Уже сегодня в них проживает почти 70% всех стариков мира. На долю только одной Азии (главным образом Индии и Китая) приходится более половины (55%) представителей старшего поколения и менее, чем за полвека этот показатель увеличится до 63% [3, с. 27-49]. К 2030 году, в Латинской Америке и большей части Африки, доля перешагнувших 60-летний рубеж составит 14% от всего населения этих государств [5, с. 17]. Учитывая невысокие показатели уровня жизни в данных странах, можно предположить, что изменения в их возрастной структуре будут связаны, скорее, с высоким уровнем детской смертности и ростом эпидемий (в первую очередь СПИДА). Нельзя не учитывать также и некоторые просчёты демографической политики. В Китае, благодаря жесткой государственной политике по контролю за рождаемостью, рассматриваемый показатель к 2030 году составит 22% [5, с. 17]. Динамика изменения половозрастной структуры населения Земли представлена в диаграммах 1 – 3. Учитывая, что большая часть населения планеты проживает именно в развивающихся странах, можно констатировать, что уже в ближайшие десятилетия демографическое старение в глобальных масштабах будут определять факторы, которые нельзя однозначно рассматривать как положительные (социально-желаемые).

Смещение демографического равновесия в сторону пожилой части населения (так называемое «усечение демографической пирамиды») порождает ряд экономических и социальных проблем. Многие западные страны уже столкнулись с проблемой возрастания демографической нагрузки. Увеличение количества пожилых граждан требует от государства повышения расходов на финансирование таких схем социального обеспечения как государственные пенсии и (в большинстве стран) государственное здравоохранение, основными потребителями услуг которых являются пожилые люди. В то же время, количество работающих и соот-

ветственно налогооблагаемых граждан уменьшается, что снижает поступления в государственный бюджет налогов – основы финансирования схем социального обеспечения. Таким образом, возникает ситуация повышения спроса на услуги, которые в основном финансируются уменьшающимися трудовыми ресурсами. Я. Стюарт-Гамильтон считает, что данная ситуация создаст «...большой и потенциально катастрофический финансовый груз для экономики стран в ближайшие десятилетия», это яркий пример демографической бомбы замедленного действия [11, с. 14]. К числу социальных последствий, вызванных старением населения, можно отнести усиление влияния фактора возраста в процессах социальной стратификации и мобильности, обострение конкуренции за рабочие места и нарастание отчужденности между возрастными группами. Ряд демографов (А. Сови, Ж. Кало, Б. Кайцер) считают, что стареющее общество консервативно, боится риска, нетерпимо к радикальным экспериментам, поэтому оно станет непрогрессивным, отстающим от других обществ, не только по технической оснащенности и экономическому благосостоянию, но и в интеллектуальном отношении, в творческих достижениях [6, с. 104]. Вышесказанное свидетельствует о том, что не стоит торопиться относить глобальное постарение населения к разряду достижений цивилизации. Возможно, будет правильнее рассматривать данную тенденцию как один из вызовов современности а, может быть, и как социальную катастрофу. На Второй Всемирной ассамблее ООН, по вопросам старения (2002), было признано, что старение населения является глобальной социально-демографической проблемой, затронувшей весь мир во всех аспектах его существования: традиционно-национальном, финансово-экономическом, политическом, нравственно-этическом [1, с. 21].

Старение социальной структуры населения, теоретически, является обратимым процессом, но до настоящего времени не было прецедентов «омоложения» какой-либо страны, благодаря целенаправленной демографической или, даже, миграционной политике. В связи с этим, эксперты ООН утверждают, что тенденция

к старению населения в огромной степени необратима, и маловероятно, что может вновь произойти его омоложение [4]. По мнению социологов и демографов, стимулирование рождаемости способно уменьшить скорость депопуляции, но не остановить этот процесс [8, с. 78].

4). Это повлечет за собой значительные финансовые затраты, которые составят 4% валового внутреннего продукта, что сравнимо с расходами на национальную оборону, и потребует отвлечения дополнительных людей для ухода за престарелыми [11, с. 77].

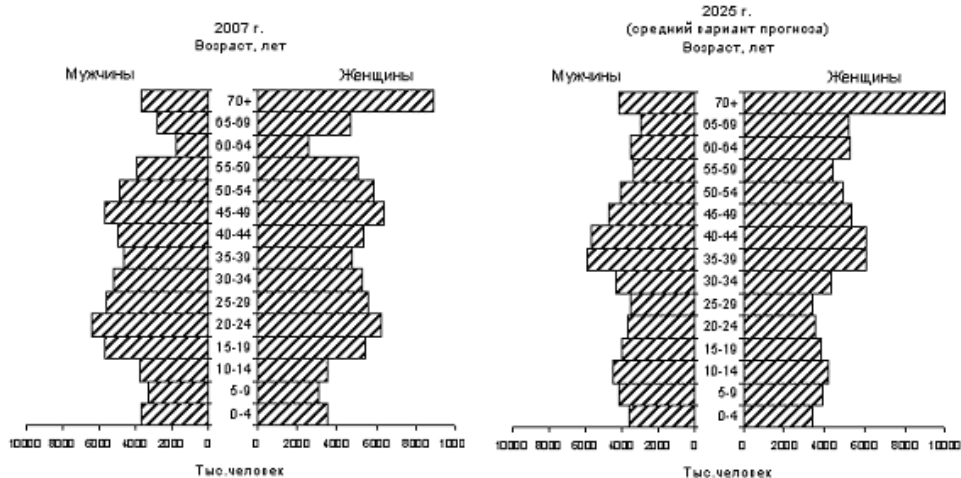

Диаграмма 4. Половозрастной состав населения Российской Федерации, данные 2007 г. и прогноз 2025 г. (источник [8])

Проблема глобального старения не обошла стороной и Россию. Уже в середине 90-х годов прошлого века З.Д. Силина констатировала, что возрастная структура нашей страны с некоторым отставанием подвержена общемировым тенденциям [9, с. 11-13]. Ещё совсем недавно процесс старения населения Российской Федерации, собственно, и не рассматривался как социальная или экономическая проблема, поскольку он не провоцировал повышение демографической нагрузки. Возрастание доли пожилых россиян компенсировалось низкой рождаемостью. В настоящее время рождаемость в России повышается, что приводит к нарушению данного баланса. Увеличение доли пожилых и старых россиян выступает основанием для неутешительных экономических и демографических прогнозов. В ноябрьском докладе 2007 г. экспертов Всемирного банка содержится вывод, что к 2025 г. в России доля населения старше 65 лет составит около 18%, причем каждый шестой пенсионер потребует долгосрочного обслуживания (см. Диаграмму

Необходимо отметить, что в целом вопрос о том, несёт ли старение населения исключительно негативные социальные и экономические последствия, а также о том, является ли собственно старение причиной тех негативных тенденций, с которыми его традиционно связывают, остаётся дискуссионным. Так, в населении Англии XVI-XVIII веков доля лиц в возрасте от 60 лет и старше в среднем составляла 8-9%, во Франции середины XVIII века – 7%; в Японии XVII-XVIII веков – 7-9%; в Дании в середине XVII - XVIII века – 7-8% [15, с. 212-213]; в Киевской губернии Российской империи в начале XVIII века – около 6% [12]. Даже с современной точки зрения, данные общества можно классифицировать как “старые” или как “стареющие”. Но при этом ни о каких проблемах, аналогичных тем, с которыми столкнулось современное стареющее общество, нам неизвестно. Со времён средневековья и до второй половины XX века доля лиц в возрасте старше 60 лет не изменялась сколько-нибудь значительно и колебалась в пределах от 5 до 9% [3, с. 27-49]. В свя-

зи с этим, напрашивается вывод – причиной того, что старение общества начинается в позднем средневековье постепенно приобретать статус социальной проблемы, являются не столько демографические, сколько экономические и социальные изменения в обществе, проблема старения населения – это, прежде всего, проблема адекватной реакции общества на кардинальные изменения его возрастной структуры. В подтверждение последнего тезиса можно привести «опыт старения» таких экономически благополучных стран, как Швеция и Япония, в которых доля пожилых людей сегодня является чрезвычайно высокой.

Трудно не согласиться с тем, что сегодня общество не готово «встретить свою старость». Старшему поколению по-прежнему отводятся второстепенные социальные роли. Пожилые возраст ограничивает социальную мобильность, а, нередко, выступает фактором, предрасполагающим к нисходящей мобильности. Актуальными являются проблемы дискриминации пожилых людей, приводящие к социальной эксклюзии старшего поколения. Социальные институты взаимодействуют с пожилыми преимущественно как с субъектами социальной защиты, тем самым, поддерживая бытующие в обществе стереотипы образа

пожилого человека как иждивенца, неспособного приносить пользу обществу, формируя у самих представителей старшего поколения установки на пассивное и зависимое существование. Между тем, современные условия диктуют необходимость поиска путей интеграции пожилых людей в общество, использования трудового, культурного потенциала данной возрастной группы.

Итак, современный мир стареет, этот процесс необратим. Данная демографическая тенденция характерна как для развитых, так и для развивающихся стран. Значительное возрастание доли пожилых людей в обществе приводит к тому, что проблема места пожилого человека в современном социуме выходит за рамки этики и морали. Стабильное и устойчивое развитие общества уже в ближайшем будущем будет определяться степенью интеграции пожилых людей в экономическую, политическую, культурную, образовательную и другие сферы жизни и деятельности. Это обстоятельство требует от общества повышения внимания к проблемам старшего поколения, создания условий для реализации профессионального, политического, творческого потенциала пожилых граждан в направлении решения актуальных социальных задач.

1. Боровикова Я.В. Увеличение продолжительности жизни и продление активного долголетия лиц третьего возраста // Третий возраст: старшее поколение в современной информационной среде: Материалы Всерос. Междисциплинар. науч. конф. Москва, 30 января 2008 г. / отв. ред. Л.М. Качалова. М.: Изд-во СГУ, 2008. 140 с.

2. Российский статистический ежегодник 2007 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_13/Main.htm (дата обращения: 20.11.2008)

3. Денисенко М. Тихая революция // Отечественные записки. 2005. №3 С. 27-49.

4. Доклад ООН "Старение населения мира: 1950-2050 годы" // Официальный сайт организации объединённых наций. URL: <http://www.un.org/russian/events/olderpersons/ageing07.html>

5. Ключарев Г. А. Образование пожилых: новые проблемы и новые подходы. Образование для третьего возраста. Опыт. Проблемы. Перспективы // Материалы международной научно-практической конференции. Орел, 1999.

6. Краснова О. В., Лидере А. Г. Социальная психология старения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002.

7. Продолжительность жизни и проблемы старения в странах Запада / отв. ред. С.Л. Зарецкая. М.: ИНИОН, 1992. 52 с.

8. Раменский С.Е., Раменская Г.П., Раменская В.С. Вопросы использования квалифицированного труда пенсионеров на предприятиях // Третий возраст: старшее поколение в современной информационной среде: Материалы всерос. междисциплинар. науч. конф. Москва, 30 января 2008 г. / отв. ред. Л.М. Качалова. М.: Изд-во СГУ, 2008. 140 с.

9. Силина З.Д. Демографическая характеристика населения старших возрастных групп в России // Материалы консульта. междуна. Семина. М.: МЗМП, 1995.

10. Сови А. Общая теория населения. М., 1977. Т. 2.

11. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. СПб.: Питер, 2002. 256с.

12. Тренин-Петушков И.Г. Корни и истоки хозяйственного учета и возникновение статистики на Руси. М., 1970.

13. Хрисанфова Е.Н. Основы геронтологии (антропологический аспект): учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВАЛДОС, 1999. 160 с.

14. Lutz W., W. Sanderson, S. Scherbov. The coming acceleration of global population ageing // <http://www.nature.com/nature/journal>

15. Laslett P. Social Development and Ageing. Handbook on Ageing. N. Y., 1986.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 321: 323

К.В. СТАРОСТЕНКО

Происходящая в Российской Федерации политическая модернизация вызвана необходимостью создания и развития в стране современных демократических политических институтов и практики, направленных на совершенствование политической системы и повышение эффективности ее функционирования. Изменения на уровне политико-правового регулирования деятельности органов государственной власти и взаимодействия их с обществом, хотя и находятся в прямой зависимости от системных общественно-политических преобразований, характеризуются значительными модификациями. В силу этого многие существующие концепции и парадигмы общественно-политического развития нуждаются в переосмыслении, поиске новых путей, форм и способов разрешения возникающих социально-политических проблем.

Российская Федерация вступила в XXI век в условиях сложной международной и внутренней обстановки. Ее внутреннее положение, наряду с позитивным влиянием проводимых реформ во всех сферах общественной жизни, характеризуется достаточно серьезными последствиями системного кризиса, сопровождаемыми социальной дифференциацией общества, коррупцией, участившимися проявлениями национализма – это не полный перечень обстоятельств, которые являются внутренними дестабилизирующими факторами, представляющими серьезную угрозу для нашего Отечества. Все это происходит на фоне новых довольно сложных международных реалий: с одной стороны, мировой финансово-экономический кризис; с другой – бурное развитие глобальных процессов, имеющие место факты международного терроризма, экспансия США в другие страны с целью укрепления однополярного мира.

Особую актуальность в этой связи приобретает необходимость анализа и осмысления понятий «политический плюрализм» и «политическое многообразие» как ключевых факторов функционирования современной модели российской государственности, институционализации политической власти, политических институтов и различных общественных объединений, становления и развития субъектов государственного управления в условиях взаимодействия и представительства интересов.

Анализ показывает, что понятие «политическое многообразие» было заимствовано и привнесено в Конституцию РФ 1993 г. из зарубежной политической науки, о чем свидетельствует широко распространенное в политологической литературе Запада такое понятие, как «политический плюрализм» [6, с. 110]. Зафиксируем, что термин «плюрализм» (от лат. Pluralis – множественный) впервые был использован в нормативно-правовой базе России в Федеральном Законе РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1, который закрепляет «свободу и плюрализм в образовании» (ст.2. п.5) [2].

Несмотря на то, что оба понятия по своей сущности близки друг другу, тем не менее, мы считаем их не тождественными, но рядом положенными категориями, характеризующими процессы социально-политической практики.

Понятие «политический плюрализм» впервые ввел в научный оборот в 1712 г. немецкий философ Х. Вольф. Толковалось оно как «принцип устройства правового общества, утверждающий необходимость многообразия субъектов экономической, политической и культурной жизни общества» [12, с. 383]. Являясь сторонником теории естественного права и выразителем идей просвещенного абсолютизма,

он использовал этот термин для замены устаревших схоластических компендиумов новыми философскими категориями. Плюрализм, допускающий множественность взглядов, позиций, концепций, независимых и несводимых друг к другу, противопоставлен монизму (единственному способу рассмотрения многообразия явлений мира, исходящему из одного начала, единой основы (субстанции) всего существующего и построения теории в форме логически последовательного развития исходного положения) и дуализму (признающему два независимых начала) [11, с. 377].

Поэтому исходным теоретическим началом для политического плюрализма явилось признание существования множества разнородных факторов и механизмов политической власти как противоборство и равновесие социальных групп. При этом единство общества достигается по коренным проблемам его развития, которое предполагает многообразие интересов политических, социальных, профессиональных, национальных, демографических групп, сопоставление их позиций с точки зрения политики, экономики, социально-духовной жизни, национально-культурных отношений. Это позволяет политике, экономике, морали, культуре быть относительно самостоятельными явлениями исторического процесса, которые не соотносены друг с другом по принципу соподчиненности и иерархической зависимости. Позитивное значение политического плюрализма в данной интерпретации состоит в том, что он объективно и априори ориентирует исследователя на познание отличительных черт изучаемого явления.

К сожалению, в отечественном общественном политическом плюрализме уделяется недостаточно внимания. В советское время утверждалось, что теории политического плюрализма представляют собой реакционный идеологический миф, с помощью которого идеологи, адепты капиталистического мира пытаются доказать превосходство буржуазной демократии и завуалировать ее классовую сущность [4, с. 50-53]. Несостоятельность доктрины плюралистической демократии усматривалась и в том, что она выступает против социалистической демократии, пытается уве-

ковечить демократию в ее буржуазном содержании [3, с. 727-731].

Безусловно, изложенные выше факты недостаточно были соотнесены с политической наукой и методологией политического анализа. Что касается современной научной интерпретации категории «политический плюрализм», то мы должны признать, что до сих пор она не имеет солидной теоретической основы. Ее политический анализ представляется в средствах массовой информации, в том числе в политических шоу. В большинстве работ политологов «политический плюрализм» вообще не упоминается ни как понятие, ни как общественное явление. Это можно проследить и в интерпретации данного понятия в статьях «Философской энциклопедии», посвященных вопросам общественной жизни. Категория «плюрализм» рассматривается как разновидность способов решения онтологической проблемы, то есть философской концепции бытия общества [11, с. 476]. В «Словаре-справочнике для работника кадровой службы» плюрализм определяется как «понятие, означающее существование нескольких (или множества) независимых начал бытия или оснований знания... Выделяют гносеологический плюрализм (у каждого индивида или социального слоя якобы своя истина); этический плюрализм (признание полного равноправия добра и зла); социально-политический плюрализм (считается, что все социальные факторы имеют одинаковое значение в жизни общества) [10, с. 61]. Иначе говоря, плюрализм в современном его толковании не нашел отражение в работах ученых, характеризующих общественно-политическую жизнь России.

Впервые о политическом плюрализме в отечественном общественном политическом явлении в политической практике, отмечено в начале 1990-х годов XX века. Под «плюрализмом в политике» некоторые ученые стали понимать систему власти, основанную на взаимодействиях и «противовесах» основных партий и организаций; другие – организацию, которая основывается на поощрении многообразия и свободной конкуренции между различными общественными элементами, осуществляемыми по определенным, принятым всеми «правилами игры»; тре-

тьи – как идейно-регулятивный принцип общественно-политического и социального развития, базирующийся на существовании нескольких (или множестве) независимых начал бытия и политических знаниях.

Наиболее существенной характеристикой политического плюрализма является рассмотрение его в качестве типа политических отношений, предполагающего «осуществление власти противоборствующими и уравнивающими друг друга политическими партиями, а также взаимодействующими с ними группами; разделение властей; наличие легальной оппозиции; признание принципа большинства, то есть демократическую форму политического устройства» [9, с. 362].

Приведенные выше интерпретации данной научной категории, на наш взгляд, дают не только фрагментарное представление об этом социально-политическом явлении, но и демонстрируют слабую связь его с реальными политическими отношениями и процессами. Например, во-первых, к субъектам политических отношений ученые иногда относят не только политические партии, но и взаимодействующие с ними социальные группы, не идентифицируя их с какими-либо общественными объединениями; во-вторых, раскрывая понятие «политический плюрализм», исследователи не соотносят его с такими категориями как «политические права человека и гражданина» и «политический интерес», которые составляют основу данного политического явления.

Отметим, что сегодня политический плюрализм понимается, с одной стороны, как разномыслие, присутствующее в обществе и обуславливающее его развитие; с другой стороны, означает многообразие мнений и идеологий в политике. Причем, плюрализм мнений признается естественной формой человеческого разномыслия, без которого невозможно развитие социума. Вполне очевидно, что в любой сфере деятельности человек действует по своему усмотрению: благодаря своему интеллекту, уровню знаний, накопленному опыту. Вследствие того, что люди обладают разными умственными способностями, они вправе иметь и выражать свое собствен-

ное мнение, кардинально отличающееся, порой, от мнения других. Однако при этом авторы отмечают, что в отличие от идейного плюрализма, политический плюрализм, обладающий различием интересов и форм их выражения, имеет иной правовой статус [7, с. 286]. Однако, какой именно статус, они не указывают.

Нельзя не согласиться с позицией доктора политических наук Ю.Л. Парникеля, который утверждает, что ссылки на «иной правовой статус» не способствуют объяснению сущности плюрализма в политике. Такая интерпретация не позволяет понять, почему в странах вроде бы благополучной Западной Европы возникают демонстрации под явно политическими лозунгами. Кровавые стычки в Генуе «антиглобалистов» с полицией в июле 2001 г. – тому наглядный пример [8, с. 14].

Доктор философских наук В. А. Кулинченко пытается выяснить сущность плюрализма, связывая ее с формами его проявления [5]:

- плюрализм философский – это признание множественности независимых друг от друга начал бытия, философских взглядов, подходов, концепций миропонимания;

- плюрализм духовный, идейный, ценностный, культурный связан с различиями, инакомыслием и уважительным отношением к указанным различиям;

- политический, организационный плюрализм соотнесен с естественностью (законностью) существования многообразных интересов, взглядов, позиций, мнений, их свободным выражением, защитой и политической терпимостью.

Политический плюрализм, по мнению ученого, означает признание многообразия политических партий, общественных объединений, организаций с присущими им идейными позициями и политическими платформами, которые способствуют осуществлению их интересов и целей. Множественность, несомненно, представляет собой характерную черту плюрализма. Вместе с тем она не может быть сведена к фундаментальной черте плюрализма. Возможно, именно поэтому В.А. Кулинченко стремится наполнить эту множественность реальным содержанием. Теория и практика становления Россий-

ской Федерации свидетельствуют о том, что к окончательному решению каких-либо проблем властные органы приходят не сразу, а через многократное повторение всей цепочки от замысла и альтернатив до всесторонней оценки возможностей их реализации с учетом объективных и субъективных факторов.

Не требует особого доказательства утверждение о том, что плюрализм привлекает внимание исследователей не столько различием и многообразием своих форм, сколько тем, что с его помощью можно вполне определенно охарактеризовать любое политико-правовое явление. К примеру, в философии плюралистический подход к определению того или иного понятия исключает монизм, в социально-политической сфере – противостояит однопартийности и тоталитаризму. Возможно, именно это стало основанием для вывода В.А. Кулинченко о том, что множественность как феномен обуславливает плюрализм мнений и существование многопартийности. Однако по мнению А.И. Демидова: «Плюрализм – это не только множественность, но и совместимость интересов, без чего блокируется любой механизм осуществления власти в обществе политическими средствами» [1, с. 14].

Отдельные исследователи анализируют плюрализм в политике как принцип и как систему общественных отношений. Большинство авторов относит его к принципам исключительно западной демократии, благодаря которым создается правовая возможность для каждого индивида выражать личные политические убеждения, отличающиеся от официальной идеологии.

Наиболее полно, по нашему мнению, сущность данного понятия раскрыл Ю.Л. Парникель, утверждая, что «политический плюрализм – это система общественных отношений, охватывающая большие социальные группы (нации, классы, страты, производственные, научные и другие коллективы, а также представляющие их организации), функционирующая на основе юридической автономии субъектов политических отношений, баланса их экономических, политических и идеологических интересов при соблюдении социально-правового равенства» [8, с. 14]. Думается,

что это самая удачная дефиниция этого понятия. Во-первых, в представленной учебным интерпретации показаны конкретные элементы (социальные группы) внутри целого (общества), являющиеся политическими субъектами; во-вторых, четко установлена основа, связывающая эти элементы в состоянии «плюральности» между собой.

Раскрывая понятие «политическое многообразие», отметим, что данная категория, с одной стороны, конституирует множественность, то есть фиксирует факт простого повторения; с другой стороны, дает представление об «образе», определяемом как политическое явление, предметное содержание общественных отношений, объективный исток политических процессов. Эта характеристика соотносима с политическим управлением, регулирующим действия и поведение человека. Разнообразие общественных интересов, формируемых различными социально-политическими объединениями, итогом своим имеет множество политических идей, которые и составляют объективное основание плюрализма в политике.

Таким образом, политическое многообразие отражает систему общественных отношений, основанную на праве и свободе отдельно взятой личности выражать собственные политические убеждения, а также больших социально-политических групп, функционирующих на базе политической конкуренции, балансе экономических, политических и идеологических интересов при соблюдении социально-правового равенства. Кроме того, политическое многообразие, в отличие от политического плюрализма, предполагающего духовно-философское осмысление действительности, всегда имеет четко направленный деятельностный аспект.

Раскрывая сущность демократических политических процессов, Г.С. Широкова выделила такие важные критерии политического многообразия, как: соответствие политического курса правительства интересам большинства членов общества; доля представителей различных социальных групп в высших эшелонах власти; уровень их влияния на политические, социальные, экономические решения; характер законодательства как фактора регулирования политической и общественной активности

общественных организаций, контролирующая деятельность государственных органов и т.д. [13, с. 18].

Необходимо подчеркнуть, что теоретическое осмысление и практическое претворение политического многообразия в повседневную жизнь в Российской Федерации, сталкиваются с определенными трудностями. Есть граждане, которые не стремятся к активной политической деятельности, либо вообще отвергают ее как ненужное явление, ссылаясь на то, что политикой должны заниматься профессионалы. Это, безусловно, импонирует определенным социально-политическим группам, заинтересованным действовать в условиях слабой политической конкуренции или в отсутствии таковой вообще.

Если политическая власть не ограничена здоровой конкуренцией, если она слабо контролируема обществом, в силу ее стремления к монополии, то она имеет возможность принимать решения, исходя только из своих политических интересов – интересов удержания и увеличения власти. Поэтому только честная, равноправная, открытая конкуренция с другими субъектами политики может заставить властвующую политическую элиту учитывать интересы всего общества и работать эффективно. В этом-то

и раскрывается основополагающий момент политического многообразия как наличие честной политической конкуренции.

В заключение отметим, что реализация принципа политического многообразия в Российской Федерации, основанная на согласованном взаимодействии и конкуренции в политической сфере, позволит наиболее эффективно активизировать происходящие в российском обществе политические реформы в аспекте обновления его политических институтов, деятельность которых направлена на формирование и функционирование демократических основ общественной жизни. Это, в свою очередь, снимет определенные социально-политические противоречия в деятельности субъектов политики.

Необходимо подчеркнуть, что политическое многообразие, являясь следствием функционирования системы определенных общественных отношений, вместе с тем, не сливается с ними, приобретая относительную самостоятельность. Соответствующее состояние общества находит свое проявление в традиционных сферах, по которым судят об интензивности его устойчивого развития – экономика, право, политика, культура, – прежде всего, их ориентация на человека и его проблемы.

1. Демидов А.И. Политика: понятие и природа // Российская правовая политика: Курс лекций / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Матузова и д-ра юрид. наук, проф. А.В. Малько. М., 2003.
2. Закон Российской Федерации «Об образовании» // Высшее образование в России. 1992. № 3.
3. История политических и правовых учений // под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М, 1995.
4. Кузьмин Э.Л. Демократия: некоторые вопросы теории, методологии и практики. М., 1986.
5. Кулинченко В.А. Современные проблемы политического плюрализма <http://hghltd.yandex.com/yandbtm?url>
6. Мушинский В.О. К характеристике идеологии плюрализма // Государство и идеологическая борьба: Сб. ст. М., 1986.
7. Общая и прикладная социология. М., Московский государственный социальный университет, 1997.
8. Парникель Ю.Л. Политический плюрализм в современном российском обществе: социальные условия становления: дис. док. полит. наук: 23.00.02: Москва 2003.
9. Политология. Краткий энциклопедический словарь. М., 1997.
10. Словарь-справочник для работника кадровой службы. «Информационно-коммерческое агентство «Москва», 1989.
11. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Иличев. 2-изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989.
12. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону «Феникс», 1997.
13. Широкова Г.С. Ограничение права собственности на природные ресурсы как условие обеспечения прав природы и человека. Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Сб. науч. тр. Часть II, Том 2. под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 1998.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОТКАЗА ОТ ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ

УДК 323.2+330

Л.Г. ФИШМАН

Обычно дается сугубо экономическое определение понятия общественных благ: они описываются как блага преимущественно материального плана, предоставление которых государство не может доверить на усмотрение частных лиц, не может отдать на волю рыночных сил. В качестве примеров, как правило, приводятся образование, здравоохранение, правосудие, безопасность, речь идет даже о глобальных благах – таких, как чистый воздух, изменение климата, поддержание мира во всем мире, свобода мореплавания, открытая экономическая система и т.д. Особыми признаками этих благ являются: признак неисключения – практически невозможно исключить человека из круга потребителей данного блага; признак неконкурентности в потреблении – потребление блага одним человеком не уменьшает возможностей потребления его другим; признак неделимости – благо нельзя разложить на отдельные единицы.

Однако такого рода определения являются экономическими только внешне. Уже, когда говорится о признаке неисключения, это подразумевает обязательный, близкий к тотальному характер общественных благ. Если в сферу общественных благ попадают те, которые государство по каким-то причинам не доверяет частной инициативе, это означает наличие некоей идеологической концепции, согласно которой государство, вообще, должно заботиться о каких-либо общественных благах. Это подразумевает причины не только экономического, но и политического, и морально-этического плана, согласно которым некая часть благ начинает рассматриваться как исключительно важные для всего общества в целом. Без обязательного предоставления большинству людей данных благ ни общество, ни отдельный человек полноценно существовать не смогут – не будут воспроизводиться какие-то его институты, социальные и экономические практики и т.д. Например, в России подавляющее большинство граждан, около 80%,

считает высшее образование безусловным общественным благом – неперенным условием успешной социализации, в то время как лица, отказывающиеся от получения высшего образования, в основном делают это чисто по экономическим соображениям или по недостатку свободного времени [2, с. 32]. В европейских странах наблюдается та же картина: в Лиссабонской конвенции Совета Европы/ЮНЕСКО стороны, подписавшие эту конвенцию, рассматривают право на образование как неотъемлемое право человека. Также положение Пражского коммюнике о высшем образовании как об общественном благом носит, в первую очередь, политический характер. Поэтому вопрос об образовании обсуждается в однозначно-идеологических категориях: говорится о том, что необходимо всячески стремиться обеспечить равенство доступа к высшему образованию и что для этого оно, в первую очередь, должно быть бесплатным и т.д. [1].

Неслучайно в 1950-е годы Р. Масгрейвом и другими экономистами была сформулирована пересекающаяся с понятием общественных благ концепция так называемых «достойных благ» [6]. Последняя подразумевала, что индивидуальные предпочтения людей в ряде случаев должны подвергаться корректировке в пользу общественных нужд. Считается, что «достойные блага» удовлетворяют потребности, которые общество считает нужным поддерживать, поэтому следует стимулировать людей выбирать именно достойные блага, такие как: бесплатное образование, школьные обеды и завтраки, театры и концертные залы и т.д., а также отказываться от недостойных, например, алкоголя.

Иными словами, «общественные блага» – это не только товар или услуга, не чисто экономическая категория, но латентная социально-политическая концепция. Через пользование благами индивиды принуждаются к принятию определенных ценностей этого сообщества, даже если эти ценности противоречат их предпочтениям. Надо отме-

титель, что такие основополагающие признаки общественных благ, как неконкурентность и неделимость – это признаки, указывающие на присутствие определенной социально-политической концепции. Экономический характер того или иного общественного блага предстает перед нами как верхушка социально-политического айсберга, целостной концепции общества и государства. Однако если кто-то не согласен с этой концепцией, то нечто, выдаваемое в ее рамках за общественные блага, для него таковым не является, а зачастую даже, наоборот, служит примером «недостойного блага». Например, бесплатное убийство больных родственников – самое настоящее «общественное благо» в обществе, где господствует национал-социалистически понятая евгеника, то есть где считается, что ликвидация носителей дефектных генов пойдет на несомненное благо обществу. Понятно, что несогласный с такого рода благом, скорее всего, будет испытывать обоснованные сомнения также насчет иных постулатов национал-социализма.

Концепции, из которых вытекают разные списки общественных благ, могут быть самыми различными, начиная от идеи минималистского государства и заканчивая советской идеологией, идеей корпоративного государства, кейнсианством и т.д. Но всякая концепция такого рода подразумевает наличие ответа на вопрос: какой минимально необходимый список благ необходим любому человеку для «нормальной», не умаляющей его достоинства жизни. Иными словами, тут затрагивается вопрос о природе человека: «экономический» ли это человек, «политический», «религиозный» или какой-либо другой. Тут же затрагиваются вопросы об «общественном благе», что уже относится к области политической этики.

Иначе говоря, при ближайшем рассмотрении оказывается, что понятие общественного блага сильно нагружено политическим содержанием. Принимая как нечто естественное, некритически, тот или иной перечень общественных благ, мы принимаем и какую-то социальную философию, идеологию, политическую этику. Но это означает, что и разногласия по поводу списка общественных благ, суть политических, этических, в общем, мировоззренческих разногласий, хотя они на поверхности могут выглядеть как споры об экономических выгодах и невыгодах, ми-

нимизации издержек, перераспределении доходов и т.д.

Поэтому природа общественных благ наиболее ярко проявляется в ситуации, когда возникает вопрос: что для меня означает пользование теми или иными общественными благами? Наиболее часто этот вопрос ставится в ситуации сознательного, мировоззренчески обусловленного отказа от общественных благ.

То, что большинству может казаться естественным общественным благом, по самым разным причинам может не казаться таковым меньшинству. Тут речь идет не о банальной ситуации, в которой использование того или иного блага большинством доставляет меньшинству материальные неудобства – приносит ему финансовые издержки, убытки и т.д. Речь идет о ситуации, в которой достаточно значительное большинство граждан отказывается от потребления того, что для большинства является неотъемлемой принадлежностью списка общественных благ по той причине, что оно (меньшинство), вообще, не согласно с базовой концепцией, частью которой этот список является.

У меньшинства может быть свое представление о том, что ряд зарубежных и некоторые отечественные авторы называют «хорошим обществом». [5, с.457-460]. Однако всегда найдется большее или меньшее число людей, которые будут считать, что общество, в котором они живут, недостаточно «хорошее» и что блага, предлагаемые им, ни к чему хорошему не ведут. Такие люди стараются оградить себя от сомнительных «благ», полагая, что пользование ими может сбить их с правильного жизненного пути, развить худшие стороны характера, помешать спасению, принести вред всему обществу и даже человеческой цивилизации в целом.

Или же меньшинство может быть согласно с имеющимся списком общественных благ, но имеет дополнительную или альтернативную концепцию общества и, следовательно, свой список необходимых общественных благ. В предельном варианте данное меньшинство, вообще, может жить какой-то своей жизнью, анклавом со своими общественными благами. Анклав может быть любого типа – от религиозного и национального до сторонников какой-либо версии аль-

тернативного образа жизни, даже альтернативной цивилизации.

Отказ от общественных благ *по религиозным соображениям*, пожалуй, самый показательный и самый древний из известных нам. Так, в Древнем Риме принцип «хлеба и зрелищ» имел мировоззренческое значение. Очевидно, что бесплатные зрелища удовлетворяли ряду важных общественных потребностей, начиная от потребности в культурном времяпровождении и заканчивая потребностью в укреплении власти, будь это во времена республики или империи. Зрелища были в своем роде «программами массового воздействия на население», несущими ярко выраженную политическую нагрузку. Именно поэтому христиане Римской империи от такого рода общественных благ отказывались. Тертуллиан четко и недвусмысленно излагал причины этого отказа:

«Но мы, совершенно равнодушные к славе и почестям, не имеем никакой потребности в собраниях, и ничто нам так не чуждо, как политическая жизнь. Мы признаем одно всеобщее государство – мир. Равным образом мы отказываемся и от зрелищ ваших настолько, насколько и от источников их, которые, как мы знаем, заимствованы из суеверий, так как нам чуждо и то, из чего они составляются. Наша речь, наше зрение, наш слух ничего общего не имеют с безумием цирка, с безнравственностью театра, с жестокостью арены, с пустотой киста. ... Мы отказываемся от того, что вам нравится. И вы не наслаждаетесь нашими наслаждениями» [4].

Нетрудно заметить, что отказ совершается от имени альтернативной общности со своими правилами, ценностями, образом жизни; и, действительно, далее у Тертуллиана идет подробное описание жизни христианской общины.

Более современный пример – секта амишей, которые уже давно отгородились, насколько это возможно, от современного общества и которые считают, что цивилизация идет по неправильному пути. Так же, как и христианские современники Тертуллиана, они предъявляют цивилизации ряд мировоззренческих претензий. Учитывая, что амиши ведут более самодостаточный, независимый от достижений современной цивилизации образ жизни, они не нужда-

ются также и в огромном количестве общественных благ, которые все остальные воспринимают как естественные. Естественными эти блага кажутся только с точки зрения цивилизации, давно и прочно ставшей на «путь дьявола», который подразумевает постоянное увеличение потребностей, страстей и желаний человека. Поэтому амиши прежде всего не посылают детей в школу, где они усвоили бы ценности, ведущие на «путь дьявола», а обучают грамоте, воспитывают и формируют их мировоззрение в своей общине.

Часто встречающийся пример такого же характера: отказ от прививок по религиозным соображениям.

Можно сказать, что иные формы открытого отказа от общественных благ во многом повторяют логику религиозного отказа и имеют сходные социальные последствия.

Например, отказ *по идеологическим соображениям*, осуществившийся хиппи, также как и религиозный имел под собой достаточно четкую мировоззренческую основу, диктовавшую свой кодекс поведения, равно как и объединение в форме общины единомышленников. Хиппи противопоставляли себя простому «американскому гражданину» именно в ракурсе альтернативной идеологии и вытекающей из нее стратегии неиспользования различных общественных благ: «все затруднения практической жизни хиппи объясняются господством в «порядочном» обществе фиксированной мировоззренческой схемы во имя которой истеблишмент навязывает человеку порочный образ жизни и жестоко подавляет всяческое стремление к альтернативным жизненным стилям. ...Американский гражданин, член «приличного» общества, привык прибегать к помощи многочисленных учреждений и бюро – к сфере организованных услуг, рассчитанных на все случаи жизненных затруднений. Члены общины хиппи – в полном контрасте с этим – считают даже серьезные свои затруднения сугубо личным делом и стремятся уладить их самостоятельно» [3].

Разновидностью идейно обоснованного отказа от некоторых привычных общественных благ является отказ от современного жилья. Для многих технологическое совершенство не всегда под-

разумеает стабильность жизни и её безопасность. Некоторым гораздо приятнее жить в гармонии с природой, а не гнаться за прогрессом, который только с виду делает нашу жизнь удобнее. Для тех, кто серьезно озабочен вопросами экологии, дешевое муниципальное жилье, давно считающееся общественным благом, вовсе не представляется таковым. Скорее, наоборот, оно выступает как источник экологических проблем, поскольку в его строительстве используются материалы, представляющие угрозу для здоровья.

Однако обычно мы сталкиваемся с формами молчаливого отказа от пользования какими-то общественными благами. Этот отказ далеко не всегда имеет отчетливо выраженную идеологическую нагрузку – последняя присутствует только как возможность. В данных случаях мы имеем форму «отказа в себе», который может перерасти в полноценный, идеологически мотивированный отказ лишь в критических, социально-конфликтных ситуациях. Тогда из образа жизни, молчаливо исключаящего пользование определенными благами, может вырасти классовое, сословное, общинное или иное групповое сознание.

Отказ такого рода наблюдается тогда, когда то или иное общественное благо стало формальным, недейственным, некачественным, не удовлетворяющим потребности. Это не значит, что люди более не желают его; однако они теперь начинают получать его из других источников.

Например, строгое исполнение законов, наличие законодательства вообще – это типичное общественное благо. Однако в ситуации, когда оно не может эффективно поддерживаться силой государственного принуждения, возникают иные формы «юрисдикции». Так, при распаде Римской империи право судить своих подданных отходило к феодалам. Организованная преступность, да и обычная, в своей среде тоже пользуются своими «понятиями» для решения внутренних конфликтов. В ситуации «криминальной революции», как это было в России 1990-х, обычные законопослушные граждане нередко предпочитали решать свои вопросы с помощью апелляции к представителям криминального мира. В конечном счете, мафиозный клан может предоставить своим членам внушительный ряд обществен-

ных благ, начиная от образования и лечения, и заканчивая правовой и физической защитой.

Получение общественных благ через мафиозный клан – практика, которую стараются не афишировать. Но в современности мы имеем дело со схожими, тоже не афишируемыми, однако вполне легальными практиками. У себя дома мы можем прибегнуть к услугам частных охранных предприятий. Вдали от глаз обывателей, за границей, мы обнаружим частные военные компании (ЧВК), которые во все больших масштабах вытесняют с поля боя «официальные» армии воюющих государств и таким образом берут на себя обязанность поддержания мира. Например, в Ираке таких наемников, воюющих за силы коалиции, сейчас находится около 40-50 тысяч. Они также выполняют полицейские функции. Здесь мы видим, как государство (в данном случае американское), перекладывает на частные плечи задачу поддержания общественной безопасности и тем самым делится своей монополией на вооруженное насилие. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда общество с подачи государства одобряет (по крайней мере вначале) такую меру по поддержанию безопасности, как объявление войны, но затем не находит в себе ни моральных сил, ни желания поддерживать эту меру. Тогда общество и государство молчаливо отказываются поддерживать благо безопасности своими силами и выдвигают на свое место наемников.

Столь же молчаливо элиты многих стран отказываются от такого общественного блага, как общедоступное образование в пользу частного или домашнего.

Другой молчаливый вариант отказа от общественных благ мы наблюдаем в современных корпорациях, в которых работники могут всю жизнь пользоваться теми же общественными благами, что и прочие граждане, но предоставляемыми на корпоративной основе. ТНК, особенно в развивающихся странах, представляют собой социальные анклав со своей автономной социальной, торговой, образовательной, транспортной и прочей инфраструктурой, службой безопасности и всегда – с корпоративной системой ценностей, которая выражается в перечнях этических норм, особой философией служащего корпорации, в ее гимне и т.д. и постоянно укрепляется

в ходе различных массовых мероприятий. Особенно это заметно в японской системе пожизненного найма, когда фирма берет ответственность за работу, здоровье, образование, досуг и прочие стороны жизни работника. В данном случае общественный источник общезначимых благ также заменяется корпоративным, причем на основе отчетливо выраженной системы ценностей, унаследованной из прошлого. (Система пожизненного найма считается пережитком феодализма). С другой стороны, современные корпорации, в которых нет системы пожизненного найма, как правило, обязываются обеспечивать своим работником такие блага, как медицинская страховка или безопасность.

В заключение, мы можем отметить, что прямой отказ от общественных благ, как правило, подразумевает создание альтернативных форм общинности – начиная от религиозных общин, монастырей, коммун хиппи и заканчивая сторонниками более экологичного образа жизни, обитающих в поселках из экодомов. Однако именно в силу этого, он и более ограничен по последствиям: он легко локализуем и обычно приводит к образованию анклавов с альтернативным образом жизни.

Напротив, можно предположить, что формы молчаливого отказа имеют далеко идущие последствия в плане перемен в общественной жизни. Молчаливый отказ – это первый шаг к тому, чтобы, быть может, в итоге прямо отказаться поддерживать стоящую за ними официальную политическую философию и идеологию. Тот, кто сегодня отдает своего ребенка в частную школу под предлогом получения более качественного образования, а также живет в поселке-крепости, завтра открыто усомнится в том, что люди по природе равны. Кто связывает свою собственную безопасность с частными структурами, с которыми госу-

дарство делится монополией на насилие, тот может усомниться в том, что государство, вообще, должно иметь такую монополию. Те, кто вдруг обнаруживает, что большую часть благ, ранее считавшихся общественными, они уже давно получают из рук корпорации, в которой они работают, могут заключить, что до многих проблем государства и общества им более нет дела. Более того, эти люди, вообще, могут усомниться в необходимости такого не имеющего к ним отношения феномена, как национальное государство, поскольку связывают все свои надежды с «сетевыми структурами» экономического, политического, культурного и иного характера. В предельном варианте может оказаться, что огромное число людей живет в мире, где постепенный отказ от получения ряда благ из рук общества (понимаемого как национальное государство), и обеспечиваемых же обществом, привел к радикальной трансформации представлений об общем благе.

Когда накапливается достаточная масса отказов, может начаться, к примеру, «культурная революция». Отказ от потребления общественных благ может тогда сопровождаться также и отказом их поддерживать – финансовым или личным участием. Например, платить налоги, или служить в армии, или потреблять «массовую культуру». Когда отказников становится достаточно много, они могут попытаться сознательно изменить общественную жизнь. Впрочем, если многочисленные группы отказников с разных сторон просто начинают игнорировать официальные социальные институты, предназначенные для предоставления «общественных благ», это свидетельствует, что само общество уже необратимо изменилось, причем без кампаний гражданского неповиновения и революций.

1. Болонский процесс в России. Основные декларации. Режим доступа: http://bologna.mgimo.ru/documents.php?lang=ru&cat_id=8&doc_id=22 (дата обращения 5.10.2009)

2. Дубин Б.В., Гудков Л.Д., Левинсон А.Г. и др. Доступность высшего образования: социальные и институциональные аспекты // Доступность высшего образования в России / отв. ред. С.В.Шишкин. Независимый институт социальной политики. М.2004.

3. Кэйвен Ш. Коммуна хиппи в Хейте. Режим доступа: http://d.theupload.info/download/11qy5wpejp5pd6mwj99oq7ebux6952uh/kyeiven_sh__kommuna_hippi_v_heite.txt (дата обращения 5.10.2009).

4. Тертуллиан. Аполлогетик. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/patrologia/tert/06.php (дата обращения 5.10.2009).

5. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

6. 50 лекций по микроэкономике. Лекция 46. Общественные блага. Режим доступа: <http://50.economicus.ru/index.php?ch=5&le=46&r=1&z=1> (дата обращения 5.10.2009).

ПОЛИТИКА ТЭТЧЕРИЗМА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ТАЙМС»)

УДК 327

М.Х. НАЗАМУТДИНОВА

Современный мир находится в состоянии неустойчивого политического и экономического развития. Об этом свидетельствует возросшее за последние годы общее число социальных, межнациональных, религиозных конфликтов, перманентно возникающих в различных регионах мира и бессилие управленческих структур найти выходы из сложившихся ситуаций. За последний год к имеющимся проблемам добавился кризис мировой финансовой системы, пагубно отразившийся на развитии международной экономики. В этих условиях возникает острая потребность изучения особенностей существования тех стран, которые демонстрируют пример устойчивой эволюции в условиях нынешней глобальной трансформации.

Великобритания, бесспорно, относится к числу таких государств. Нельзя утверждать, будто социально-экономические и межнациональные катаклизмы миновали ее стороной. В XX в. эта страна неоднократно входила в полосу кризисов, связанных с отставками правительств, накаленностью социально-экономической обстановки. К этому следует добавить террористические акты, происходившие в британской столице Лондоне в середине 1990-х гг. Тем не менее, эта страна достойно пережила эти испытания, не растеряла накопленный веками опыт существования демократических институтов и сегодня по-прежнему считается стабильно развивающейся политической (партии лейбористов и консерваторов одновременно присутствуют в парламенте уже более ста лет) и экономической системой (Великобритания занимает шестое место по объему ВВП по данным за 2008 год).

Представляется, что одной из причин сохранения стабильности в этой стране

является консервативность общественной жизни, которая обеспечивает преемственность основных политических и экономических идей. Немногие страны могут похвалиться незыблемостью правовых традиций, которые были присущи этому обществу. И хотя, как любая европейская страна, Великобритания развивалась в условиях перманентного чередования идей, ее основной политической ценностью всегда оставался консерватизм. С одной стороны, это выражалось в проявлениях повседневного образа жизни, приверженностью традиционным морально-этическим постулатам, а с другой, нашло воплощение в доминирующей идеологии. Уместно вспомнить, что только за последние 130 лет консерваторы находились у власти восемь десятилетий. При этом даже на тех парламентских выборах, где консерваторы терпели поражение, они всегда получали не менее трети голосов избирателей [10, Р. 2-3].

Политическая обстановка, сложившаяся в стране в последние десятилетия, отчетливо подтверждает исторически сложившуюся ситуацию. Придя к власти в 1979 г., консерваторы сумели после этого еще дважды победить на национальных выборах – в 1983 и 1987 гг. Более того, этот период знаменовал собой не просто развитие, а качественно новое упрочение консервативных политических идей и духовных ценностей, состоявшееся по инициативе тогдашнего премьер-министра страны от консервативной партии М. Тэтчер.

О результатах правления М. Тэтчер написаны сегодня множество монографий (Wilson E., Огден К., Перегудов С.П., Попов В.И. и многие другие). Большинство исследователей не скрывают противоречий, которыми была отмечена в

период правления М. Тэтчер жизнь британского общества. Премьер-министра называли «железной леди», провозгласившей в период кризисного состояния британской экономики курс на ограниченные государственной поддержки в любых сферах, свертывание социальных программ. Была проведена коммерциализация социальных сфер образования и здравоохранения, что, по мнению М. Тэтчер, было необходимым для снижения текущих расходов государства. Тогдашний правительственный кабинет сделал все, чтобы сократить прямое государственное вмешательство в экономику, поощрив при этом конкуренцию и свободу рынка [4, с. 146]. По сути, Великобритания стала первой страной, где нашла поддержку теория монетаризма американского экономиста нобелевского лауреата М. Фридмана. Он отстаивал тезис о том, что процветание любого общества невозможно без жесткого обуздания инфляции, а этому как раз и могут помочь меры, направленные на пресечение любых форм государственной поддержки. «Чем меньше правительство вмешивается в экономику, тем меньше оно тратит денег, а, следовательно, тем меньше оно печатает, и денежная масса сокращается», — утверждал М. Фридман [2, с. 23]. И правительство М. Тэтчер свято руководствовалось в своей политике этим принципом.

Жесткий внутривластный курс, проводимый М. Тэтчер, повлек за собой общественные недовольства и даже открытые протесты (характерным подтверждением этого стала годовая забастовка британских шахтеров в середине 1980-х гг.). Однако он продемонстрировал и ответственность «железной леди» за поступательное развитие страны и развитие частной инициативы, которая на протяжении ряда столетий была прерогативой консервативной идеологии. В отличие от лейбористов — основных соперников консерваторов на выборах в XX в., ратовавших за национализацию многих видов промышленности. Расширение социальных гарантий из государственного бюджета М. Тэтчер отвергла (в соответствии с традицией своей партии)

популистские меры. Она настояла на том, чтобы уже в первые годы ее пребывания у власти не менее 40 процентов всех предприятий, национализированных в 1945-1979 гг., были отданы в частные руки [7, Р. 59]. Еще одним «коньком» ее деятельности стала поддержка малого бизнеса. Если в годы правления лейбористского кабинета Г. Вильсона-Дж. Каллагэна (1970-е гг.) малый и средний бизнес не получал динамичного развития, то М. Тэтчер совершила в этом отношении поистине трансформацию социального мышления.

Размышляя сегодня над феноменом реализации и практических успехов политики консерваторов, нельзя не учитывать роль британских средств массовой информации (СМИ), обеспечивших духовную поддержку М.Тэтчер в этот непростой для страны период времени.

Начать с того, что Великобритания является уникальной страной применительно к развитию СМИ. Первая газета «Куранты» («The Courant») появилась здесь еще в первой четверти XVII в. — раньше, чем во многих других европейских странах. Однако для нас значительно больший интерес представляет политизация печатных СМИ, сложившаяся в последующие столетия. Во многом благодаря тому, что газетный бизнес традиционно инициировался в этой стране обеспеченными людьми, а большинство из них, в свою очередь, были приверженцами ценностей «доброй старой Англии», периодические издания, так или иначе, отстаивали консервативные идеи. В отличие от Франции, Германии и ряда других европейских стран, где на страницах печати сталкивались различные мировоззренческие позиции, Англия исторически продемонстрировала иной пример. Лондонская пресса, конечно, не избегала политических тем, а в XVIII в. даже приводила на своих страницах полные отчеты заседаний британского парламента, где сталкивались различные партийные интересы, тем не менее ее общий содержательный настрой был, конечно, проконсервативным. Эта традиция сохранилась на протяжении всей эволюции британских печатных СМИ.

В настоящее время в Великобритании выходит около двух десятков национальных газет как ежедневных, так и воскресных. Именно эта пресса пользуется повышенным интересом здешней аудитории. По этому поводу весьма эмоционально высказался полвека назад исследователь британской прессы Ф. Уильямс. По его словам, «никакой другой народ на земле не является столь ревностным читателем газет, как британский» [12, Р. 1]. Примечательно, что это высказывание не утратило своего значения и сегодня: на 1000 человек в Британии приходится 326 ежедневных газет, это на 35 единиц больше, чем в Германии и на 130 больше, чем в США.

Если попытаться охватить общую картину существования британских национальных изданий, то, во-первых, нельзя не обнаружить, что их суммарный тираж исчисляется миллионами экземпляров (что свидетельствует об их несравненно большей популярности на фоне региональной и местной печати). А во-вторых, подавляющее число этих газет по-прежнему остается проконсервативными — в соответствии с долгой традицией своего существования. Эту тенденцию подметили в свое время многие исследователи британских СМИ. «Ежедневные газеты, — писал журналист Дж. Эткинсон, — не делают никаких попыток, чтобы скрыть свои пристрастия... Они отражают проконсервативную точку зрения, причем преимущественно правого крыла» [5, Р. 71-72]. Аналогичное мнение выражал исследователь Т. Бэйстоу: «Какого рода наша пресса? Как она использует свою свободу? Первое, что бросается в глаза: преобладающее большинство газет проконсервативно» [6, Р. 1].

Оба упомянутых нами автора сознательно использовали в своих выводах тезис о «проконсервативности» британской прессы. Назвать ее консервативной не представляется возможным, ввиду формальной принадлежности газетного бизнеса в Британии частным интересам, а не политическим партиям. Так или иначе, но политическая позиция национальной прессы была отчетливо заметной на общенациональных выборах в преддверии правления М. Тэтчер. «Статистические данные

свидетельствуют о том, что при освещении предвыборных программ консерваторов и лейбористов в 1979 году... газеты неравномерно использовали колоночные дюймы, отдавая предпочтение взглядам консерваторов», — свидетельствовал британский журнал «Нью стейтсмен» [9, Р. 34]. Практически схожая ситуация, по признанию лейбористского еженедельника «Трибюн», обозначилась на выборах в 1983 г.: «Незадолго до голосования счет был таков: шесть из восьми британских ежедневных национальных газет выступали за консерваторов, одна — за тактический выбор между лейбористами и альянсом социал-демократов и либералов, и лишь одна — за лейбористов» [11, Р. 2]. Практически не изменилась ситуация и в ходе выборов 1987 г. Победив, М. Тэтчер публично поблагодарила британскую прессу за поддержку ее позиции [8, Р. 3].

Было бы неправомерно ставить партийно-политические пристрастия британцев в абсолютную зависимость от идейной направленности национальной прессы. Иначе невозможно объяснить, почему лейбористы, пользующиеся недостаточной поддержкой со стороны национальных печатных СМИ, все же неоднократно приходили к власти. Тем не менее полностью недооценивать роль прессы в политической ориентации населения было бы неверным, общество традиционно находится под влиянием того, какие издания оно читает, что в конечном итоге влияет на его пристрастия на парламентских выборах. «Если бы национальная печать была менее фанатичной в защите мундира консервативной партии, — резюмировал Т. Бэйстоу, — то лейбористы бы чаще завоевывали власть» [6, Р. 66].

Пребывание у власти М. Тэтчер было отмечено не только продолжающейся традицией поддержки консерваторов со стороны национальной прессы. Ею самой было сделано немало для того, чтобы посредством печатного слова консервативные ценности получили одобрение широкого большинства британского населения.

Находясь у власти, М. Тэтчер способствовала усилению процесса концен-

трации и монополизации прессы. Вся пресса Великобритании в период ее правления была сосредоточена в руках семи корпораций. Крупнейшим из этих концернов является «Ньюс Интернешнл» (дочернее подразделение «Ньюс Корпорейшн»), принадлежащий Руперту Мердоку. Газета «Таймс» входит в его состав.

«Таймс» – это традиционно качественная проконсервативная газета с богатой историей (год основания 1785). Качественная пресса освещает политику и экономику, ей присущи точность и достоверность информации. Дизайн таких газет отличается строгостью, применением ограниченного числа шрифтов. Как правило, качественные издания не бросаются в глаза крупными интригующими заголовками, броскими фотоснимками – эти привилегии остаются массовым газетам. Традиционный формат качественной прессы – А2. Качественной прессе, по мнению исследователя Корконосенко С.Г., «свойственны аналитичность, взвешенность оценок, спокойный тон публикаций и главное – надежность фактов и мнений» [3, с. 94]. Еще в XIX веке расположения этой газеты искали сильные мира сего, люди, обладающие властью: «Метод инспирирования на основе обмена мнениями между руководителями «Таймс» и главами министерств особенно регулярно практиковался в те периоды, когда к власти приходили политики, чьи взгляды разделяло руководство «Таймс» [1, с.50].

За многие годы своего существования «Таймс» претерпела множество перемен. Последняя – очень явственная, случилась, когда в 1981 году ее приобрел австралийский медиамагнат Руперт Мердок. Его медиаимперии «Ньюс Корпорейшн» принадлежат СМИ по всему миру, к самым значимым его приобретениям можно отнести: британские «Сан» (является самой продаваемой в Англии), «Таймс», «Санди Таймс», американскую газету «Уолл стрит джорнал», кинокомпанию «20 век ФОКС», социальную сеть «Май спэйс» и еще множество брендов в Австралии, Латинской Америке, Азии. Маргарет Тэтчер требовалась поддержка своего курса усилиями СМИ. Отсюда – продажа «Таймс» Мердоку, граж-

данину другой страны. Но, если в 1966 году, когда газету покупал выходец из Канады Рой Томсон, была созвана анти-монопольная комиссия, то спустя 15 лет Тэтчер ничего не сделала, чтобы сделка стала предметом рассмотрения все той же комиссии. Тем самым премьер-министр создала благоприятную почву для процесса концентрации и монополизации СМИ в британском обществе.

Р. Мердок в свою очередь опирался на политику, проводимую Тэтчер против профсоюзов, когда он организовал и осуществил свой знаменитый прорыв при Уоппинге. Медиамагнат к концу 1985 года выстроил новый редакционно-полиграфический комплекс в пригороде Лондона в местечке Уоппинг. Целью Мердока была прибыль, ее увеличение, отказ от старой типографской печати, переход на офсет. Эта процедура неминуемо влекла за собой увольнение 6000 рабочих и специалистов традиционной типографии. Но он пошел на это, несмотря на жестокое сопротивление профсоюзов. Осада Уоппинга была ожесточенной, не обошлось без помощи полиции, в которую демонстрация кидала камни, бутылки и дымовые бомбы. В результате «Битвы при Уоппинге» (под таким названием она вошла в историю), длившейся несколько месяцев, победителем стал австралиец. Не зря один из исследователей назвал его самым великим рискованным человеком в бизнесе, у которого, что является опасным, то и возможно [13, Р. 215].

Политика Мэрдока – это трансформация содержательно-иллюстративной модели газеты «Таймс». Понятие модели используется многими отраслями науки, но в журналистике сложилось особое ее понимание. Кроме приемов оформления (то есть дизайна), модель газеты также включает в себя содержание газеты (тематика, система рубрик, жанры публикаций). Перемены Мердока коснулись и содержания, и дизайна. Во-первых, газета перешла на офсет и стала цветной (но это только в 90-е). Газета стала позволять себе более броские, местами кричащие заголовки. На первой полосе все чаще стали появляться крупные фотографии, портретные и репортажные снимки, по-

рой занимающие ¼ полосы, до этого они были мельче. Верстка стала более разнообразной: в предыдущий период предпочтение отдавалось вертикальной с горизонтальными пересечениями, сейчас есть и брусковая. Газета заметно увеличилась в объеме: с 20 полос до 100.

С 2004 года газета стала выходить в так называемом компактном варианте (compact newspaper), то есть в таблоидном формате А3, что было сделано для удобства ее чтения в метро, поездах, автобусах. Эту успешную форму «Таймс» позаимствовала у газеты «Индепендент», когда благодаря формату тиражи последней увеличились. Еще одной целью введения данного формата было стремление руководства «Таймс» привлечь новых читателей. Появление газеты «Таймс» форматом А3 также было обусловлено идеями Тэтчер сделать политику консерваторов уделом не только традиционных слоев общества, но и массовой аудитории. Это было нововведением Мердока, но встретило понимание консерваторов, которым была необходима масс-медийная поддержка. Все эти перемены породили толки о таблоидизации газеты «Таймс».

Таблоидизация – процесс, происходящий на газетном рынке в последние десятилетия, характеризующийся появлением у качественных изданий признаков таблоида (формат А3, значительное количество иллюстраций, короткий объем

сообщений, броские заголовки, использование цвета). Ех-редактор «Таймс» Питер Стотхард (1992-2002), несмотря на все нововведения, отрицал любые намеки на «таблоидизацию» газеты. Также курс на таблоидизацию отверг собственный корреспондент газеты «Таймс» в России Энтони Халпин, он настаивал на том, что газета остается прежней и что аудитория остается прежней [Из специального интервью Энтони Халпина автору статьи. Сентябрь, 2008]. Но, несмотря на официальные заявления, трансформация газеты очевидна.

Так оказались взаимосвязаны консервативная политика, консервативная психология общества и пресса в Британии. Это подтверждает зависимость СМИ от этих двух факторов, потому что СМИ тесно связаны в своем развитии с политической реальностью.

Тесные связи между Р. Мердоком и М. Тэтчер привели к изменению модели «Таймс». А через это – влияние на сознание аудитории, произошла революция в сознании, основанная на консервативных ценностях. Сегодня эти ценности живы, несмотря на присутствие у власти лейбористов, они вынуждены считаться с психологией общества. Все это свидетельствует, что понимание политики СМИ невозможно представить вне политического и духовного ландшафта, в котором они действуют. И в этом воздействие Тэтчер безусловно.

-
1. Беглов С.И. Четвертая власть: британская модель. М., 2002.
 2. Денискина В.Я. Политический портрет М. Тэтчер. М., 1991.
 3. Корконосенко С.Г. Основы журналистики. М., 2001.
 4. Современный консерватизм / под ред. С.П. Перегудова, В.А. Скороходова. М., 1992.
 5. Atkinson J. The Media: a Christian View. London, 1979.
 6. Baistow T. Fourth-Rate Estate: The Anatomy of Fleet Street. London, 1985.
 7. Holmes M. Thatcherism: Score and Limits 1983-87. London, 1989.
 8. Morning Star. 1987. 11 June.
 9. New Statesman. 1986. 19 Dec.
 10. Norton P. and Aughey A. Conservatives and conservatism. London, 1981.
 11. Tribune. 1983. 10 June.
 12. Williams F. Dangerous Estate: The Anatomy of Newspapers. London, 1957.
 13. Wintour C. The rise and fall of Fleet Street.

К ПРОБЛЕМЕ УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 32.019.51

И.В. КИРДЯШКИН

В характеристиках современного общества на одном из первых мест стоит фактор коммуникации. Американские исследователи С.А. Биби и Т.П. Мотет, в самом общем виде, определяют коммуникацию как процесс воздействия на информацию. В более конкретном, как «способ, с помощью которого мы осмысливаем мир и делимся этим смыслом с другими, создавая его вербальные и невербальные сообщения» [2, с. 10-11].

Согласно теоретическим воззрениям Н. Лумана, коммуникация по своей сути невероятна, поэтому общество постоянно вынуждено ее поддерживать. Теория о невероятности коммуникаций исходит из представления, согласно которому, знания не всегда являются достаточными условиями сохранения социального мира [5, с. 44-45]. Преодоление невероятности коммуникации квалифицируется Н. Луманом как социокультурная эволюция, увеличивающая перспективность коммуникации [5, с. 45]. По мнению исследователя, социальный порядок основывается на совершении возможности воспроизводства «собственных значений» системы, своеобразных инвариантов порядка, осуществляющих независимую от консенсуса в обществе его интеграцию. Коммуникация может обращаться только к себе подобным, относящимся к «собственным значениям» системы [1, с. 105].

В этой связи политическая коммуникация предполагает не только коммуникационные, но и предкоммуникационные, и посткоммуникационные ситуации, и отношения. Проблему представляет: вхождение в контакт, установление связи с получателем сообщений, побуждение его к положительному восприятию сообщений. В установлении политической коммуникации, главное – создание информационной (символической, духовной) общности коммуникатора и реципиента, обеспечение идейного единства сторон [9, с. 20]. Вос-

производство этого единства реализуется через активность наиболее устойчивых форм культуры и ментальности любого субъекта, относящегося к родовому уровню сознания общества. Он базируется на архетипе (комплексе) рода как сферы перехода от программ животного поведения к осознанной культурной деятельности. Комплекс рода составляет мифо-ритуальные аспекты жизнедеятельности общества, политической сферы. Он особенно востребован для социума в периоды распада или пертурбаций государственных систем, ослабления государственных парадигм, становясь доминантной формой вписывания человека в реальность [8, с. 307].

Эндогенные (от греч. *endon* – внутри и *genos* – род, происхождение) кризисы связаны со сменой периодов активности той или иной программы изменений или ее исчерпанием, трансформацией религиозного мировоззрения, культурных стереотипов, идеологий. Эндогенный кризис провоцирует дезинтеграцию общества или революционный перелом в его развитии. Его проявление сопровождается нарушением понимания между членами общества, пертурбации которого не успевают за изменением ценностно-нормативных предпочтений, редуцирующих и перерабатывающих воздействие окружающего мира в информационные ресурсы, уравнивающие нелинейные процессы в обществе; нарушается коммуникация между членами общества. В этой связи «память» системы обращается к своим базовым основаниям, связывающих общество на фундаментальном уровне. Активизация мифо-ритуальной структуры, в составе политической коммуникации, обеспечивает способность политической системы объединять максимально возможный спектр различных коллективных решений в меняющихся условиях существования социума, создавать новые направления идейной эволюции.

Проявление мифо-ритуального компонента обуславливает включение в процесс воспроизводства идеологических компонентов политической коммуникации молодежи и ее объединений в качестве механизмов редукции сложности, и посредников между политической системой и ее окружающим миром. В теории Н. Лумана окружающий мир в лице человека позволяет системе активизировать процесс актуализации и адаптации «собственных значений» в процессе изменений условий ее существования [7, с. 285].

Участие молодежи в их воспроизводстве и адаптации «собственных значений» социальной системы и ее политической подсистемы обусловлено ее качествами политического и культурно-исторического субъекта. Молодой человек воспроизводит родовой комплекс в силу ярко выраженного наличия, определяющего его отношения с обществом, потребности в партиципации (чувственной сопричастности), составляющей базовый элемент социализации человека. В силу своего переходного состояния, объектом для партиципации у молодежи являются не абстрактные нормы, воплощающиеся в социально-правовых механизмах, а конкретный субъект действия – человек, группа. Качества молодого человека как субъекта действия определяются стремлением приложить эту матрицу взаимоотношений с окружающим миром на все общество. Включение молодежи в социально-политические процессы способствует поддержанию родового слоя сознания, связывающего локальные культурные предпочтения в периоды нестабильности и трансформаций идейного пространства политики.

Согласно исследованиям Д.В. Эльконина, непосредственным побудителем появления тех или иных форм организации поведения молодежи является «культурный посредник» или «культурный взрослый» [10, с. 406]. Образ «культурного взрослого» тесно связан с образом наставника, который в волшебных сказках является посредником между природой и культурой, и необходимым персонажем инициатического сюжета. Человек сам в одиночку сделать себя не может. «Культурный взрослый» как посредник и носитель образа помогает выдержать и удержать ситуацию перехода. Он становится «телом идеи», «причастной формой». В своей концепции развития Б.Д. Эльконин считает,

что каждое новое поколение вынуждено всякий раз заново на себе и собою воссоздавать культуру, и в этой постоянной практике воссоздания происходит становление субъектности. Человек не вырастает в культуру, он ее «орган», ее живой «мотор». В онтологии развития Б.Д. Эльконина в качестве главной выступает идея воссоздания, возрождения субъектом исходного состояния, которое можно описать как пребывание в мифе. Ему, этому состоянию, должна соответствовать и форма воссоздания. В качестве последней выступает образец, ритуал [11, с. 64].

Посредник или «культурный взрослый» является ключевой фигурой в акте воссоздания [12, с. 102]. Как отмечает Б.Д. Эльконин, посредник – это тот, кто выражает собою способ инициации «обратного» поиска и обращения. Посредник – это «поиск способа инициации поиска» [12, с. 65]. В функцию «культурного взрослого» входит такой момент, как «достройка» своего собственного образа во времени, которая как бы связывает поколения, а значит, общество в его динамике. «Культурный взрослый» в определенной мере, вместе с социализирующейся молодежью, находится в поиске оптимальных механизмов редукции вариантов изменений и идейной составляющей общественного развития. Сочетание операционного опыта «культурного взрослого» и идейных предпочтений молодежи имеет системную направленность, реализующую возможность сосуществования различных идеологических векторов, уравнивающих дифференцирующий социум.

Условием самоорганизации общества является поддержание необходимого множества и разнообразия элементов в системе. Согласно основному закону кибернетической теории систем, – закону необходимого разнообразия, сформулированному У.Р. Эшби, эффективность управления и, соответственно, устойчивость системы, пропорциональны ее внутреннему разнообразию [9, с. 195].

Стабильность внутри системы поддерживается за счет нестабильности, производимой ею же самой. Как отмечает С.А. Гомаюнов, в системе имеют место защитные механизмы, которые не позволяют «кристаллизоваться» структуре. С данной точки зрения, система всегда отличается некоторой «недоразвитостью» [3, с. 30]. Временная «непогруженность» молодежи

в абстрактно-формализованные нормы социального порядка определяет ее в качестве его окружения, актуализирующего самоописание, которые в силу замкнутости общества на «собственных значениях», ему не доступны в качестве редукторов нарастающей сложности.

Молодежь реагирует на дефицит в обществе партиципационных отношений, объединяющих его членов на родовом уровне осознания себя, способных в ответ на влияние окружающего мира в лице других систем восстанавливать коммуникативное пространство. Социальный порядок восполняет свои ресурсы самосохранения – новые ценности и когнитивный опыт – во многом через участие в социокультурной эволюции молодежи ее естественные в процессе социализации «отклонения» от норм. Они могут быть выражены в субкультурных качествах молодежи и ее стремлении к реконструкции идей сосуществования, различных видений происходящего в связи с новыми условиями их эволюции. Благодаря молодежи, политические идеи могут адаптироваться в меняющихся социально-политических контекстах. Включение молодежи в процессы воспроизводства норм и ценностей социального порядка потенциально позволяют социальной системе иметь ресурс возможности привнесения необходимого, для поддержания системы, разнообразия. Через молодежь власть, имея возможность нарушать и заново соединять общество за счет включения или исключения тех или иных ценностно-нормативных оснований, укрепляет свои позиции как регулятора социальных отношений.

В отличие от взрослого, в сознании которого уже присутствуют те или иные устойчивые образцы социального поведения, молодежь их не имеет, поэтому может достаточно эффективно участвовать в функционировании более многогранного идейного пространства политики. Это не отменяет стремление молодежи к целостному восприятию действительности, которое помогает ей социализироваться. В условиях эндогенных кризисов молодежь более «беззащитна» перед неустойчивостью общественных отношений. Это благоприятствует ее радикальным настроениям, связанным со стремлением к социальной, политической и культурной самостоятельности, посредством которой молодой человек пытается воспроизвес-

ти самостоятельно образ «культурного взрослого», необходимого ему в качестве образца социализации.

Молодежь значительно острее реагирует на отсутствие устойчивых социальных норм, способных формировать в ее сознании образцы «культурного взрослого», дающих возможность интегрироваться в общество и восстановить физиологически «разорванную» связь с окружающим универсумом через культурные взаимосвязи, восстановить ощущение защищенности. За политической деятельностью априори стоит потребность в ориентации, поиск новых концепций объяснения жизни, идей по ее стабилизации, теорий ее совершенствования, предназначенных преодолеть страх перед неизвестностью. Участие молодежи в политике – симптом кризиса «культурного взрослого» на уровне когнитивного опыта, воспроизводящего стереотипы поведения и формирующего социально-политические институты. Это реакция не только на недостаток когнитивных и институциональных ресурсов для социализации, но и на недостаток идейных концептов, направленных на обретение партиципации к общественному развитию, без которых человек не может в некоторой мере сливаться с социумом, обретая в нормах его конституирующих, смысл своего индивидуального существования. Для молодежи эти аспекты являются важным базисом ее перехода во взрослое состояние, ее интеграцию с обществом и его смыслами. Продолжение родового сознания в различных формах и объектах партиципации – стратегия, определяющая не только весь путь социализации человека, но формы переработки сознанием реальности для того, чтобы с ней можно было бы себя отождествлять. Партиципация воссоздает перспективность коммуникации в обществе, является основой сохранения и воспроизводства в нем норм социального порядка.

При этом идентификация управляет тем, что можно предать забвению, а что – вспомнить, устанавливает, что из прошлого остается в настоящем. Тем самым идентичности управляют и пространством осцилляции будущего, то есть формами, в которых ожидания сбываются или ведут к разочарованию [6, с. 197]. Идентифицируясь с кем-либо, молодой человек устанавливает пределы использования того или иного опыта системы и его реализации, таким образом влияя на возможности ее сохранения.

Процесс самоидентификации молодого человека связан с состоянием идейного пространства политики. Как отмечает Э. Эрикссон, идеология является социальным институтом, отвечающим за идентичность [13, с. 145]. По мнению Э. Эрикссона, идеологическая структура среды важна для молодого человека в качестве когнитивного «фокуса», способного организовать опыт в соответствии с конкретными возможностями индивида [13, с. 36]. Именно через идеологию, отмечает исследователь, социальные системы проникают в характер следующего поколения [13, с. 145].

Важным фактором этого процесса является миф как несущее ядро идеологии и системообразующий компонент родового сознания, связывающего общество в его историческом развитии, работающий как программа, направленная на ликвидацию внутреннего конфликта, предотвращения отпадения от целостности, на синкретическое слияние по типу «все во всем». Миф, считают исследователи, является «закодированным признаком главных ценностей общества», отвечающим потребности человека в целостном взгляде на мир. Во многом благодаря мифу, в идеологии важную роль играют «когнитивные ориентации» – религиозные представления, ментальные структуры, то есть социокультурный контекст, обращенный не столько к сознанию индивида, сколько к сфере его бессознательного [14, с. 427]. Известный исследователь мифа М. Элиаде истолковывает миф так, как его понимали в первобытных и примитивных обществах, где миф обозначал «подлинное, реальное событие» и, что еще важнее, «событие сакральное, значительное и служащее примером для подражания...» [15, с. 127]. Миф актуализирует прасобытие, которое является прецедентом формирования норм и ценностей социального порядка, в новых контекстах способствует появлению других его элементов (ценностей и норм). В период распада государственных идеологий миф становится важным «организатором» восприятия социальной и политической реальностей, мотивом для социального и политического действия.

Выступающий в качестве ядра идеологии миф выделяет ее в качестве важной основы идентичности, редуцирующей сложность сообщений окружающего мира. Вместе с самоидентификацией, миф транслирует образ социально-полити-

ческого взаимодействия. Через миф молодежь в различных формах участвует в укреплении социального порядка, самоактуализируя себя и «собственные значения» общества. Самоактуализация молодежи предполагает воспроизводство целостности общества в динамике, соединяя его в различных временных модальностях. В процессе социализации молодежь, подвергая общество разного рода воздействиям, вызывающим его различные пертурбации, влияет на воспроизводство единого для общества смысла, соединение его прошлого и будущего. Этот процесс, этапы которого определяют периоды актуализации и институционализации тех или иных ценностей, провоцирует углубление уровней сознания общества, на которых оно может воссоздаваться как целостность, преодолевать невероятность коммуникации, и тем самым постоянно «достраивать» представления о самом себе в виде самоописаний (культурных норм, социальных и политических идей).

Важной составляющей процесса самоидентификации человека и конструирования идей, реконструирующих программы развития общества, является такой элемент социального порядка как доверие – установка по отношению к себе и к миру, подразумевающая собственную доверчивость человека и чувство неизменной расположенности к себе других людей. Ее изначальной основой, как считает Э. Эрикссон, является наиболее недифференцированное «чувство идентичности», порождаемое встречей матери и младенца, дающей взаимное доверие и взаимное узнавание. Этот первый опыт, который Э. Эрикссон называет чувством «благословенного присутствия», составляет потребность, остающуюся основной на протяжении всей жизни человека. Доверие во взрослой жизни продолжает свое существование в способности верить – витальной потребности, самым древним институциональным подтверждением которой, считает исследователь, является религия, служащая постоянному ритуальному возрождению чувства доверия в форме веры [13, с. 145]. Доверие к обществу выражается как доверие к соединяющим его нормам взаимодействия и сохраняет общество как относительную целостность во времени, в различных режимах взаимодействия с другими системами. Как отмечает К.Ф. Завершинский,

доверие – универсальный символический посредник, специфический пространственно-временной интегратор социальных взаимодействий [4, с. 131].

Являясь своеобразным отражением и, в некоторой степени, регулятором состояния идейного единства социума, молодежь формирует тем самым и характер собственных идейных и культурных предпочтений. В ситуации нарушения взаимодействия с интегральными ценностями молодежь совершает попытки их воспроизводства. Выработка доверительных отношений с обществом, т.е. отношений на основе структур, представляющих собой фундаментальные основы общественной конституции, влияет на состояние идейного единства общества, определяет характер отношений молодежи с его институтами, «дистанцию» между ними.

Участие молодежи в политическом процессе реактуализирует из «памяти» политической системы те ценности и когнитивный опыт, которые способны восстановить образ «культурного взрослого» в тех или иных социально-исторических контекстах. Актуализация молодежью процесса воссоздания ценностно-нормативных, когнитивных компонентов для восстановления понимания, доверия между членами общества соединяет общество в динамике, тем самым обеспечивается вероятность перехода к новым уровням эволюции социума и его «когнитивного опыта», отвечающего за идейное обеспечение этого процесса институциональное оформление.

Включение молодежи в процессы трансляции и формирования ценностных норм социального порядка обеспечивает политической системе устойчивость к изменениям во внешнем мире. Если этого не происходит, из политической коммуникации выпадает звено посредников, соединяющих ее с родовым, стабилизирующим уровнем сознания общества, определяющим перспективность коммуникации и социально-политического взаимодействия.

В ситуации дифференциации, несогласованности векторов идейного пространства политики, мифо-ритуальные компоненты коммуникации и их важный носитель в лице молодежи оказываются ведущими факторами эволюции политического мира и общества в целом, перехода социума в новые смысловые измерения, подготовки к другим программам развития. Их адаптация – процесс сложный и нелинейный, поэтому он нуждается в привлечении максимально возможного общественного представительства. Особенно это относится к той части этого представительства, для которой реальность еще не отождествляется с «картиной мира», привносимой институтами социализации, которая с присутствием «растущему организму» чувством новизны окружающего мира может привнести в образ познаваемой реальности новые штрихи, сближающие представления о действительности членов общества на уровне чувственной сопричастности к происходящему.

1. Антоновский А. Никлас Луман: Эпистемологические основания социологического конструктивизма / А. Антоновский // Луман Н. Общество как социальная система. – М., 2004.
2. Биби С.А., Мотет Т.П. Коммуникация и ценности / С.А. Биби, Т.П. Мотет // Вестник РГГУ. Сер. Политология. Социально-коммуникативные науки. – 2007. № 1.
3. Гомаюнов С.А. Анатомия антисистемы: к вопросу о природе тоталитарных обществ / С.А. Гомаюнов. – Киров, – 1991.
4. Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта / К.Ф. Завершинский // Политис. – 2001. № 2.
5. Луман Н. Невероятность коммуникации / Н. Луман // Проблемы теоретической социологии. Вып.3. СПб., 2000.
6. Луман Н. Дифференциация / Н. Луман. – М., – 2006.
7. Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории / Н. Луман. – СПб., 2007.
8. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. – М., 1998.
9. Политические коммуникации. – М., – 2004.
10. Сапогова Е.Е. Культурный социогенез и мир детства: лекции по историографии и культурной истории детства / Е.Е. Сапогова. – М., 2004.
11. Смирнов С.А. Культурный возраст человека: философское введение в психологию развития / С.А. Смирнов. – Новосибирск, 2001.
12. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского) / Б.Д. Эльконин. – М., 1994.
13. Эриксон Э. Идентичность, юность и кризис / Э. Эриксон. М., 2006.
14. Технология власти: философско-политический анализ / отв. ред. Р.И. Соколова. М., 1995.
15. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – Ульяновск, 1995.

«КУЛЬТУРНОЕ СМЕЩЕНИЕ» «БЕЗРАЗЛИЧНЫХ ГРАЖДАН»: К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ

УДК 323.232

А.А. МАЛЬКЕВИЧ

Глубокую обеспокоенность современных политиков вызывает ощущение того, что молодые люди все чаще высказывают безразличие к демократическому политическому процессу, причем не только в России, но и на Западе, где демократические традиции считаются устоявшейся нормой.

Создается впечатление, что традиционные механизмы политической социализации, которые вводили каждое новое поколение в систему институтов, норм и практик демократического управления, более не формируют приверженности демократии и не мотивируют политическое участие. Нежелание голосовать на выборах и повышение среднего возраста членов политических партий приводятся в качестве примеров тревожащего недостатка включенности молодежи в жизнь общества. Эти тенденции подтверждаются результатами социологических исследований, которые показывают высокий уровень недоверия по отношению к политикам и политике, как таковой, со стороны молодых людей [3].

Парадокс заключается в том, что это разочарование наступило в тот период времени, когда молодые люди получили гораздо больший, чем их родители, доступ к политической информации и дискурсу благодаря СМИ и изменениям в системе образования. Несмотря на это, «болезнь» поколения часто интерпретируется как продолжение растущей политической апатии и отстранения от политической деятельности.

В противовес этой пессимистической концепции «безразличного гражданина», выдвигается и иная интерпретация происходящих в молодежной среде изменений, получившая название «культурного смещения» политического участия молодежи. Эта альтернативная точка зрения заключается в том, что на самом деле молодые люди вовсе не в меньшей степени интересуются политикой, чем предшествующие поколения.

Просто традиционные формы политического участия более не воспринимаются в качестве пригодных для выражения озабоченности, связанной с современной молодежной культурой. Вместо этого ограничение практики демократического голосования и восприятия социально-классовой принадлежности, которые лежали в основе коллективной мобилизации, начали заменяться механизмами и моделями демократического выражения, отражающими современную тенденцию особого внимания к конструированию самоидентичности в рамках глобальной информационной экономики [1].

В рамках данной концепции принято считать, что это не столько молодые люди стали безразличными к политике, сколько политические представители оказываются далекими от молодежи и поглощенными собственными проблемами, и, как следствие, не способными соответствовать жизненному опыту молодых людей.

Озабоченность сторонников концепции «культурного смещения» связана с поиском средств, с помощью которых может проходить политическая социализация молодых людей в рамках того медийного окружения, которое способствует формированию разнообразия стилей жизни.

Традиционная «политическая жизнь»: парламентские дискуссии и политические дебаты в рамках конгрессов и форумов, кабинки и урны для голосования, ограничения, налагаемые социально-классовой ориентацией партийной принадлежности, резко контрастируют с самовыражением молодых, стимулируемым такими социальными сетями, как Facebook, MySpace, MSN, Flickr и sms-сообщениями как потенциальными средствами повышения уровня политического участия молодежи. Более того, в социальном мире, где встречи со звездами, реалити- и ток-шоу привлекают значительно более широкую

аудиторию, чем гражданские и политические объединения, такие социальные сети могут предложить контекст для дебатов и осознание политики, связанной со стилями жизни, опирающимися на сексуальность, идентичность, внешнюю среду, консьюмеризм, гендерную и глобальную справедливость.

Возможной является трактовка молодого «поколения Интернета» как первопроходцев новой развивающейся техно-социальной и политической культуры. Связанные с миром цифровых технологий с самого рождения, живущие в виртуальном мире сетевых чатов, получающие подпитку из блог-сферы и обогащаемые потоками цифровых звуков и изображений, эти молодые люди рассматриваются в качестве важных акторов, формирующих параметры демократического управления в современном обществе.

С точки зрения альтернативной концепции «безразличного гражданина», такой культурный сдвиг чаще воспринимается со своего рода усмешкой. Социо-технические изменения признаются, однако считается, что их значение сильно преувеличено и соответственно не считается необходимым сколько-нибудь значительное изменение существующего политического стиля. Вместо этого предлагается использовать новые СМИ в качестве дополнительного канала политической коммуникации для молодых людей, социализирующих их в контексте существующих политических институтов и практик. Например, web-сайты, подкасты и онлайн-дискуссионные форумы могут быть спроектированы так, чтобы облегчить более «современные» способы общения политиков, политических партий и деятелей сферы образования с молодежью.

Действительно, сочетание гражданского образования в школах и ряда инициатив, базирующихся на использовании информационных технологий, стало обычной реакцией на ощущаемую гражданскую апатию молодежи во многих странах.

Эти два подхода, конечно, не являются единственными возможными интерпретациями происходящего, а резкое теоретическое различие между ними на практике является значительно менее ярко выраженным и может быть весьма успешно заменено точкой зрения, позволяющей добиться их конвергенции. Тем не менее, концептуальное противопоставление оказывается полезным в качестве отправной точки дискуссии о возможности использо-

вания новых СМИ для политической социализации молодежи в духе партисипаторной демократии.

Для того, чтобы выявить роль новых СМИ в оказании влияния на демократическую ойкумену молодых граждан в современных обществах, необходимо определить ряд противоречий, возникающих между концепциями «безразличия» и «смещения» в объяснении гражданского включения молодежи.

Во-первых, вступающие в противоречие друг с другом подходы подчеркивают различные аспекты демократического политического включения. Подход с позиции гражданского безразличия имеет тенденцию фокусировать внимание на формальных институтах и процедурах, связываемых с классической теорией либеральной демократии, таких как представительство, партии, парламены и голосование. Политическое образование и коммуникация в рамках данного подхода обычно представляются построенными на иерархии и направленными сверху вниз. В их основе лежат идеализированные модели активного гражданства [2].

В качестве таковых, они подвергаются критике как оставляющие мало возможностей для того, чтобы услышать голоса молодых или способных породить ощущение политической эффективности. Как подчеркивал Мюррей Эдельман, такого рода политическую социализацию можно рассматривать как своего рода необходимое введение в управление политическим поведением граждан, которое осуществляется «не благодаря удовлетворению или сдерживанию их стабильных субъективных требований, а скорее путем изменения этих требований и ожиданий» [4, с. 7].

Представители концепции «культурного смещения» пытаются расширить поле исследования для того, чтобы включить в него деинституционализированные формы политического участия, которые задействованы внутри сетей и пространств, характерных для свободных социальных связей и неформальных структур.

Здесь мы можем найти взаимодействие внутри неиерархических, гибких и персонализированных социальных отношений вне традиционных социальных институтов. Именно поэтому цифровые СМИ могут предоставить в распоряжение молодых людей каналы коммуникации, способные, с одной стороны, облегчить менее регулируемое межличностное общение,

с другой – обеспечить доступ к более широкому кругу транснациональных политических влияний. Новые СМИ оказывают влияние на гражданское и политическое участие молодежи как в рамках формальной сферы либерально-демократической политики, так и неформальной сферы господства молодежной культуры.

Второй момент, на который следует обратить особое внимание – более детальное описание того, что мы понимаем под «новыми СМИ». Несмотря на четкое понимание тех драматических изменений, которые произошли с широким спектром цифровых информационных технологий (ИТ), таких как мобильные телефоны и цифровое телевидение высокого разрешения, главный акцент, на наш взгляд, следует сделать на использовании молодыми людьми Интернета и «Всемирной паутины» (WWW).

Подобная постановка вопроса включает в себя анализ того, как Интернет может влиять на гражданское участие молодежи путем эмпирического исследования онлайн-коммуникации. Оказывает ли «Сеть» иное воздействие на политическую социализацию, чем более ранние формы СМИ? Возможно, теоретики новых СМИ слишком часто были повинны в том, что подчеркивали «новизну» технологии и наступление второй эпохи господства СМИ [13].

Именно поэтому необходимо более точно определить характер связи между старыми и новыми СМИ и извлечь уроки, касающиеся политического участия и социализации, которые могут быть применены к исследованию тех и других. Молодые люди могут продолжать находиться под большим влиянием, например, телевидения, чем Интернета [8].

В то же время весьма полезным является эмпирическое исследование использования в рамках Интернета специально разработанных онлайн-заявок, предназначенных для того, чтобы способствовать политической активизации молодых людей. В качестве примеров можно привести и проекты, задачей которых является облегчение создания промежуточных гражданских пространств, которые могут существовать на стыке формальных политических институтов и неформального мира онлайн-молодежной культуры. Иначе говоря, они представляют собой социально-политические эксперименты, в рамках которых эти два мира могут накладываться друг на друга в местах пе-

ресечения с Интернетом и социальными сетями. Их разработка часто начинается с признания того факта, что молодые люди не представляют собой какой-то иной вид существ, а скорее испытывают те же чувства незащищенности и неопределенности, порождаемые глобальными культурными изменениями, отмеченными выше.

Дебаты по поводу нормативного измерения гражданства обеспечивают контекст для понимания поведенческих ролей граждан, что представляется необходимым для решения проблемы обеспечения коллективных действий. Политическое участие и гражданское включение обычно рассматриваются с помощью континуума [12].

В своем самом ограниченном варианте роль гражданина в демократическом обществе заключается в добровольном участии в голосовании, что при дальнейшем развитии, может вылиться в пожертвования, вступление в политическую партию, осуществление контакта с официальными лицами и посещение политических мероприятий.

Основываясь на своем более раннем определении, Патти и его коллеги утверждают, что хороший гражданин – это «тот, кто осознает свои права, но также и обязательства по отношению к другим людям и более широкому обществу. В дополнение к этому, хорошие граждане участвуют в добровольной деятельности разнообразного характера, а также в политике в более широком плане...» [10, с. 129].

Это именно те формы участия, которые, по мнению сторонников концепции «безразличного гражданина», не готовы воспринимать молодые люди. Последние, соответственно, видимо, могут быть скорее отнесены к той категории, которую Патти и его коллеги называют «плохими гражданами», заботящимися лишь о том, чтобы «потребовать соблюдения их прав, но ... не склонными признавать свои обязательства по отношению к другим членам общества» [10, с. 130].

Сторонники концепции «культурного смещения» более осторожны в оценке «оглуляющего» эффекта воздействия СМИ и делают предположение, что новые СМИ посредством Интернета могут предложить более широкие возможности для понимания политического участия. Прежде всего, основываясь на более широком понимании политического участия, они оценивают уровень активности, исходя из того, что марши, протесты и забастовки являются

дополнительными индикаторами силы демократической политики.

Вместо того, чтобы сконцентрировать внимание на политическом консенсусе и согласии как основе демократического общества, они указывают на ценность конфликта и оппозиции в качестве необходимых инструментов для укрепления демократии [9].

Таким образом, вызов гражданским и демократическим институтам либо посредством прямого действия, либо путем отказа в поддержке, может также рассматриваться как укладывающийся в рамки современного понимания феномена демократической политики.

Сторонники «культурного смещения» настроены менее пессимистично насчет одномерной культурной гегемонии СМИ и вместо этого утверждают, что общественность способна как критически интерпретировать маркетинговые послания политиков, так и сохранять свои политические убеждения.

Таким образом, вместо того, чтобы рассматривать молодежную массовую культуру как царство политического контроля, скорее следует представлять ее в качестве значительно более сложной внешней среды, где автономия и посредничество могут мобилизовать на политическое действие.

Мы убеждены, что больше нет необходимости рассматривать поведенческие роли молодых граждан исключительно по отношению к государству и политике представительства. Следует также принимать во внимание и разнообразие их индивидуальной и общественной активности, начиная с покупок и заканчивая он-лайнowymi глобальными кампаниями, которые отражают озабоченности и процессы индивидуализации и деинституционализации, с которыми сталкиваются молодые граждане.

Однако эти исследования не в полной мере опровергают гипотезу, выдвинутую сторонниками концепции «культурного смещения». Интересно, что процент пользователей сети, использовавших Интернет для получения информации о кандидатах и партиях, среди молодых пользователей оказался значительно выше, чем среди пользователей более старших возрастов [8, с. 27].

Таким образом, можно предположить, что онлайн-стратегии политических партий, нацеленные на молодых избирателей, представляют собой определенную ценность в качестве инструмента

вовлечения безразличных молодых граждан. Однако это также указывает на то, что политическое вовлечение молодых людей постепенно перемещается в пространство новых СМИ, где мобилизация и политическая активность могут быть выше среди тех, кто является пользователями Интернета.

Каковы бы не были различия между этими двумя концепциями, представляется, что обе они разделяют точку зрения, что на жизнеспособность включения молодых людей в демократический политический процесс в будущем, окажут влияние результаты, по крайней мере, трех аспектов социо-культурной трансформации. Речь идет о взаимоотношениях между гражданином и государством, природе гражданского участия и роли новых СМИ в политической социализации и гражданском образовании молодых граждан.

Здесь же мы не можем не сказать о роли глобализации в процессе определения национальной идентичности. Дэвид Хельд описывает глобализацию просто как «сдвиг или трансформацию в масштабе человеческой организации, которая связывает отдаленные сообщества и расширяет воздействие властных отношений на регионы мира» [7, с. 1].

В то время, когда многие комментаторы указывают на возможное снижение роли государства вследствие процессов глобализации, сопутствующим этому процессу обстоятельством является то, что права и обязанности граждан могут оказаться более слабо связанными с национальной основой [11].

Заключающаяся здесь идея состоит в том, что права и обязанности гражданства в меньшей степени зависимы от членства в определенном территориальном и правовом обществе. Люди, описываемые Томасом Хаммером в качестве так называемых *denizens*, все в большей степени живут и работают в странах, отличных от тех, где они родились или натурализовались. Таким образом, для *denizens* стало возможным иметь различные права и обязанности по отношению к целому ряду «более широких обществ» и получить опыт целой серии транснациональных и переходных статусов гражданства. Более того, целый ряд транснациональных процедур и институтов облегчил возрастание перетока через государственные границы мигрантов – *denizens*, что может способствовать усилению подобного рода тенденций [6].

Национальная идентичность как набор символов, ценностей и практик, питающая ощущение гражданства молодыми людьми, таким образом, может начать рассматриваться как одна из целого ряда конкурирующих идентичностей. Альтернативные возможности «привязки» гражданской идентичности еще более интенсифицируются для молодежи во многих современных обществах благодаря расцвету мультикультурализма как социальной характеристики.

Первое и второе поколение иммигрантов в настоящее время сталкивается с меньшими трудностями при идентификации себя со странами рождения и культурного наследия. Они, например, могут служить в вооруженных силах Великобритании и одновременно поддерживать приехавшую в Англию команду Пакистана по крикету. Более того, те, кто живут в такого рода мультикультурных обществах, одновременно пользуются культурными благами подобного разнообразия и в то же время испытывают на себе проявления социальной напряженности, являющейся его последствием.

Однако растущая текучесть и мобильность больших групп населения подвергает многих молодых людей более широкому спектру влияний, чем предшествующие поколения. В результате возникают новые социальные деления, приводящие к резкому контрасту между теми, кто обладает опытом большей мобильности, и теми, кто вынужденно прикован к одному месту обитания.

Ослабление национальной идентичности может быть также связано с ощуща-

емой неспособностью политиков и институтов эффективно справляться со многими глобальными политическими проблемами, которые касаются молодежи. Экологический ущерб, нанесенный планете, и нищета в развивающемся мире, например, постоянно бросают вызов традиционным попыткам государства справиться с проблемами глобальных коммерческих интересов, транснационального регулирования и экономической либерализации. Такое разочарование в национальной политике может в еще большей степени усилиться в связи с неспособностью государства справиться с растущими социальными ожиданиями граждан. Кеннет Гэлбрайт определил вызов, с которым сталкиваются современные демократические социальные государства, как «культуру удовлетворенности» (culture of contentment) [5].

По мере того, как большинство избирателей становится все более обеспеченным и сконцентрированным а на собственных интересах, оно склонно использовать свое преимущество на выборах для того, чтобы противостоять расходованию средств на общественные нужды и государственному вмешательству, которые могут быть необходимыми в интересах социально и политически исключенных. Все в большей степени лишены помощи со стороны национальной системы социального обеспечения, молодые люди, возможно, поэтому менее склонны испытывать чувство социальной ответственности и осознавать свои обязательства перед страной, что было характерно для предшествующих поколений, ощущавших себя гражданами социального государства.

1. Castells, M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. 2: *The Power of Identity*. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.
2. Combs, J.E. and Nimmo, D. *The Comedy of Democracy*. Westport, CT: Praeger, 1996.
3. Dalton, R.J. *Democratic Choices: The Erosion of Political Support in Advanced Industrial Democracies*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
4. Edelman, M. *Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence*. Chicago: Markham, 1971.
5. Galbraith, K. *The Culture of Contentment*. Harroondsworth: Penguin, 1992.
6. Hammer, T. *Democracy and the Nation State*. London: Ashgate Publishing, 1990.
7. Held, D. (ed.) *A Globalizing World? Culture, Economics, Politics*. Milton Keynes: Open University Press, 2004.
8. Livingstone S., Couldry N., Markham T. Youthful steps towards civic participation: does the Internet help? / Loader B. (ed.) *Young Citizens in the Digital Age. Political engagement, young people and new media*. London & New York: Routledge, 2007. P. 21-34.
9. Mouffe, C. (ed.) *Dimensions of Radical Democracy: Pluralism, Citizenship, Community*, London: Verso, 1992.
10. Pattie, C.J., Seyd, P. and Whiteley, P. *Citizenship in Britain: Values, Participation and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
11. Soysal, Y. *Citizenship and identity: living in diasporas in post-war Europe? // Ethnic and Racial Studies*, 1 (23), 1998. P. 1-15.
12. Vromen, A. and Gelber, K. *Power-scape: Contemporary Australian Political Practice*. Sydney: Alien & Unwin, 2005.
13. Webster, F. *Theories of the Information Society*, London: Routledge, 2001.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАРКЕТИНГА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

УДК 339.1+339.1+342.5

Л.И. ВОРОНИНА

Дифференциация гуманитарных и социальных наук в современном мире привела к тому, что многочисленные общественные явления рассматриваются, как правило, изолированно, в рамках конкретной научной дисциплины. Такая же участь постигла и маркетинг. Экономисты изучают его как явление экономики. В то же время многочисленные исследования социологов, философов, политологов о различных видах маркетинга расценивают как «покушение» на целостность экономической науки. Соответственно междисциплинарные подходы к анализу маркетинга вызывают в основном неприятие. Но многие представители гуманитарных и социальных наук упорно заявляют о том, что маркетинг – это не только экономическое, но и социальное явление, тесно связанное с рынком. Аргументы в пользу «социального» основаны на том, что в процессы маркетинга вовлечены различные группы: собственники и наемные работники, производители и потребители, продавцы и покупатели, политики и избиратели и т.д. Между ними возникают не только экономические отношения (относительно денег, выгоды и прибыли), но и социальные. Деньги, которые являются одним из объектов не только в экономическом, но и социальном обменах, способствуют удовлетворению самых различных потребностей. Помимо денег объектом обмена выступают и иные «предметы» в зависимости от интересов и потребностей сторон. Итак, кто же прав в этих научных спорах: является ли маркетинг объектом изучения только экономики или и других социальных наук?

Предпримем дерзкий шаг. Рассмотрим маркетинг как социальное и культурное явление, основываясь на том, что участниками маркетинга являются не только индивиды, но и представители различных социальных групп, между которыми возникают взаимодействие и, как следствие, межличностные и межгрупповые отношения, которые постоянно изменяются. Ведь именно межличностные и межгрупповые отношения, из которых состоит та или иная социальная система, организа-

ция или институт, и образуют их «ткань» и «структуру». Соответственно и в экономике присутствуют специфические межличностные и межгрупповые отношения, а их специфическое разнообразие создает основу для различных явлений. Эту удивительную социальную закономерность уловил и обосновал П.А. Сорокин. Он же доказал, что различие между категориями «культурное» и «социальное» весьма условно и относительно: любая культура создана определенной социальной группой, объективацией которой она является; а любая социальная группа имеет свою определенную культуру. Явления, относящиеся к области социальных отношений, всегда бывают явлениями «сознания». Их нельзя изучать отдельно от него: будь то сознание индивидов, вовлеченных в эти отношения (то есть то, что они думают и как их оценивают) или же сознание других лиц (наблюдателей, исследователей), оценивающих эти явления [6, с. 350].

В сознании индивидов и социальных групп, живущих в конкретное историческое время, всегда можно выделить доминирующие идеи и представления. Такая же закономерность есть и в потребностях в определенных знаниях, и в методах постижения истины. Ментальность людей определена специфическими ценностями, которые влияют на поведение и соответственно на возникновение и закрепление норм, регулирующих социальное взаимодействие. Отношения, возникающие как результат многократно повторяющихся социальных актов, также имеют специфику. Эти перечисленные элементы можно представить в виде систем. Первая система, истины и знаний, связана с представлениями и идеями, концепциями и подходами, а также с методами их изучения. Вторая система, этики, базируется на ценностях и чувствах, эмоциях и оценках. И третья система – это отношения, возникающие на основе конкретных норм, традиций и обычаев. Все три системы, как и перечисленные элементы, подвержены изменениям (или флуктуациям). Главными причинами изменений являются кризисы отношений. Этот вид кризисов создает ос-

нову для возникновения новых социокультурных явлений.

Понимание этой социокультурной динамики дает основания для изучения различных социальных явлений, а также отношений между индивидами или социальными группами. Социокультурная динамика позволяет понять причины изменений (флуктуаций), которые приводят к трансформации отношений. Используя методологию исследования социально-культурных явлений, можно ответить на вопрос: почему маркетинг стремительно развивается в России и проникает в различные социальные институты, в том числе в государственное и муниципальное управление?

Несмотря на то, что причины возникновения маркетинга во многом связаны с экономическим фактором, основной источник его возникновения – это кризис. К началу двадцатого века кризис охватил отношения социальных групп, взаимодействующих в различных сферах, в том числе в коммерции и торговле. Кризисы в отношениях собственников и наемных работников, производителей и потребителей, продавцов и покупателей стали основной причиной рождения маркетинга. Соответственно происходили изменения (или флуктуации) в социокультурных системах: истины и знаний, этики и отношений. Совокупность изменений в этих системах привела к появлению новых отношений и возникновению маркетинга не только как экономического, но и социального, и культурного явления.

Для стран Западной Европы и США конец 19 – начало 20 века можно обозначить как период суверенизации маркетинга в качестве деятельности и выделения его как самостоятельной области в системе общественного разделения труда. К этому периоду относится появление первых идеологов и специалистов в области маркетинга [2, с. 9]. Суверенизация маркетинга также стала возможной благодаря максимальному развитию расширенного порядка. В трактовке Ф. Хайека – это сформировавшиеся традиции, обычаи, ценности, соответствующие им отношения и нормы, благодаря которым были созданы условия для развития капитализма и функционирования рынка в современном понимании [9, с. 18]. Роль торговли и коммерции, конечно же, была огромна в создании этих условий.

Флуктуации (или изменения) также связаны с таким механизмом, как миграция социальных отношений и ценностей. Суть миграции состоит в том, что регулирование социальных отношений в конкретном социальном институте может перейти под контроль других социальных групп: например, от государства – к церкви, от государства – к общественным или саморегулируемым организациям. Такая флуктуация закономерна для жизнедеятельности любой организованной группы [6, с. 634]. Также происходит перенос и миграция социальных отношений из одной социальной системы в другую. При этом процесс миграции социальных отношений из одной системы в другую – это закономерное и постоянное явление.

Те или иные факторы в разной степени способствуют ускорению процессов в этом виде миграции. В настоящее время именно капитализм становится своеобразным катализатором миграции отношений и ценностей, связанных с производством, потреблением и распределением, в том числе общественных благ. Особенно активно в настоящее время процесс миграции социальных отношений из экономики в другие социальные институты осуществляется в России. Этот процесс способствует возникновению новых связанных групп, между которыми происходит постоянное социальное взаимодействие: это власть и собственники; собственники и наемные работники, государственная и муниципальная власть, общественные организации и другие. Таким образом, различные субъекты управления, ранее не включенные в рыночные процессы, но в настоящее время связанные с экономическим и социальным обменом, становятся активными участниками отношений. Конечно же, эти отношения специфические, потому что они развиваются в условиях рыночной культуры (или, по определению П.А. Сорокина, в условиях чувственной культуры) [6, с. 230].

Результаты этой специфической миграции создают условия для появления новых видов маркетинга. В теории и практике получают разнообразные наименования: маркетинг некоммерческих субъектов [1, с. 3], государственный маркетинг [4, с. 3], муниципальный маркетинг [8, с. 5]. Маркетинговые подходы активно внедряются и в кадровую политику органов власти. Цель этих инноваций – интегра-

ция маркетинга кадров со стратегическим управлением в органах власти. «Понятие маркетинговая стратегия – элемент стратегии деятельности исполнительных органов власти, направленный на разработку, производство и доведение до населения услуг, наиболее соответствующих его потребностям» [3, с. 15].

Результатом миграции становится изменение степени регулирования органами власти отношений с социальными группами, социальными институтами или системами. В ситуации экономической стабильности власть передает часть своих полномочий. Образно говоря, организованные системы социальных отношений или сети испытывают то усиление, то ослабление контроля со стороны своих руководящих органов. Этот «ритм» – имманентное свойство всех организованных систем социального взаимодействия, существующих в течение длительного времени. В России подобное ослабление регулирования отношений в таких социальных институтах как образование, культура, здравоохранение особенно активно происходит в конце 90-х годов 20 века – начале 21 века. Для этого периода в определенной степени характерны некоторое улучшение экономической ситуации в обществе, уменьшение экономического неравенства, соответственно, ослабление контроля со стороны органов государственной власти. Среди населения усиливается осознание своих потребностей, появляются средства для удовлетворения этих потребностей. Как следствие, предложение различных услуг социального характера (помимо обязательных, гарантированных бюджетами различных уровней). В этих условиях активно развивается не только традиционный вид маркетинга (в торговле и коммерции), но и в различных социальных институтах. Последние претерпевают глубокие преобразования, вызванные тем, что из «сети социальных отношений» выбывают ранее существовавшие отношения и в структуру «включаются» иные отношения. В таких социальных системах как образование, культура, здравоохранение разрушается монополия на оказание услуг, появляются новые участники – они же являются носителями иных ценностей и иного поведения (которое можно назвать маркетинговым). Возникают иные отношения

между потребителями услуг социального характера и теми, кто их оказывает.

Аналогичная ситуация происходит в системе социально-трудовых отношений. До 1990 года различные социальные услуги, которые за счет фондов предприятия предоставлялись работникам (обеспечение жильем, оплата санаторно-курортного лечения, оплата профессионального образования и т.д.) рассматривались как должное поведение работодателей. Но после 1990 года происходит кризис социальных отношений в этой системе. Трудовой кодекс Российской Федерации способствует формализации иных отношений между работодателями и работниками, собственниками и наемными работниками. Меняется содержание так называемых «должно-дозволенных» отношений и «рекомендуемых», а соответственно понимание «должно-дозволенного» и «рекомендуемого» поведения. Капитализм способствует флуктуации и миграции договорных отношений в этом социальном институте.

Кроме изменений в системе отношений происходят флуктуации в системе истины и знаний. Практики в органах власти обращаются к маркетингу, потому что в их сознании появляются новые ментальные и культурные клише, а именно необходимость обратиться от макро-интересов государства к интересам человека. Изменения в системе истины и знаний затрагивают участников отношений в различных социальных институтах, в том числе и ученых. Объект и предмет маркетинговых исследований, которыми ранее занимались только экономисты, закономерно «мигрирует» в другие науки, а именно в социальные и гуманитарные. Представителей этих наук начинают волновать ценности, связанные с культурой рынка, и отношения различных социальных групп, и прежде всего тех, кто производит те или иные товары и услуги, и тех, кто их потребляет. Как результат – увеличение количества маркетинговых исследований, в том числе и в России. Впрочем, это и понятно, так как маркетинг для России пока еще новое явление как экономическое, так и социокультурное.

Маркетинг начинают исследовать философы. Например, работа В.Г. Чумача посвящена проблемам рынка образовательных услуг и социальному анализу его состояния и перспектив [7]. Педагог Н.С. Ремнева изучает трансформацию со-

циального маркетинга в региональных системах образования [5]. И.Н. Рассказова анализирует маркетинг как один из элементов профессиональной компетентности государственных служащих. Объектом ее научного интереса являются поведение государственных служащих и их отношение к населению как заказчику услуг [4]. Российские исследователи, как экономисты, так и социологи активно обращаются к изучению механизмов формирования и удовлетворения потребностей, а также особенностям оказания общественных услуг.

На междисциплинарном уровне происходит процесс взаимопроникновения идей, понятий и методов исследований, например, у экономистов и социологов. В качестве иллюстрации обратимся к исследованию по функционированию социального маркетинга в системе местного самоуправления.

Автор экономического исследования А.И. Чунаков справедливо отмечает возможность применения технологий социального маркетинга с целью изменения социального поведения граждан: «Применение методов социального маркетинга в данном случае будет способствовать повышению эффективности взаимодействия органов местной власти, хозяйствующих субъектов и институтов гражданского общества» [8, с. 3].

Как видим, теоретическая грань между исследованиями по проблеме маркетинга, которые проводят представители различных наук (философии, педагогики, экономики, социологии), весьма условная. И это не случайность, а закономерность в контексте культуры, развивающейся в условиях капитализма, и соответствующего ему так называемого «расширенного порядка» (ценностей, норм, отношений, обычаев и т.д.).

Поэтому представители экономических, гуманитарных и социальных наук активно изучают одни и те же объекты: общество и отношения различных социальных групп: экономические, социальные, политические. Многие из них исследуют изменения, которые произошли в отношениях под влиянием «расширенного порядка» и рынка.

Но каковы же глубинные причины появления различных видов маркетинга, функционирующих в институтах, столь далеких от экономики?

Причин несколько. Во-первых, это изменения в системе истины и знаний (см.

выше). Для общества с чувственной культурой (и тем более рынка) характерны вера в прогресс и его ускорение, а также укоренившиеся представления о могуществе управления с помощью различных технологий, в том числе и социальных.

Различные виды маркетинга (экологический, образовательный, политический, социальный и т.д.) с присущими для них технологиями логично вписались в эту систему истины. Именно благодаря новым представлениям, в системе истины происходит процесс интеграции менеджмента и маркетинга. Цель этой интеграции в представлениях маркетологов и практиков – достижение гарантированной прибыли и результативности управления различными процессами: потребления, распределения, проектирования социальных отношений и социального обмена.

Глубинные причины флуктуации маркетинга – это не только изменения в системе истины и знаний, но и в системе этики. В течение двадцатого века с разной силой нарастал своеобразный протест против определенных ценностей в системе чувственной культуры и рынка, прежде всего в оценке социальных отношений с позиций прибыли, материально ощущаемой пользы и выгоды. Можно сказать, что протестные настроения также направлены против утилитаристского отношения к традиционным ценностям и так называемой целесообразности.

В современном обществе, в том числе и российском, ценности становятся относительными. Они имеют утилитаристский характер, а их соблюдение подчинено только текущим задачам. Для получения прибыли или достижения пользы очень часто игнорируются договорные, семейственные отношения, часто применяется принуждение и насилие. Утилитаризм характерен как для отношений между социальными группами, так и между странами.

Для стран Запада и США нарушение договоров, международных соглашений со стороны государств, нарушение обязательств, взятых на себя правительствами в процессе разных реформ, стало «нормой». При этом различные отступления от обязательств объясняются соображениями целесообразности. «Целесообразность – удобная вещь, которую можно применить к любой ситуации (совсем как гедонистический девиз: «Вино, женщины, песня»), но в

долгосрочной перспективе оно ведет к нигилизму и цинизму, к провозглашению, что все дозволено, если целесообразно, а в конечном счете – к отрицанию не только договорных обязательств, но и всякой обязанности, любого долга, всякой социальной и моральной ответственности, к вероломности договаривающихся сторон. При столь глубокой деморализации ничто, кроме грубой силы, не принимается в расчет: ни религия, ни мораль, ни иные сдерживающие факторы, принципы и ценности. Если у меня есть сила, чтобы заставить всех остальных выполнять мои условия, то, что может удержать меня от этого «целесообразного и выгодного шага?» [б, с. 588].

Часто подобные действия, связанные с обманом и принуждением, оправдываются как целесообразные. В данном случае мы видим, что социальные акты, которые ранее традиционно воспринимались как «запрещенные», многими рассматриваются как «дозволенно-должные». Такие анонии свидетельствуют о наличии тенденций разрушения шаткого равновесия между различными социальными группами и соответственно о возможности очередного кризиса в системах ценностей и отношений.

К сожалению, в современной России самый большой дефицит – это такие ценности, как доверие и честность. Ситуация, характерная для современного российского общества, объяснима с позиций социокультурной динамики. Поведение многих россиян определяет чувственная ментальность, сингуляристская и индивидуалистическая. Естественно, что в таком типе ментальности лиди-

руют такие ценности, как чувственные и материальные. Преобладают потребности чувственного и телесного характера, удовлетворение которых связано с удобствами, предметами роскоши и богатством. Чувственные люди склонны «ухватить» их у других силой или же путем выгодной сделки. «Здесь нет внутренних ограничений, сдерживающих применение силы как ultima ratio целесообразности. Здесь действуют принципы «каждый сам за себя» или же «каждая группа людей с одними и теми же интересами – сама за себя». Никакие абсолютные религиозные, нравственные или другие принципы не препятствуют применению силы, если оно возможно и целесообразно» [б, с. 593].

Но любое общество, в том числе и российское, имманентно стремится к предотвращению анархии, и естественно возникает конфликт между тем, что инстинктивно нравится, и прививаемыми правилами поведения, которые позволяют людям увеличивать свою численность и благосостояние.

В этом процессе поведение представителей власти имеет огромное значение. Каждый кризис, экономический и социальный, испытывает современную власть на прочность и ставит перед выбором: сохранить ли ей договорные отношения в различных социальных институтах, которые проходят период мучительного становления или применить принуждение и насилие для достижения необходимых целей. Естественно, что в таких условиях потребность в маркетинге и его различных видах исчезает.

1. Андреев С.Н. Маркетинг некоммерческих субъектов (теоретико-методологический аспект) : дис. ... д-ра экон. наук / С. Н. Андреев; Рос. гос. экон. акад. М., 2003. 374 с..

2. Лопатина Н.В. Социология маркетинга: учебное пособие. М.: 2005. 304 с.

3. Разработка маркетинговой стратегии кадровой политики государственной службы Свердловской области: Итоговый документ по научно-исследовательскому проекту. - Екатеринбург. - Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2004 г. 22 с.

4. Рассказова И.Н. Государствоведческий маркетинг-составляющая профессиональной компетентности государственных служащих : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 22.00.08 / И. Н. Рассказова ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М., 1999. 24 с.

5. Ремнева Н.С. Трансформация социального маркетинга в региональных системах образования: (на прим. Алтайского края): автореф. дис. канд. пед. наук / Н. С. Ремнева ; Алт. гос. ун-т. Барнаул, 1998. 18 с.

6. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Питирим Александрович Сорокин; пер. с англ., вст. Статьи и комментарии В.А. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

7. Чумак В.Г. Рынок образовательных услуг: социальный анализ состояния и перспектив развития : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 22.00.04 / Чумак В. Г. ; Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. М., 1999. 41 с.

8. Чунаков А.И. Социальный маркетинг в системе местного самоуправления: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград. 2007. 21 с.

9. Хайек Фридрих. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. Пер. с англ. М.: Изд-во «Новости». – 304 с.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕСУРСЫ ВЛИЯНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 323.396

Н.П. ГРИЦЕНКО

Объем ресурсов региональных политических элит в постсоветской России постоянно меняется. Эти изменения приводят к качественно новой роли данных акторов политического процесса в их взаимодействии с федеральными элитами. В данной статье проводится сравнительный анализ ресурсов, которыми обладали региональные политические элиты в 1990-е и в 2000-е гг., с целью выяснить насколько изменилось влияние данных элит внутри регионов и на уровне федерации в целом.

Региональная политическая элита – это социальная группа, являющаяся субъектом подготовки и принятия политических решений на уровне субъектов федерации. Элиты создают нормы, по которым вынуждены жить все слои общества. Поскольку региональные элиты не могут обладать суверенной властью, они соподчинены элитам общегосударственным и согласуют с ними свой курс [9, с. 71-78].

При проведении анализа субъектов российской политики регионального уровня целесообразно применять именно понятие «региональные политические элиты», а не «элита». Состав и способы функционирования элит в отдельно взятых регионах говорят о сложном конгломерате сегментов, групп интересов, а не о жестко интегрированной политической структуре. Термин «региональные политические элиты» (во множественном числе) расширяет возможности сравнительного анализа, открывает путь выяснения многоуровневого строения элит. Он лучше отражает изменчивые взаимодействия между сегментными элитными группами, чем элита как неделимое целое [10, с. 37].

Борьба за ресурсы выступает необходимым элементом процесса институционализации региональных политических элит. Ввиду ограниченности ресурсов оказываются востребованными специальные действия, ведущие к контролю за этими ресурсами [2, с. 18]. Возникающее соци-

альное расслоение на основе разницы в доступе к ресурсам создает необходимые демаркационные линии. Понятие «ресурсы власти» отождествляется с набором материальных и нематериальных средств, которыми обладают носители власти и которые обеспечивают им преимущества над другими социальными акторами. Выделяют административные, политические, экономические и информационные ресурсы [5, с. 119].

К административным ресурсам относятся прописанные в конституциях, уставах и законах субъектов Российской Федерации полномочия региональной власти, а также неформальные права, которыми обладают отдельные руководители.

В частности, в 90-е гг. XX в. многие губернаторы рассматривали региональные отделения федеральных структур как часть системы местной власти, а сами эти органы подчинялись им. В сфере административных ресурсов реформы 2000-х гг. в наибольшей степени затронули именно взаимоотношения между главой субъекта РФ и руководством региональных отделений федеральных органов власти.

Административные ресурсы влияния используются и для выстраивания взаимоотношений внутри региональных элит. Р.Ф. Туровский, анализируя такие ресурсы, выделил следующие неформальные технологии контроля глав субъектов федерации над парламентами регионов, актуальные и на сегодняшний день [12, с. 70-71]:

- формирование состава депутатов путем давления на избирателей (особенно в сельских окраинах и в мажоритарных округах);
- влияние на избрание председателя парламента – «губернаторской тени», зависимого члена «команды»;
- текущий контроль главы региона над работой парламента: подбор и лоббирование состава заместителей спикера, глав комитетов, сотрудников аппарата.

К этому перечню следует добавить законодательную инициативу администраций и их глав. Во многих регионах именно исполнительная власть стала основным разработчиком законодательных актов.

К политическим ресурсам влияния региональных элит относят: представительство в органах федеральной власти и способность влиять на решения федерального центра; контроль над принятием решений регионального уровня; обладание консолидированной политической поддержкой в регионе [6, с. 160].

Объем политических ресурсов региональных политических элит значительно изменился с момента реализации новой стратегии взаимодействия с регионами, которую стала осуществлять администрация В.В. Путина. Новая политика федерального центра предусматривала выстраивание более эффективной, с точки зрения центральных властей, системы управления и сосредоточение в своих руках административных, экономических, политических и иных ресурсов. Она была несовместима с сохранением влиятельных и самодостаточных элит регионов и предполагала коренной пересмотр их места и статуса в системе политической власти.

Прежде всего корректировке была подвергнута система взаимоотношений федеральной власти и регионов. Восемьдесят девять российских регионов были объединены в семь федеральных округов: Центральный (17 субъектов), Северо-Западный (11 субъектов), Северо-Кавказский, переименованный вскоре в Южный (13 субъектов), Приволжский (15 субъектов), Уральский (6 субъектов), Сибирский (16 субъектов), Дальневосточный (10 субъектов). Полномочные представители Президента в округах были призваны осуществлять контроль за региональными отделениями федеральных органов власти. Новые законы в целом укрепляли «властную вертикаль» и сужали рамки деятельности региональных элит. Президентский указ № 849 от 13.05.2000 г. [14] ввел не просто новый элемент в политическую систему, но осуществил переход от двухуровневой системы управления к трехуровневой.

В августе 2000 г. был изменен порядок формирования высшей палаты российского парламента. Главы исполнитель-

ной и представительной власти регионов должны были покинуть Совет Федерации. Новая верхняя палата формировалась из назначенных на этот пост чиновников, из исполнительной власти и избранных парламентами регионов представителей. Вводился институт «федерального вмешательства», позволявший президенту отрешать от должности глав регионов [см.: 1]. Если раньше взаимодействие центра с регионами происходило при непосредственном контакте чиновников с губернаторами, ежемесячно съезжавшимися в Москву на заседания Совета Федерации, то теперь между «федералами» и «регионалами» появилась новая управленческая прослойка – полпреды.

Губернаторы теперь не имели официальной площадки, где они могли бы регулярно собираться вместе для обсуждения актуальных проблем и выработки согласованных подходов. Сложившееся в последние годы президентства Б.Н. Ельцина деление регионов на межрегиональные «ассоциации», которое в конце 1990-х гг. играло все более заметную роль, было проигнорировано, что способствовало разрушению установившихся между губернаторами связей. Коалиция сенаторов, представлявших регионы-доноры, которая пыталась ставить условия федеральному центру была рассеяна. Губернаторы не только лишились возможности согласованно выработать решения и оказывать давление на центр, но и возможности апеллировать лично к президенту. Теперь они должны были решать все возникающие вопросы с полпредами и их аппаратом. Федеральные инспектора приобрели больше полномочий, нежели бывшие представители президента, и стали действовать более активно, ощущая уверенность в поддержке их действий федеральными структурами.

Создание Госсовета РФ – нового «совещательного органа, содействующего реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти» [13], – было призвано хотя бы отчасти восстановить баланс сил, продемонстрировав губернаторам, что федеральный центр не намерен полностью вытеснить их

с поля общероссийской политики. Потеряв позиции в Совете Федерации, региональные лидеры вновь получили возможность лично встречаться с президентом страны, пусть и на «совещательной основе».

Помимо глав исполнительной власти субъектов федерации, в результате реформ изменилась и роль в политическом процессе партий, и их региональных отделений. На укрепление партий и усиление их роли в политическом процессе был нацелен ряд последовательных инноваций: теперь только партии могут самостоятельно выдвигать кандидатов (и их списки) в депутаты и на иные выборные должности в федеральных органах государственной власти РФ. Усиление роли партийных элит в региональном политическом процессе продолжится и в будущем. Так, в своем Послании Федеральному Собранию Президент РФ Д.А. Медведев указал: «Считаю возможным, чтобы предложения по кандидатурам будущих руководителей исполнительной власти субъектов Федерации представлялись Президенту только партиями, набравшими наибольшее число голосов на региональных выборах. И, стало быть, больше никем. Таким образом, исключительное право выдвижения соответствующих кандидатур будет закреплено за публичными, открытыми политическими структурами, представляющими основную часть населения страны» [8].

В целом, политические ресурсы региональных политических элит с началом проведения реформ 2000-х гг. были в значительной степени ослаблены. Это относится прежде всего к возможности региональных элит участвовать в выработке общероссийской политики. Региональные руководители утрачивают монопольную роль в деле формирования политического пространства регионов. Более активно в этой сфере выступают федеральные политические элиты. Они во многом определяют, кто будет главой субъекта федерации, какую стратегию в отношении федерального центра он будет реализовывать. Выборы в законодательные собрания по смешанной системе, в свою очередь, также усиливают плюрализм акторов регионального политического процесса. Но, даже если региональные элиты и утратили прежний политический вес, статус влиятельных внутрирегиональных политических субъектов за ними сохраняется.

К информационным ресурсам региональных политических элит можно отнести: контроль исполнительной власти над ведущими СМИ, создающий монополию в информационной среде региона; создание региональных идеологий, как обоснования власти; влияние на образовательную сферу региона (среднее и высшее образование); использование влияния преобладающих религий; деятельность аналитических подразделений властных органов и лояльных власти исследователей и др.

Пресса на региональном уровне представляет собой группу, которая потенциально обладает стратегическими ресурсами влияния на политический процесс. СМИ и журналисты, существуя в региональном пространстве, находятся в постоянной конкуренции не только друг с другом, но и с представителями властного поля. Многие зарубежные исследователи обращают внимание на конкуренцию, которая существует между властью и журналистами. Эту конкуренцию они считают неизбежной и объясняют целями сторон, различными и несовместимыми. «Журналисты добывают информацию, в то время как бюрократы вовсе не желают ею делиться. Другое объяснение состоит в том, что общество не слишком доверяет своим избранным и назначенным “слугам”, и именно пресса заставляет власти отчитываться перед согражданами в своих действиях» [15, с. 121].

Региональная власть, как и власть на любом другом уровне, обладает не только экономическими рычагами принуждения СМИ, но и иными ресурсами. Власть, обладая монополией на легитимную информацию, в частности на информацию из официальных источников, манипулируют информацией и агентами. Одним из проявлений «информационного давления» властей на журналистов и СМИ являются практики предоставления официальной информации. В данном случае информация рассматривается как ресурс государственной власти.

В 1990-е гг. в регионах России власти часто отказывались предоставлять информацию по тем журналистским запросам, в которых содержались просьбы дать «неудобные» сведения о представителях и структурах системы региональной власти.

В первую очередь, это касалось сокрытия властями сведений о заработной плате руководства регионов, которые по своей сути, не являются государственной тайной и должны по существующему закону предоставляться журналистам.

Помимо сокрытия региональными властями различной информации от СМИ, в регионах существуют неформальные методы давления на неудобную прессу, среди которых получил распространение метод экономического давления. В качестве механизма влияния на средства массовой информации используется система договоров на информационное обслуживание, которые позволяют властям регулировать отношения с редакциями посредством налоговых льгот, разовых выплат на приобретение автомобилей или техники, проведение юбилеев изданий и т.д.

Однако, несмотря на это, у большинства журналистов преобладают представления, согласно которым власти не могут полностью скрыть имеющуюся у них информацию. Журналисты обладают ресурсами (профессиональными, социальными), обеспечивающими доступ к необходимой информации. А с внедрением в СМИ новых технологий у журналистов появляются дополнительные источники информации, позволяющие им профессионально выстраивать событийные ряды [3, с. 129].

Необходимо различать главные действующие сообщества, гипотетически влияющие на процесс функционирования региональных СМИ. Эти субъекты информационной власти предстают как конкурирующие группы, имеющие собственные интересы, ресурсы, идеологии. Они представлены элитным сообществом региона, особенно политическим и экономическим сегментами, которые различаются по позиционному критерию. Наиболее сильными позициями в региональном информационном поле, в силу ресурсной составляющей, обладают, как правило, крупные компании, которым принадлежат не только отдельные печатные издания, но и местное радио, телевидение.

Важным является активное вхождение рекламы в повседневные практики журналистов. С одной стороны, реклама выполняет экономическую функцию, способствуя преуспеваю одних печатных изданий и выживанию других. С другой, многие пе-

чатные издания, предоставляя газетные полосы крупным рекламодателям, попадают в экономическую зависимость от них. Это, в свою очередь, снижает профессиональные возможности представителей журналистского сообщества как производителей символической продукции. Реклама в местных печатных СМИ часто является скрытой спонсорской помощью экономических и политических агентов региона.

В области информационных ресурсов региональные политические элиты постепенно теряют позиции монополиста на медийном рынке. Состояние информационного пространства отражает общую политическую ситуацию. В регионах, где сохраняется политическая стабильность и отсутствует жесткое противостояние политических сил и центров власти, информационное пространство не поляризовано. В тех же регионах, где есть острое политическое противостояние, нарастает политическая конкуренция, информационное пространство резко поляризуется и становится конфликтным. СМИ в регионах представляют собой дифференцированное поле, где уместно различать не только слабые и сильные печатные издания, но и те, которые социально дистанцируются от власти либо, наоборот, намеренно приближаются к ней и оказываются в зависимости от представителей региональной политической элиты. Более того, процесс взаимодействия власти и СМИ показывает, что активными участниками этого процесса оказываются представители не только власти и СМИ, но и силовых, этнических, экономических, образовательных структур.

Экономические ресурсы региональных политических элит определяются экономическим потенциалом региона, а также степенью контроля, установленного властью над экономикой того или иного субъекта федерации. В 90-е годы в условиях децентрализации и формирования рыночной экономики в России началось крупномасштабное перераспределение экономических ресурсов. Наиболее привлекательные ресурсы закреплялись за самыми влиятельными субъектами политического процесса. В условиях правового вакуума и отсутствия контроля со стороны федерального центра, ресурсы часто закреплялись не за институтами, а за отдельными фигурами власти. Генетическая

связь российского бизнеса с политической элитой уходит корнями к рубежу 80-90-х гг., «комсомольской экономике», приватизации, залоговым аукционам. «Российская олигархия вышла из недр старого политического класса – номенклатуры», – пишет О. Крыштановская [4, с. 332].

Однако по мере институционализации политической системы и формализации отношений между акторами в этой сфере наметились серьезные сдвиги. Во-первых, ресурсы утрачивают персонализированный характер и закрепляются за институтами. Во-вторых, активно ведет себя федеральная власть, стремящаяся восстановить контроль за утраченными ресурсами. В-третьих, все более ошутим интерес к ним со стороны внешних по отношению к региону субъектов.

Политика 2000-х гг., направленная на выстраивание «вертикали власти», на централизацию властных ресурсов и связанных с ними полномочий, привела к тому, что влияние региональных политических элит на экономическую сферу несколько снизилось. В такой ситуации крупному бизнесу становятся более интересны политические решения, принимаемые на федеральном уровне: региональный уровень бюрократических согласований ей не так необходим (по крайней мере, на уровне стратегических решений). В этом плане для российских регионов справедлива тенденция, отмеченная Р.Ф. Туровским: важность (окупаемость) региональных политических инвестиций для крупного бизнеса снизилась, поскольку ключевые вопросы все в большей степени решаются на федеральном уровне [11, с. 160-169].

Обладая серьезными ресурсами влияния, региональные политические элиты продемонстрировали высокую степень адаптированности к местным выборам. В этой ситуации столичной компании экономически выгоднее добиться уступок от действующей власти, чем тратить большой объем ресурсов на ее смену. Реальный интерес представляют скорее действительно крупные, ключевые для определенной компании регионы, в которых находятся самые прибыльные активы. Наличие дружественного губернатора, депутатов регионального парламента в таком регионе является для крупной компании одной из форм страхования рисков. Однако в каждом кон-

кретном случае компания решает, стоит ли вообще тратить средства на выборы.

Постепенный переход власти из рук советской партийно-хозяйственной номенклатуры в руки постсоветской деловой элиты является важнейшей инновационной тенденцией с точки зрения структуры региональной элиты. Самым очевидным образом она проявляется в случае победы на выборах непосредственного представителя той или иной корпорации. Данные тенденции особенно ярко проявляются на местном уровне, особенно в городских администрациях, где вопросы власти решаются проще, а контроль федерального центра минимален. Градообразующие предприятия и местные бизнесмены сплошь и рядом играют определяющую роль в локальной политике. Появляется все больше мэров – выходцев из бизнеса или ставленников крупных предприятий и компаний [11, с. 148-153]. Они приходят на смену «традиционным» мэрам – выходцам из горисполкомов.

Сегодня «административное предпринимательство» на региональном уровне по-прежнему является довольно распространенным явлением; чиновники и политики независимо от занимаемой должности используют свои властные позиции для продвижения своего бизнеса [7, с. 64]. С этой целью часть предпринимателей стремится попасть в государственные структуры, в том числе регионального уровня. Тем самым, часть региональной политической элиты одновременно представлена и в элите деловой. При этом доминирующее положение в современном российском региональном пространстве занимает политическая элита, поскольку именно принадлежность к данной группе часто является важным фактором успешного бизнеса.

Обладание экономическими ресурсами усиливает властные возможности региональной политической элиты, а «двойная идентичность» может способствовать более устойчивому взаимодействию между двумя группами. Пересечение бизнеса и власти не подрывает потенциала влияния политических элит, а усиливает его, свидетельствуя о привилегированном положении данной социальной группы в российском обществе, которая достигается, в том числе и с помощью воспроизводства условий для успешного совмещения и эф-

фективного использования административных и коммерческих возможностей.

Политическая сфера и деятельность бизнеса в регионах, конечно же, пересекаются друг с другом. Однако прямой контроль региональной власти бизнесом (или, наоборот, местного бизнеса региональной властью) на самом деле является редким случаем и скорее исключением, чем правилом. Бизнес и региональная власть в значительной степени развиваются независимо друг от друга, и для бизнеса сегодня гораздо важнее отношения с федеральной властью и федеральными структурами на местах. Хотя, конечно, определенные административные рычаги у губернаторов и мэров остаются, равно как остается потребность компаний в формировании более благоприятной политической среды в ключевых регионах своего присутствия (в логике страхования рисков и снижения издержек).

Таким образом, сказанное позволяет сделать следующие выводы. В 1990-х гг. ресурсы региональных политических элит были таковы, что другие общественные институты, группы в регионе и даже на уровне федеральной власти не могли предъявлять им свои требования с позиции силы. Роль региональных элит в по-

литическом процессе в этот период была сопоставима с политическим весом федеральных политиков, что создавало реальную угрозу единству страны.

Реформы 2000-х гг. серьезно изменили соотношение ресурсов политических элит федерального и регионального уровней. Ресурсная база региональных политических элит все более ограничивается внутрирегиональным «полем». Приоритетным становится ресурс лояльного взаимодействия губернатора с Президентом РФ и структурами исполнительной власти. В то же время регионы серьезно различаются по уровню экономического развития, составу населения, природно-климатическим условиям, политической культуре, авторитету своих официальных лидеров, поэтому федеральному центру выгодно сохранять определенный уровень влияния региональных элит как амортизатора местных проблем.

В целом, плюрализм акторов, действующих в политическом пространстве регионов, возрастает. Как следствие, возрастает конкуренция за ресурсы между различными группами элиты, с чем региональный руководитель не может не считаться в процессе выбора направлений политического и экономического развития региона.

1. Барциц И.Н. Институт федерального вмешательства: потребность в разработке и система мер // Государство и право. 2001. № 5. С. 21-30.
2. Гаман-Голутвина О.В. Российские элиты в зеркале политической науки // Pro nunc: Современные политические процессы. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. Вып. 8. С. 10-37.
3. Колесник Н.В. Медиа и власть в современной России: исследование взаимодействия в регионе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. № 4. С. 116-134.
4. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
5. Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе. Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004.
6. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М.: ИНИОН, 1999.
7. Ледяев В.Г. Административный класс как субъект политического господства в современной России // Pro nunc: Современные политические процессы. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. Вып. 8. С. 40-66.
8. Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. // http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml
9. Пляйс Я.А. Политическая элита России: тенденция развития и современные особенности: Аналитический обзор. Ростов-н/Д.: Изд-во СКАГС, 2004.
10. Поляков А.В. Региональная политическая элита как субъект политического процесса (по материалам Краснодарского края). Дис. ... канд. полит. наук. Армавир, 2004.
11. Туровский Р.Ф. Власть и бизнес в регионах России: современные процессы обновления региональной элиты // Региональная элита в современной России. М., 2005. С. 143-178.
12. Туровский Р.Ф. Губернаторы и олигархи: история взаимоотношений // Полития. 2001. № 5 (23). С. 120-139.
13. Указ Президента Российской Федерации от 01.09.2000 г. № 1602 «О Государственном совете Российской Федерации» // <http://www.rg.ru/oficial/doc/ykazi/602.shtml>
14. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // <http://www.rg.ru/oficial/doc/ykazi/849.htm>
15. Шулте Г. Конфликты между властью и журналистами // Проблемы Восточной Европы. 1996. № 45-46. С. 116-124.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ЮГА РОССИИ (КОНКРЕТНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)*

УДК 323.3:316.3 **В.В. РУДОЙ, А.В. ПОНЕДЕЛКОВ, А.М. СТАРОСТИН, В.Д. ЛЫСЕНКО**

Социологической службой Северо-Кавказской академии государственной службы в октябре-ноябре 2009 года проведен опрос 673 экспертов, представляющих административно-политическую элиту, 402 экспертов, представляющих бизнес-элилу, элиту силовых структур и хозяйственно-государственную элиту (далее по тексту – «другие элиты») в субъектах Федерации на территории Южного Федерального округа (аналогичный опрос проводился в июле 2007 года). В Челябинской области в эти же сроки – октябрь 2009 года – также был произведен аналогичный опрос, что позволяет в совокупности увидеть определенные тенденции функционирования элит.

Анализ социального объекта начинается, как правило, с оценки людьми состояния объекта. Можно зафиксировать, что российская элита данного региона достаточно критично воспринимает собственный статус в обществе.

На вопрос «В суждениях ряда экспертов, высказывается мысль, что российские региональные элиты не вполне соответствуют (или совсем не соответствуют) качественным критериям и требованиям, предъявляемым к элитному слою. Разделяете ли Вы эту точку зрения?» были получены следующие ответы (в процентах от числа опрошенных):

	Субъекты ЮФО			Челябинск
	Адм.-пол. 2009	Другие 2009	Адм.-пол. 2007	Адм.-пол. 2009
Да	42,73	57,25	53,13	58,30
Нет	39,73	25,00	27,08	20,80
Затрудняюсь ответить	17,54	17,75	19,79	20,90

Как видно, почти половина экспертов признает противоречивое положение элиты, стоящей перед необходимостью управлять социально-политическими процессами и одновременно совершенствовать собственные качества. «Рейтинг» недостатков в деятельности административно-политической элиты выглядит так:

недостаточный профессионализм	20,07%
коррупционированность	16,79%
подбор по родственным и приятельским признакам	12,30%
игнорирование интересов населения	9,79%

По существу, во второй и третьей строках зафиксированы тяжелые девиации, в четвертой – острая дисфункция, а в первой – отражен комплексный показатель деятельности всей системы государственного управления. Все три типа недостатков взаимосвязаны. Попытки «устранить» отдельную причину, скорее всего, будут обречены на системную неудачу (В Федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)» в качестве одного из основных направлений определено формирование государственной службы как целостного государственно-правового института, что предполагает, фактически, преодоление вышеназванных недостатков).

Ранее нами высказывалось предположение, что современная российская элита может быть охарактеризована как протоэлитное образование. Поскольку, ни состав, ни стиль управленческой де-

* Социологическое дополнение к статье «Социологический профиль региональных политических элит Юга России», опубликованной в журнале «Социум и власть». № 4. 2009. С. 65-68.

тельности, ни их легитимность не только, являются устоявшимися, девиантные формы проявления встречаются часто, что, в принципе, характеризует, скорее, маргинальные слои, нежели привилегированные. Пути и механизмы коррекции состава и деятельности элит в основном известны, но зачастую блокируются влиятельными элитными группами.

В этом плане характерно, что на вопрос «*Каким, на Ваш взгляд, может быть механизм воспроизводства региональной элиты?*», получены следующие ответы (в процентах от числа опрошенных)*:

	Субъекты ЮФО		Челябинск
	Адм.-пол. 2009	Другие 2009	Адм.-пол. 2009
Ротация кадров	42,60	25,13	32,6
Эффективное использование резерва	34,20	35,43	32,6
Активное вовлечение в управление представителей бизнес-элиты, научной элиты и средств массовой информации	9,62	20,85	37,0
Подготовка будущей элиты в специализированных высших учебных заведениях	12,82	17,09	17,4
Другое	0,76	1,51	4,3

И здесь резким диссонансом предстает мнение чиновников южнороссийских регионов о возможностях привлечения в системы управления представителей других элитных групп, тогда как вопросу эффективности использования резерва достигнуто практически полное совпадение. Полагаем, что проблема воспроизводства элит иногда трактуется слишком прямолинейно, как воспроизводство «того, что есть». Очевидно, что под воспроизводством в данном случае понимается развитие и совершенствование элит, сохранение и приумножение ее лучших качеств (в научной литературе, в практической деятельности все чаще и чаще поднимается вопрос о социальной и политической ответственности элит. Об этом говорил и Президент РФ Д.А. Медведев в Послании Федеральному Собранию 12 ноября 2009 года). Кадровые перестановки, осуществлявшиеся на протяжении всего года, лишь подтверждают эту важнейшую задачу. И сами представители элиты понимают это.

Показательны ответы на вопрос: *Как Вы считаете, присуща ли региональной элите политическая ответственность?* (в процентах от числа опрошенных):

	Субъекты ЮФО		Челябинск
	Адм.-пол. 2009	Другие 2009	Адм.-пол. 2009
Да, присуща	22,60	13,07	12,5
Некоторым представителям элиты, действительно, присуща	44,61	46,98	47,9
Сомневаюсь в этом	17,66	23,12	16,7
Присуща, скорее, политическая безответственность	9,88	10,80	14,6
Затрудняюсь ответить	5,24	6,03	8,3

Одним из возможных направлений усиления ответственности элиты является совершенствование ее взаимодействия с аппаратом государственного управления. Выскажем здесь свое видение форм подобного взаимодействия.

Представители элитного административно-политического слоя оказывают влияние на аппарат органов государственного управления следующим образом:

- определяя структуру, функции, основные направления и приоритеты в деятельности администрации (целеполагание);
- определяя личный состав своего ближайшего окружения, а также влияя через конкурсы, аттестацию, экзамены на отбор, назначение и карьеру чиновников (кадровое обеспечение);
- контролируя аппарат, определяя дисциплинарную политику, отслеживая качество и результативность деятельности аппарата (демократический механизм);
- обеспечивая (в определенных пределах) целостность государственной службы, что может определять отношение населения к власти (легитимизация).

Элитный слой, даже будучи относительно самостоятельным, не может существовать и функционировать без околоэлитного окружения, в силу чего все виды элиты не дистанцируются от чиновничества, что также фиксируется как определенная тенденция.

Обратим внимание на источники формирования состава элит и их управ-

* Респонденты в Челябинске могли указать несколько вариантов ответов, поэтому сумма результатов по каждому вопросу превышает 100%

ленческий опыт. Произошло обновление региональных элит. От рычагов управления постепенно уходит основная ее страта, получившая первичный управленческий опыт в партийно-советской системе. Она замещается людьми, получившими опыт в структурах современной администрации (13,96%).

Данная ситуация рассмотрена нами достаточно подробно в основной статье.

Наметилась тенденция увеличения численности административно-политической элиты, имеющей базовое гуманитарное образование. Впервые за 15 лет в социальных опросах зафиксировано превышение числа гуманитариев над работниками с техническим образованием (39,66% против 23,21%), 15,12% имеют высшее образование по специальности «Государственное и муниципальное управление». Полагаем, численность этих специалистов будет расти, а академии государственной службы примут в этом самое непосредственное участие.

Произошли подвижки в представлениях о ценностно-идеологической направленности современной региональной элиты. Практически осталось неизменным предпочтение «руководителей-прагматиков» (36% против 35%, 15 лет назад). Упали рейтинги «либералов» (с 25% до 10%). Изменились факторы, определяющие прочность пребывания в элите. Если 15 лет назад лидерство принадлежало умелой микросоциальной и макросоциальной ориентации, то сегодня на ведущих позициях – лояльность и профессионализм. Региональные элиты становятся менее гетерогенными по своим политико-идеологическим ориентирам, более четко идентифицируют свои интересы в системе государственных це-

лей, более подготовлены к современному публичному политическому дискурсу. В ближайшей перспективе можно ожидать рекрутирования представителей бизнеса, имеющих опыт государственного управления, в состав административно-политической элиты. Данное предположение, безусловно, повышает значение принципов служебного поведения, поскольку они очень различаются у бизнесменов и чиновников. Большое значение в этой связи имеет мнение элиты о том, кто может на нее воздействовать.

Кто, на Ваш взгляд, сегодня способен наиболее эффективно воздействовать на поведение элитных групп (дать не более 3-х вариантов ответа)? (в процентах от числа опрошенных):

	Субъекты ЮФО	
	Адм.-пол. 2009	Адм.-пол. 2009
Государственные органы власти	29,90	72,3
Силловые ведомства	22,93	40,4
Независимые организации	4,60	8,5
Политически партии и общественные организации	13,38	23,4
Предпринимательские круги	8,36	34,0
Религиозные организации	4,95	2,1
Средства массовой информации	14,91	34,0
Другие	0,98	2,1

Данная таблица наглядно демонстрирует разное отношение к этой проблеме в регионах России. Настораживает мнение элиты о воздействии силовых ведомств; разочаровывает оценка элитой возможностей независимых организаций.

Надо полагать, что в совершенствовании форм контроля со стороны граждан за соблюдением чиновниками принципов служебного поведения, заложены принципы и механизмы взаимодействия власти и населения в ближайшей и дальней перспективе.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ И СОСТАВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА ФРАНЦУЗОВ 1804 г.

УДК 34 (09)

Р.С. ТАРАБОРИН, Ю.В. ТАРАБОРИНА

В конце XVIII – первой половине XIX вв. во многих странах, в том числе в России, прошла систематизация законодательства. Формирование новых правовых актов и их повсеместное применение заложили основу развития законодательства, юридической науки и практики на очень продолжительное время. Поскольку систематизация законодательства проходила во время отказа от феодальных средневековых порядков и установления нового социально-экономического строя, особое внимание общественности и законодателей было направлено в сторону гражданского права. Одним из первых кодексов, вобравших лучшие достижения юридической мысли и оказавших огромное влияние на дальнейшую систематизацию и развитие права европейских государств, является Гражданский кодекс французов (Кодекс Наполеона) 1804 года.

Единичные попытки унификации гражданского права во Франции предпринимались еще в средние века. Законодательская работа оживилась в связи с революционными событиями, политическими и социальными изменениями конца XVIII в. Но ни один из предложенных за последнее десятилетие XVIII в. проектов гражданского уложения не получил законодательного утверждения.

Кодификационные работы были возобновлены и поставлены в нужное русло благодаря особому вниманию к вопросу первого консула Наполеона Бонапарта, который получил власть в результате переворота 9 ноября 1799 г. Составление гражданского кодекса Наполеон видел одной из важнейших задач и считал делом личной чести.

Согласно конституции 1799 г., исполнительная власть принадлежала трем консулам, из которых приоритетное значение имел один, первый консул, которым стал Бонапарт [8, Р. 109]. Имея право иници-

ативы, консулы Бонапарт, Камбасерес и Лебрэнь 24 термидора VIII г. (12 августа 1800 г.) издали приказ, по которому особой комиссией поручалось выработать проект Гражданского свода. Выбор состава комиссии зависел от первого консула. Все ее члены были люди глубоких знаний и умудренные опытом, к тому же они представляли соединение самых разнообразных научных направлений и взглядов. Почти все они были склонны отстаивать юридические традиции Франции.

Инициировав составление кодекса, Наполеон не переставал участвовать в его судьбе, участвовал в заседаниях редакционной комиссии и торопил ход работ, оставаясь одной из самых заметных фигур «процесса кристаллизации французского права». Наполеон принимал непосредственное участие в работе над проектом.

Политические события, предшествовавшие изданию кодекса, способствовали быстрому ходу работ, а социальное спокойствие, наступившее во Франции с первых же дней XIX в., создало благоприятные условия для завершения кодификации. Уже в феврале 1801 г. комиссия заканчивает свою работу [7, Р. 13], и проект рассылается на заключение в кассационный и апелляционный суды. В июне 1801 г. проект вместе с замечаниями судов поступил на обсуждение государственного совета.

Бонапарт считал необходимым лично принимать участие в обсуждениях проекта в государственном совете. Кроме того, он желал доказать недовольным критикам, скептически относившимся к военному правительству, что он также хорошо видит толк в гражданских законах, как и в военных регламентах. В государственном совете Наполеон руководил прениями, делал поправки и замечания на проект, вступал в рассуждения по правовым вопросам.

Но принятие кодекса было не менее трудной задачей, чем его составление. При

рассмотрении первые же титулы кодекса были отвергнуты трибуналом, которому не понравились как новые передовые правовые взгляды, так и пристрастие составителей к римскому праву. В целом трибунал не желал тормозить продвижение кодекса, а, напротив, понимал важность этой задачи. По всей видимости, не смотря на это, оппозиция в трибунате имела враждебное отношение лично к Наполеону. Бонапарт, вступив в борьбу с трибуналом, был вынужден 3 января 1802 г. снять кодекс с рассмотрения.

Вскоре, по его предложению, сенат сократил число членов трибунала до пятидесяти, что дало Наполеону возможность исключить из него наиболее ярких противников отдельных положений кодекса. И уже 9 сентября 1802 г. обсуждение проекта снова продолжилось. Проект гражданского кодекса по разделам, последовательно был снова внесен в законодательный корпус. В течение 1802 – 1803 гг. все 36 разделов кодекса рассматривались в законодательном порядке и приобретали силу закона. 21 марта 1804 г. они были изданы вместе с непрерывной нумерацией под названием «Code civil des francais». А в 1807 г. кодекс получил название «Code Napoleon».

В литературе многократно обсуждался вопрос о роли Наполеона в составлении кодекса. Большинство отечественных и зарубежных авторов сходятся во мнении, что «... успешностью работ французы обязаны энергичному вмешательству первого консула, сломившего последние проявления республиканской оппозиции, или скорее обструкции, в трибунате и обеспечившего своим личным руководством и надзором завершение предпринятого труда» [1, с. 8].

Основным источником сведений о деятельности Наполеона в области гражданского права являются протоколы государственного совета, составленные при обсуждении и редактировании проекта гражданского кодекса, а также корреспонденция первого консула и императора, беседы Наполеона, записанные на острове св. Елены Лас-Казом, мемуары и записки современников [6, Р. 142].

Идея о ведении протоколов заседаний государственного совета принадлежит

самому Наполеону [3, с. 12]. В них в хронологической последовательности содержатся мнения и высказывания самого Бонапарта и других членов законодательного собрания. Кроме того, он настоял, чтобы для всеобщего осведомления протоколы печатались в ежедневной правительственной газете "Moniteur Universel". Перед опубликованием, материалы проходили редактирование известного ученого второго консула Камбасереса.

По подсчету А.Е. Blanc [4, Р. 171], из 102 заседаний, посвященных рассмотрению кодекса, первый консул принимал участие в 57, и основная часть его рассуждений касается первой книги.

Исследователи пытаются объяснить живое и непосредственное участие Наполеона в подготовке и обсуждении проекта кодекса. Приводятся данные о том, что Бонапарт изучил некоторые сочинения и ознакомился с материалами существующего законодательства. Да и вообще, он отличался начитанностью и широким кругозором. Известно, что в молодости он усердно изучал общественные и исторические науки. Причина успехов Бонапарта на законодательном поприще кроется не в какой-то особой подготовке, а в «... силе и могуществе его удивительного гения, умевшего с помощью немногих данных, сам из себя, произвести то, что другим людям дается систематическим трудом. Истинную юридическую школу Бонапарта составляют его природные дарования и широкий жизненный путь» [3, с. 16]. Об этом свидетельствуют его биографические данные. В аттестате, выданном Бонапарту из Парижской военной школы в 1785 г. записано: «сдержанный и прилежный, он предпочитает занятия всякому развлечению и находит удовольствие в чтении хороших авторов» [5, Р. 125]. В 1785-1786 гг. Наполеон изучает историю Корсики, сочинения Руссо и пишет записку: «Memoire sur l'education des jeunes Maniotes» [5, Р. 122]. В 1787 гг. он приступает к сочинению романа и исторической драмы «Le comte d'Essex», сказки «в духе Вольтера» «Le masque prophete» [5, с. 175]. В 1788 гг. Бонапарт всецело отдается чтению и составляет выписки и заметки по религиозным, экономическим и социальным вопросам. В этом же году появляется

план сочинения на тему: «Dissertation sur l'autorite royale» [5, P. 189]. В 1790 г. Наполеон заканчивает написание «Lettres sur l'histoire de Corse» и представляет сочинение для соискания премии Лионской академии «Quelles verites et quels sentiments importe t-il le plus d'inculquer aux homes pour leur bonheur» [5, P. 284]. В 1791 г. печатается его политическое послание «Lettre de Buonaparte a Buttafuoco» и делается ряд набросков, посвященных вопросам философии и права: «Dialogues sur l'amour» и «Reflexions sur l'etat de la nature» [5, P. 74]. В 1793 г. Бонапарт издает брошюру «Souper de Beaucaire», по поводу которой Jung замечает: «Все это не отличалось возвышенностью, но показывало, по крайней мере, что этот двадцатипятилетний офицер находился в курсе событий революции и что он схватывал их взаимную связь» [5, P. 355-372]. К 1795 г., когда Наполеон уже занимал ответственные военные посты, относится сочинение «Recueil sur l'histoire depuis le 9 Thermidor, an II, jusqu'au commencement de l'an IV», в котором автор анализирует причины смут и раздоров в тогдашней Франции [5, P. 37].

Несмотря на молодые годы, к тонкому уму Наполеона присоединялся невероятный опыт. Во время разгара революции, за неделю или месяц, переживалось больше, чем за целые годы. Обладая от природы удивительным даром приспособления и интриги, он до тонкости изоощрил эти качества в быстрой и капризной смене обстоятельств революционной эпохи [5, P. 278], а его дарования позволяли ему быстро занимать высокое положение: в двадцать пять лет он был бригадным генералом в Тулоне, в двадцать шесть – уже играет видную политическую роль в усмирении народного конвента и последовательно занимает ответственные посты: сначала помощника командующего внутренней армией, а потом командующего этой армией (commandant de l'armee de l'interieur). В 27 лет он уже командует итальянской армией и самостоятельно заключает договоры с ведущими европейскими державами. Еще, через год, командует восточной армией и выступает державным властелином Египта.

Исходя из вышесказанного, В.А. Юшкевич, полагал, что «никогда, быть может,

человек не был еще так хорошо приноровлен, по складу ума своего и характера, к пониманию права, как Бонапарт, приверженный к порядку и бережливый до крайностей, вечно занятый анализом причинностей и целесообразностей окружающих явлений человеческой жизни, глубокий психолог, богато одаренный способностью к точному отвлеченному мышлению, он должен был схватывать каждую юридическую идею на лету и безошибочно делать из нее бесконечный ряд выводов и применений» [3, с. 16]. Действительно, вся Франция, а за нею и беспристрастные судьи и в остальной Европе, отдали полную справедливость всесторонности дарований Бонапарта.

При обсуждении проекта гражданского кодекса, Наполеон был постоянно в курсе дела, умело ставил и разбирался в самых запутанных вопросах, делал содержательные и поучительные выводы. При этом он не ограничивался ролью руководителя работ, а выступал одним из редакторов кодекса, обращая внимание на сложные юридические вопросы и внося новые идеи. Его суждения отличались поразительным здравым смыслом и повелительностью могучей логики, выражения своеобразны и пластичны; юридические приемы мышления, терминология и юридическая техника не представляли для него затруднений. Наполеон достаточно свободно владел и оперировал юридическими понятиями и терминологией: недействительность, ничтожность, безвестное отсутствие, обман, принуждение, заблуждение, собственность, плодотворение, ипотека, контракт, обязательство и т.д. [3, с. 23]. При этом математические наклонности ума Бонапарта подсказывали ему ту точность выражения, которая необходима в языке юриста. Но искусство юриста состоит еще и в том, чтобы путем анализа встречающихся частных случаев, подводить их под общие нормы и, наоборот, путем анализа общих норм, определяет их отношение к частному случаю.

При оценке достоинств того или иного законодательства, Наполеон придавал большое значение истории и эмпирическому материалу, полагая, что «... знакомство с историей права требует такой эрудиции, такого знания фактов, которого не может

иметь ни прошедший систематической специальной школы полководец, ни государственный человек» [3, с. 20]. В ответном рескрипте государственному совету, после неудачного московского похода, он писал: «когда бываешь призван к делу возрождения государства, нужно постоянно исходить из противоположных начал: история изображает нам человеческое сердце, в истории нужно искать преимущества и неудобства законодательства» [3, с. 21]. Но особенно сильную сторону юридического таланта Наполеона составляет его цивилистическое мышление: проникая во внутренний смысл общественных отношений, он выводит основу гражданского законодательства. Бонапарт останавливается на тех принципах, которые наиболее соответствуют нуждам современной ему Франции, социально-экономическим задачам страны. Не имея юридического образования, при обсуждении некоторых правовых вопросов Наполеон компенсировал этот недостаток здравым смыслом. Он заставлял объяснять ему самые запутанные юридические вопросы, чтобы принимать участие в совещаниях государственного совета по рассмотрению проекта гражданского кодекса. Обращаясь к специалистам с вопросами: «Часто ли это бывает на практике?», «объясните мне то или иное положение» и, получив ответ, делал соответствующее заключение. Иногда житейский опыт вступал в противоречие с искусственными юридическими конструкциями (например, отказывался пони-

мать фикцию гражданской смерти). Свои взгляды он отстаивал с находчивостью, энергией и остроумием, как отличный диалектик и даже софист [3, с. 19]. При этом, однако, по мнению исследователя И.О. Кржижановского, «...личное влияние Наполеона, по причине недостатка в нем необходимых познаний относительно основных начал науки, влекло иногда за собой вредные последствия» [2, с. 12]. Но, должно быть, эти последствия с лихвой компенсировались активностью и настойчивостью в продвижении проекта кодекса.

Интерес Наполеона к праву и законодательству не пропал и после введения в действие гражданского кодекса. За время наполеоновского периода, была проделана важная законодательная работа, и помимо гражданского, созданы устав гражданского судопроизводства (1806 г.), торговый кодекс (1808 г.), устав уголовного судопроизводства (1809 г.) и уголовное уложение (1810 г.).

Таким образом, первое десятилетие XIX века во Франции можно считать периодом правовой реформы, охватившей все основные стороны юридического быта, а Наполеона Бонапарта – ее инициатором и главной движущей силой. Безусловно, своим появлением, гражданский кодекс больше всего обязан инициативности и законодательной работе самого Наполеона, явившегося его вдохновителем и непосредственным составителем.

1. Кассо Л.А. К столетию кодекса Наполеона. (1804-1904). СПб., 1904.

2. Кржижановский И.О. Взгляд на современное гражданское законодательство во Франции. СПб., 1858.

3. Юшкевич В.А. Наполеон I на поприще гражданского правоправления и законодательства. М., 1905.

4. Blank. Napoleon I, ses institutions civiles et administratives. Paris, 1885.

5. Jung. Bonaparte et son temps, II. Paris, 1889.

6. Memoires de Madame de Remusat I-III, y Calmann, Levy, Paris, 1893. Thibaudeau, Memoires sur le consulat.

7. Projet de Code civil présenté par la Commission nommé par le gouvernement le 24 thermidor An. VIII. A Paris chez Emery An. IX-1801.

8. Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire I. P, 1845.

АНТИКРИЗИСНАЯ СТРАТЕГИЯ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ РЕИНЖИНИРИНГА БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОГО ФИЛИАЛА ОАО «ЛУКОЙЛ-ИНТЕР-КАРД»)

УДК 330.45

Д.В. РУШАНИН

В трудных условиях экономического кризиса, актуальной и весьма востребованной для выживания любого предприятия, является разработка антикризисной стратегии реструктуризации на основе реинжиниринга бизнес-процессов. Надо признать, что реинжиниринг как методология и теоретический подход к формированию финансово-экономической устойчивости предприятий, всегда был актуален, независимо от причинно-следственной связи с внешним макроэкономическим окружением [1]. Но особенность современного этапа развития российской экономики заключается в том, что внешняя среда развития предприятий непосредственно порождает кризисные явления во внутренней среде их организации (например, за счет падения спроса на продукцию и значительного снижения цен в ситуации рецессии мирового производства).

Так, организация является одним из главных объектов регулярного и тем более антикризисного менеджмента, при этом структура предприятия формируется на трех уровнях существования организации: виртуальном (сверхчувственном, идеальном), формальном (структура, иерархия, правила порядка), реальном (группы людей, их контакты). Эти уровневые различия развития организации предприятия образуют в общем случае парадигму разработки любых стратегий антикризисного управления: 1. Реформирование осуществляется в отношении, главным образом, виртуального уровня. 2. Реструктуризация охватывает формальный уровень организации. 3. Реорганизация, объектом которой является групповое поведение людей, их отношения друг с другом. Так как любая организация предполагает управление и

взаимодействие индивидов и групп, то все три уровня, но в разной степени, вовлекаются в процесс стратегического управления предприятием.

Виртуальный уровень в широком смысле слова – это «этический мир» организации. Этика (корпоративная, профессиональная) относится к системе ценностей любого предприятия, которая рассматривается руководством в качестве основы его миссии и социальной ответственности. Формальный уровень организации составляют иерархия, разделение труда и его специализация, уровневая дифференциация частей, формализованные правила и процедуры, определяющие поведение персонала (среди них важнейшим является принцип единоначалия), управление как координация централизованных и децентрализованных уровней организационной структуры. Реальный уровень организации воплощается в ролях, статусах, руководстве, общении и конфликтах общения, а также в индивидуальном восприятии ценностей организации, особенностях мотивации и личностных особенностях персонала и менеджеров.

Стратегия реструктуризации предприятия, на основе реинжиниринга бизнес-процессов, должна быть последовательно реализована с использованием двух сценариев поведения бизнес-системы. Комплексный характер реинжиниринга бизнес-процессов, затрагивающий все виды бизнес-процессов предприятия, обуславливает необходимость интеграции различных методологий моделирования бизнес-процессов и применение интегрированных моделей. Задача интеграции методов моделирования решена путем применения сценарного подхода к моде-

лированию бизнес-систем. Данная методология разработана для моделирования поведения бизнес-системы путем выстраивания и анализа сценариев работы бизнес-системы на двух уровнях [2]. Учитывая, что бизнес-система – это целеориентированная структура потенциала и процессов, очевидно, что методология сценарного подхода может быть использована для моделирования бизнес-процессов.

Все бизнес-процессы можно распределить на пять видов (пять групп): основные, сопутствующие, обеспечивающие бизнес-процессы, бизнес-процессы управления и развития. Все группы процессов интегрированы в бизнес-систему предприятия.

Сценарий первого уровня является рамочным, он дает общее представление о поведении бизнес-системы – это абстрактный (общий) сценарий (А-сценарий). А-сценарий можно отнести к функционально-ориентированной модели бизнес-процессов. Он удобен для специалистов предметных областей (например, укрупнено для специалистов в сфере финансов предприятия, организационного поведения, менеджмента услуг и управления). При этом функционально-ориентированная модель бизнес-процессов удобна для проведения предварительной проверки корректности исходных знаний о поведении бизнес-системы. Проверка базируется на применении аппарата канонических сетей Петри, позволяющей выявить и отфильтровать ряд ошибок на раннем этапе моделирования, не пропустив их в более детальный сценарий, где цена выявления ошибки многократно возрастает.

Сценарий второго уровня является детальным описанием поведения бизнес-системы, формируемого на основе А-сценария, структурное моделирование (сокращенно – Б-сценарий). Б-сценарий соответствует объектно-ориентированному подходу, и на основе структурного сценария имитируется поведение бизнес-системы. Отметим, что бизнес-система – это структурно связанное множество бизнес-процессов. Уточним это определение: бизнес-система – это система, производящая востребованную потребителем продукцию – товары, услуги, информацию и потребляющая необходимые для этого ресурсы.

Поведение бизнес-системы определяется сценарием. Сценарий следует определить как способ функционирования системы бизнес-процессов с известной архитектурой (или исполнительной структурой) и последовательностью выполнения работ, называемых операциями. Иначе говоря, сценарий – это способ достижения поставленных целей с учетом факторов влияния среды, в которую помещена система. Сценарий характеризуется четырьмя составляющими: целями, фактором влияния, операциями, межоперационными связями.

Бизнес-система предприятия моделируется схемой, представленной на рис.1.

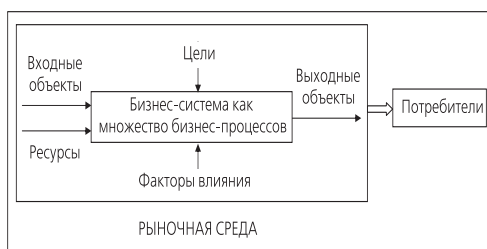

Рис. 1. Модель бизнес-системы в А-сценарии реструктуризации

Цели и факторы влияния

Если рассматривать бизнес-систему с точки зрения внешнего наблюдателя, то можно определить множество целей, поставленных перед системой, и множество факторов, определяющих влияние на бизнес-систему ее окружения. Эти цели/факторы должны быть структурированы, но список целей/факторов может оказаться чрезмерно большим. Очевидно, что элементы этого списка неравнозначны и в разной степени влияют на поведение бизнес-системы. Поэтому стоит задача проранжировать атомарные цели и факторы и отобрать из них наиболее значимые – ключевые. Данная задача решается средствами факторно-целевого анализа бизнес-системы.

Операции и межоперационные связи

Операция как элемент бизнес-процесса и шаг сценария по-разному определяется в абстрактном и структурном сценариях. В первом случае, операция работает с неструктурированными объектами (не учитывает внутреннюю структуру объектов), преобразуя ресурсы и

входные объекты в выходные объекты, соответствующие спросу клиента. При этом способ внутриоперационного преобразования не раскрывается. На рис. 2 представлены связи между целями и факторами основного бизнес-процесса предприятия, которые отображаются на факторно-целевой диаграмме.

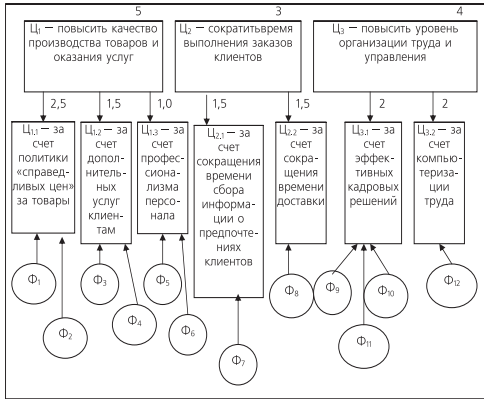

Рис. 2. Факторно-целевая диаграмма для основного бизнес-процесса предприятия ЧФ ОАО «ЛУКОЙЛ-Интер-Кард»

Структурный сценарий исходит из того, что определена внутренняя структура объектов, которые описываются наборами свойств – атрибутов. Атрибуты принимают значения из некоторой области, эти значения могут изменяться вследствие применения определенных правил. Операция структурного сценария представляет собой блок, в котором помещаются объекты с одинаковым набором атрибутов. Объекты проходят в операционном блоке через ряд состояний. Операцию Б-сценария можно трактовать как класс объектов, экземпля-

ры которого существуют в некотором определенном пространстве отдельных действий. Внутри класса помещаются данные об атрибутах объектов и правила (методы) действий, реализующие «жизненный цикл» объектов.

Разработка абстрактного сценария реинжиниринга основного бизнес-процесса предприятия (А-сценарий стратегии реструктуризации) начинается с определения целей, поставленных перед бизнес-процессом, и факторов влияния на их достижение. Значимость целей количественно оценивается «весами», которые назначает эксперт, – специалист в данной области. Недостаток такого подхода в том, что такая оценка носит субъективный характер.

Факторно-целевая диаграмма содержит такие оценки-«веса» значимости цели: 2,5 (Ц1.1), 1,5 (Ц1.2), 1,0 (Ц1.3), 1,5 (Ц2.1), 1,5 (Ц2.2), 2 (Ц3.1), 2 (Ц3.2). Каждая цель разворачивается в виде «дерева», в котором цель является «корнем». Обозначение вершин каждого следующего уровня образуется из обозначения вершины предыдущего уровня Ц1 добавлением в ее порядковый номер следующей цифры – Ц1.1, Ц1.2, Ц1.3. На рис. 2 цель Ц1 «Повысить качество производства товаров и оказания услуг» может быть достигнута за счет «Политики «справедливых цен» на товары и услуги» (Ц1.1), предоставления «Дополнительных услуг клиентам» (Ц1.2), вследствие «Профессионализма персонала», предприятия (Ц1.3) и т.д.

Дерево целей ограничивается целями, которые необходимо разлагать на составляющие. Далее определяются «веса»

Таблица 1. Факторы, влияющие на достижение целей бизнес-процесса

Обозначение	Содержание
Ф ₁	Снижение себестоимости производства товаров и оказания услуг
Ф ₂	Сезонные скидки на цены (товаров и услуг)
Ф ₃	Расширение преysкуранта (предложения товаров и услуг)
Ф ₄	Возможность оказания новых услуг и создания новых товаров (по желанию партнеров и клиентов предприятия)
Ф ₅	Рыночная репутация предприятия
Ф ₆	Непрерывное обучение и переобучение персонала
Ф ₇	Человеческий капитал предприятия
Ф ₈	Автоматизация и роботизация в системе производства товаров и оказания услуг
Ф ₉	Сокращение избыточного персонала
Ф ₁₀	Повышение зарплаты и улучшение социальных условий
Ф ₁₁	Развитие института наставничества
Ф ₁₂	Развертывание локальной компьютерной сети в системе обслуживания партнеров и клиентов предприятия

Таблица 2. Матрица взаимодействия целей (подцелей)

Весы	2,5	1,5	1,0	1,5	1,5	2	2	Интегральная оценка целей	Выбор целей по значимости
Цели	Ц _{1,1}	Ц _{1,2}	Ц _{1,3}	Ц _{2,1}	Ц _{2,2}	Ц _{3,1}	Ц _{3,2}		
Ц _{1,1}	+1,0		+0,5			+0,5	+0,1	+4,2	*
Ц _{1,2}		+1,0				+0,9	+0,9	+5,1	*
Ц _{1,3}		+0,4	+1,0			+0,8	+0,8	+4,8	*
Ц _{2,1}				+1,0		+0,2	+0,2	+2,3	
Ц _{2,2}					+1,0	+0,5	+0,6	+3,7	
Ц _{3,1}	+0,6	+0,6	+0,8	+0,5		+1,0	0,7	+7,35	**
Ц _{3,2}			+0,9	0,5	+0,9	+0,8	+1,0	+5,6	*

Таблица 3. Шкала взаимодействия целей бизнес-процесса

Лингвистическая шкала	Числовая шкала
Отсутствие взаимодействия	0 (пустая клетка)
Очень слабое	0,1
Слабое	0,3
Среднее	0,5
Сильное	0,7
Очень сильное	0,9
Абсолютное	1,0

всех целей. Если вершина Ц₁ дерева целей имеет вес W₁ и вершине Ц₁ непосредственно подчинены вершины Ц_{1.1} ,..., Ц_{1.3}, с весами W_{1.1} ,...,W_{1.3}, то имеет место условие W₁ = W_{1.1} + W_{1.2} + W_{1.3}, где числа в правой части определяют значимость подцелей относительно друг друга. Разложение весов на сумму составляющих осуществляет эксперт или группа экспертов. «Весы» целей факторно-целевой диаграммы на рис. 2 записаны над соответствующими прямоугольниками и между стрелками.

Факторы, влияющие на достижение целей бизнес-процесса, представлены в табл. 1.

При этом количество целей и факторов влияния, может быть большим, что затруднит описание и моделирование бизнес-процесса. Возникает задача количественной оценки и ранжирования для выбора наиболее значимых целей и наиболее эффективных факторов. Для решения задачи селекции целей и факторов можно построить матрицу взаимодействия целей – таблицу, строки и столбцы которой соответствуют вершинам «деревьев», которые не делятся больше на подцели. В табл. 2 представлена матрица взаимодействия целей (подцелей).

Будем считать, что цель Ц₁ коррелирует с целью Ц₂, если достижение цели Ц₁ влияет на достижение Ц₂. Это влияние

может носить двойной характер: стремление к цели Ц₁ может способствовать достижению цели Ц₂, либо препятствовать. В первом случае на пересечении строки Ц₁ и столбца Ц₂ матрицы взаимодействия ставится знак «+», во втором – «-». Если цели не влияют друг на друга, либо характер их взаимодействия неизвестен, то соответствующую клетку оставляем пустой. В нашем случае коэффициенты корреляции определены в результате экспертного опроса специалистов предприятия ЧФ ОАО «ЛУКОЙЛ-Интер-Кард», так как в общем случае для вычисления данных коэффициентов необходимо применять статистические методы анализа.

Силу взаимодействия целей оценивают лингвистическими формулировками и выражают количественными величинами из интервала [0,1]. В табл. 3 представлена шкала оценки взаимодействия целей бизнес-процесса.

Знак и количественную вероятностную оценку взаимодействия задает эксперт. При этом оценка может не совпадать с вышеуказанными значениями, а находиться в интервале между ними.

Интегральная оценка Q цели Ц_i, учитывающая влияние на Ц_i всех целей, может находиться по формуле:

$$Q_i = \sum W_1 X_{1n} , \tag{1}$$

где W_1 – вес цели C_1 , X_{1n} – экспертная оценка с учетом знака, вписанная в клетку матрицы взаимодействия, коэффициент корреляции C_1 с другими целями, $X_{1n} \in [-1,+1]$.

Таким образом, интегральная оценка целей определяется по матрице взаимодействия построчно как алгебраическая сумма произведений значений, вписанных в клетки данной строки, и значений веса из верхней строки табл. 2.

Интегральные оценки ранжируют цели: цель C_1 тем значимее, чем больше ее оценка Q_1 . Это позволяет из множества целей отобрать наиболее значимые. В данном случае это цели, для которых $Q > 4$ (отмечены звездочкой в табл. 2). Среди них наиболее важны те, для которых $Q > 7$ (отмечены двумя звездочками). Из числа целей, указанных на рис. 2, удалим непомянутые $C_{2,1}$, $C_{2,2}$ и связанные с ними факторы Φ_7 , Φ_8 . Далее ранжируем оставшиеся факторы и отбираем из них наиболее значимые. Процедура ранжирования – отбора факторов влияния заключается в следующем. Строится таблица взаимосвязи факторов и отобранных целей. Строки табл.4 соответствуют факторам Φ_1 , Φ_2 , Φ_3 , ..., Φ_{12} , столбцы отобранным целям. На пересечении строки Φ_1 и столбца C_1 вписывается экспертная оценка $Y_{1n} \in [-1,+1]$.

Так, например, интегральная оценка H_1 для фактора Φ_1 с учетом достижения целей определяется алгебраической сум-

мой произведений значений, вписанных в клетки данной строки, и значений веса из верхней строки табл. 2:

$$H_1 = \sum W_1 Y_{1n} \quad (2)$$

Отбираем факторы, для которых $H > 4$, а из них – наиболее значимые, удовлетворяющие условию $> 5,5$. Для отобранных целей вычисляется числовая оценка степени их достижимости в зависимости от значений отобранных факторов. Эти значения выражают в баллах, а оценку называют индикатором достижимости целей – ИДЦ.

Таким образом, реинжиниринг бизнес-процессов приводит к системной реструктуризации материальных, финансовых и информационных потоков, направленных на упрощение организационной структуры, перераспределение и минимизацию использования различных ресурсов, сокращение сроков реализации потребностей клиентов, повышение качества их обслуживания.

Одним из наиболее значимых экономических аспектов реинжиниринга является то, что конечным результатом реинжиниринга является смена организационной структуры предприятия.

В настоящий момент организационная структура большинства российских предприятий является жестко иерархической, состоит из системы функциональных подразделений. Функциональная структура управления является иерархической и включает множество функциональных

Таблица 4. Таблица влияния факторов на достижимость целей

Факторы	Отобранные цели					Интегральная оценка целей	Выбор целей по значимости
	$C_{1,1}$	$C_{1,2}$	$C_{1,3}$	$C_{3,1}$	$C_{3,2}$		
Φ_1	+1,0	+1,0	+1,0			+5,0	**
Φ_2	+1,0	+1,0	+1,0	+0,2	+0,2	+5,8	**
Φ_3		+1,0		+0,7	+0,8	+4,5	*
Φ_4	+0,2					+0,5	
Φ_5	+0,7		+1,0	+0,5	+0,3	+4,35	*
Φ_6	+0,8	+0,8	+0,8	+1,0	+0,7	+5,7	**
Φ_9	+0,6	+0,8	+0,8	+1,0	+0,7	+6,9	**
Φ_{10}	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+0,5	+4,5	*
Φ_{11}	+0,6	+0,5	+0,5	+0,7	+0,7	+5,55	**
Φ_{12}	+0,5	+0,5	+0,5	+0,7	+0,7	+5,3	**

подразделений, которые занимаются ресурсным обеспечением хозяйственной деятельности.

Указанные недостатки локализуются, если рассматривать движение работ не по линейно-функциональной структуре, а в рамках процессов, которые пронизывают организацию, отсюда непосредственное достижение поставленных задач предприятия имеет более сложную систему ответственности исполнителей. В результате перепроектирования функционально-ориентированной структуры при реинжиниринге бизнес-процессов выделяются две процессно-ориентированных организационных формы: горизонтальная и матричная структуры.

«Горизонтальное» предприятие является следствием реинжиниринга организационной структуры, наглядный пример организации нового типа, где горизонтальное управление между подразделениями (координация их деятельности) и внешние горизонтальные связи оказываются более важными и критическими параметрами эффективности, чем традиционное вертикальное управление (субординационные связи). Главная особенность «горизонтального» предприятия заключается в постепенном сокращении числа задач, обусловленных внутренними факторами жизнедеятельности предприятия, и в сдвиге к наиболее полному удовлетворению интересов заказчика.

Матричная структура подразумевает разрешение структурных подразделений на основные (процессные) и обеспечивающие (ресурсные) подразделения и вводит между ними обязательность договорных отношений. Матричная структура управления строится на основе принципа двойного подчинения исполнителей. С одной стороны, исполнители процессов подчиняются в долговременном аспекте руководителю ресурсного подразделения, который предоставляет персонал и другие ресурсы менеджеру процесса. С другой стороны, исполнитель в оперативном плане подчиняется менеджеру процесса, который наделен необходимыми полномочиями и несет ответственность за сроки, качество и затраты на выполнение бизнес-процесса.

Итак, применяя матричные методы исследования направлений реинжиниринга бизнес-процессов предприятия в условиях кризиса, исследуя процесс развития реинжиниринга его бизнес-процессов, необходимо отметить причины возникновения отрицательных результатов. По нашему мнению, прямая реализация принципа поиска уникальных организационно-экономических решений для каждого предприятия в действительности может привести к недопустимым временным и стоимостным затратам на разработку проектов «с нуля». С другой стороны, реинжиниринг отдельных бизнес-процессов без стратегического обоснования крайне нецелесообразен.

1. Хаммер М. Реинжиниринг корпорации: манифест революции в бизнесе / Майкл Хаммер, Джеймс Чампи; пер. с англ. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999.

2. Юдицкий С.А. Сценарный подход к моделированию поведения бизнес-систем / С.А. Юдицкий. М.: Синтег, 2001.

МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МЯСОПРОДУКТОВОГО КЛАСТЕРА НА ОСНОВЕ ЭКОЛОГО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

УДК 332.14

Н.Ю. КОРОТИНА, И.А. ОВЧИННИКОВА

Активизация процессов развития конкуренции в экономике страны в значительной степени определяет перспективы формирования агропродовольственного рынка в новой институциональной среде, актуальность изыскания и теоретического обоснования новых подходов к формированию инвестиционно-инновационной

политики, отвечающей задачам государства по модернизации экономики и достижению на этой основе высокого уровня и качества жизни населения.

В ныне действующей государственной, экономической и научно-технической политике, разработка и осуществление мер по кластеризации региональных экономи-

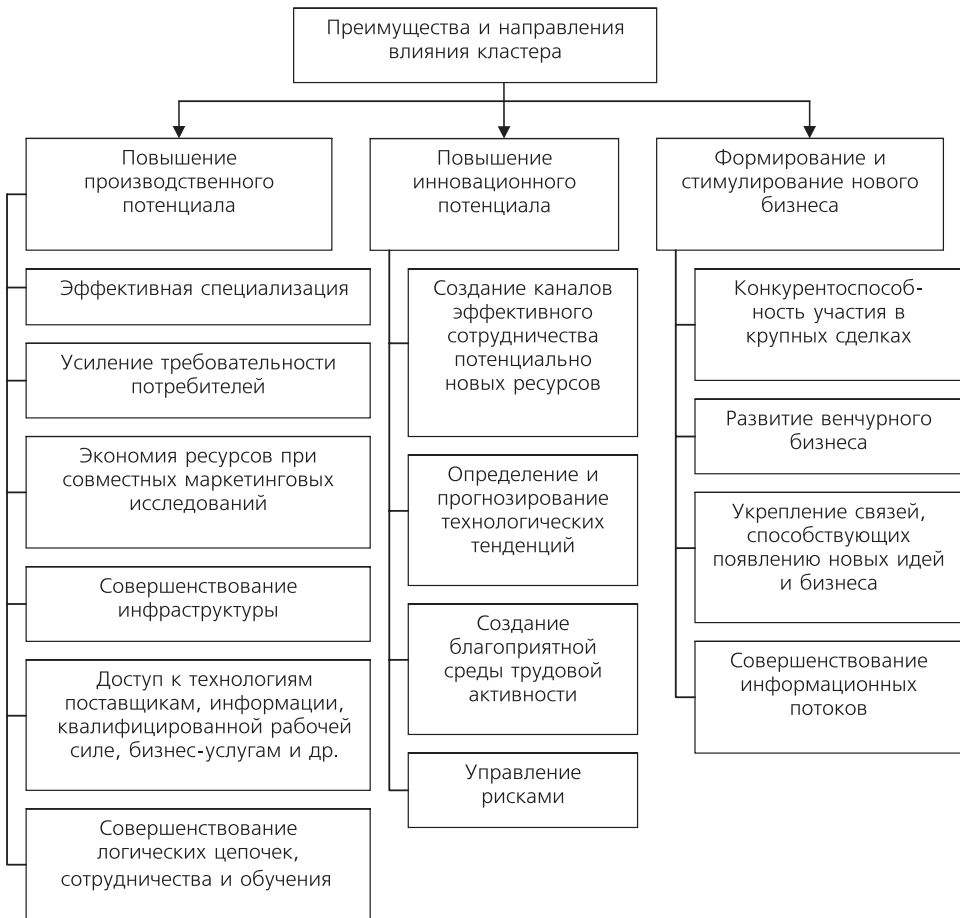

Рисунок 1. Преимущества и направления влияния кластера

ческих систем поставлены в ряд основных задач для федеральных и местных органов власти [2].

В изучении различных аспектов управления сложной и жизненно важной отрасли экономики – мясное производство – в условиях институциональных изменений и существенного дефицита финансовых ресурсов заключается актуальность темы, научный интерес и практическая значимость поднимаемых и решаемых вопросов [1].

Задача выравнивания возможностей инновационного развития и использования имеющегося трудового, финансового, экологического потенциала в регионе является приоритетной. Разработка проблемы финансового обеспечения концепции кластерного развития региона и практическая реализация мер по совершенствованию теоретических и методологических основ финансового обеспечения кластерного развития агроэкономики региона приобретают особую актуальность что отражено на рисунке 1 [4].

На современном этапе объективно обусловлена необходимость формализованной оценки происходящих социально-экономических процессов. Данная позиция усиливается объективными тенденциями развития народнохозяйственного комплекса, существующими условиями экологической обстановки, которые должны быть учтены при формировании системы менеджмента качества мясопродуктов.

Что касается экологической обстановки, то в последние годы для большинства муниципальных образований она является достаточно сложной. Именно этим объяс-

няется необходимость эколого-ориентированного подхода при определении тенденций социально-экономических процессов, определение их концептуальных изменений. В этой связи научного обоснования и методической разработки при формировании планов социально-экономического развития требуют, на наш взгляд, наиболее приемлемые индикаторные подходы, результативность которых подтверждена практикой крупных международных организаций и развитых стран.

В сложившихся экономических условиях в экономике регионов, как и в России в целом, явно проявляются тенденции, которые определяют природоёмкий характер развития хозяйства. Эта ситуация усугубляется недостаточным вниманием к экологическим аспектам хозяйственной деятельности, нерациональной эксплуатацией природных ресурсов, недостаточной эффективностью государственного управления природоохранной деятельностью, низким уровнем экологического самосознания населения, что приводит в конечном итоге, к ухудшению среды обитания и качества жизни населения.

По результатам монографического анализа работ по данной теме, установлено, что существует недостаточно работ, посвященных комплексному изучению и оценке потенциала социально-экономических систем, с рассмотрением его во взаимосвязи с развитием конкурентоспособности современных агроформобразований. Это объясняется новизной, многогранностью проблемы, разнообразием факторов, влияющих на развитие составляющих потенциала

Таблица 1. Показатели интенсификации производства в Пермском крае (на 100 га сельскохозяйственных угодий)

Показатели	2007 г.	2008 г.
Основных фондов, тыс.руб.	927,50	1399,70
Производственных затрат, тыс.руб.	1336,10	1783,48
Выручки, тыс.руб.	972,40	1280,70
Прибыли (убытков), тыс.руб.	76,60	123,93
Молока, ц	315,40	314,99
Мяса, ц	85,70	85,65
Поголовья КРС, гол.	21,52	21,73
Коров, гол.	8,25	8,30

* Составлено автором по данным отдела статистики сельского хозяйства Пермьстата

агрокластера и эффективность использования имеющихся ресурсов. Следует констатировать, что для хозяйственной практики агропромышленного комплекса (животноводства) Пермского края характерны как позитивные, так и негативные тенденции, что усиливает практическую значимость выдвигаемой проблемы структурных изменений в системе АПК (таблица 1).

Отсутствует комплексная система показателей оценки, позволяющих провести диагностическую оценку уровня развития составляющих потенциала агрокластера, в целях выделения направлений для совершенствования и проведения изменений [5].

Вышеизложенное актуализирует разработку теоретического базиса, формирование новых эффективных моделей, технологий и инструментов коррекции кластерной агрополитики, обоснования направлений и способов ее адаптации к экономико-институциональным условиям Пермского края [3].

В современных условиях хозяйствования необходимы уточнения в части классификации факторов, влияющих на эффективность производства мяса и мясной продукции, с учётом социальной ориентации, особенностей развития сельского хозяйства и мясного скотоводства в сложных экологических условиях, что позволяет в системном виде представить многогранную проблему.

Первая группа проблем связана с разработкой системы понятий, определяющей теоретическую концепцию формирования и развития мясопродуктового кластера.

Обращение к кластерной технологии и к кластерной политике, по мнению многих исследователей, связано с тем, что элементы кластера получают доступ к самой передовой информации по усовершенствованию технологического процесса.

Сегодня перед агрокластером стоит задача совершенствования технологии производства мяса и мясопродуктов, обеспечения их качества и эффективности деятельности посредством формирования системы менеджмента качества с целью получения конкурентного преимущества [4].

Роль кластеризации как фактора стабилизации экономической и социальной обстановки и повышения инвестиционной привлекательности региона, активная позиция и административный ресурс региональной власти позволили создать

кластер, базирующийся на интегрирующей роли крупной вертикально-интегрированной структуры, характерной для рассматриваемого объекта исследования.

Фактор инновационной ориентированности является важной отличительной чертой кластера в общей модели производственно-кооперационных и иных взаимодействий агросубъектов хозяйствования в регионе [2].

Оценка тенденций социально-экономического и экологического развития возможна на основе объективного инструмента управления – системы индикаторов муниципального управления, которая должна включать типовые индикаторы: индикаторы социальных аспектов устойчивого развития, индикаторы экономических аспектов устойчивого развития, индикаторы экологических аспектов устойчивого развития.

Сформированная система индикаторов дифференцируется в зависимости от их целевой направленности: индикаторы давления или движущей силы, характеризующие человеческую деятельность, процессы и характеристики, которые влияют на устойчивое развитие; индикаторы состояния, характеризующие текущее состояние различных аспектов устойчивого развития; индикаторы реагирования, позволяющие осуществлять политический или какой-либо другой способ реагирования для изменения текущего состояния.

В качестве базы для расчета индексов используются различные показатели: темпы роста населения, число единиц пассажирского транспорта, доля расходов на образование в валовом региональном продукте, доля продажи ресурсов в валовом продукте, расходы на переработку опасных отходов и другие.

Формы и механизмы взаимодействия региональных властей и бизнес-структур оказывают существенное влияние на конкурентное поведение мясопродуктового кластера и его элементов, стимулы, инвестиционную активность, стратегию агропредприятий и деловой климат во внешней среде.

Кластер представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих социально-экономических, экологических, государственных и муниципальных структур и институтов, предприятий, систем и учреждений, осуществляющих мероприятия,

дифференцированные в зависимости от региональных особенностей, направленных на выполнение основных функций общества и решение социальных задач (рисунок 2).

В общем виде под кластером понимается территориально локализованная совокупность компаний, которые в результате своего взаимодействия эффективно реализуют конкурентные преимущества данной территории [4].

Процесс формирования модели мясопродуктового кластера начинается с выбора критерия оптимальности, что позволяет выстроить наиболее эффективную модель его функционирования, улучшить сочетание мясной отрасли с другими отраслями сельского хозяйства Пермского края.

На наш взгляд, определение агрокластера должно быть уточнено на основе трактовки региона как территориально-производственной агросистемы.

В авторском уточнении, агрокластер есть форма или способ взаимодействия территориальной и производственной мясопродуктовых систем, реализующий конкурентные преимущества Пермского края (территориального образования) и географической близости образующих кластер бизнес-структур.

Вторая группа проблем связана с необходимостью систематизации и развития теоретико-методических подходов к формированию мясопродуктового кластера Пермского края. Данное определение подтверждается системой аналитического обследования результатов деятельности сельскохозяйственных организаций (таблица 2).

Существующие на сегодня отдельные положения методического характера связаны с выработкой критерия отбора отраслей (видов деятельности) для кластеризации, а сам алгоритм формирования мясопродук-

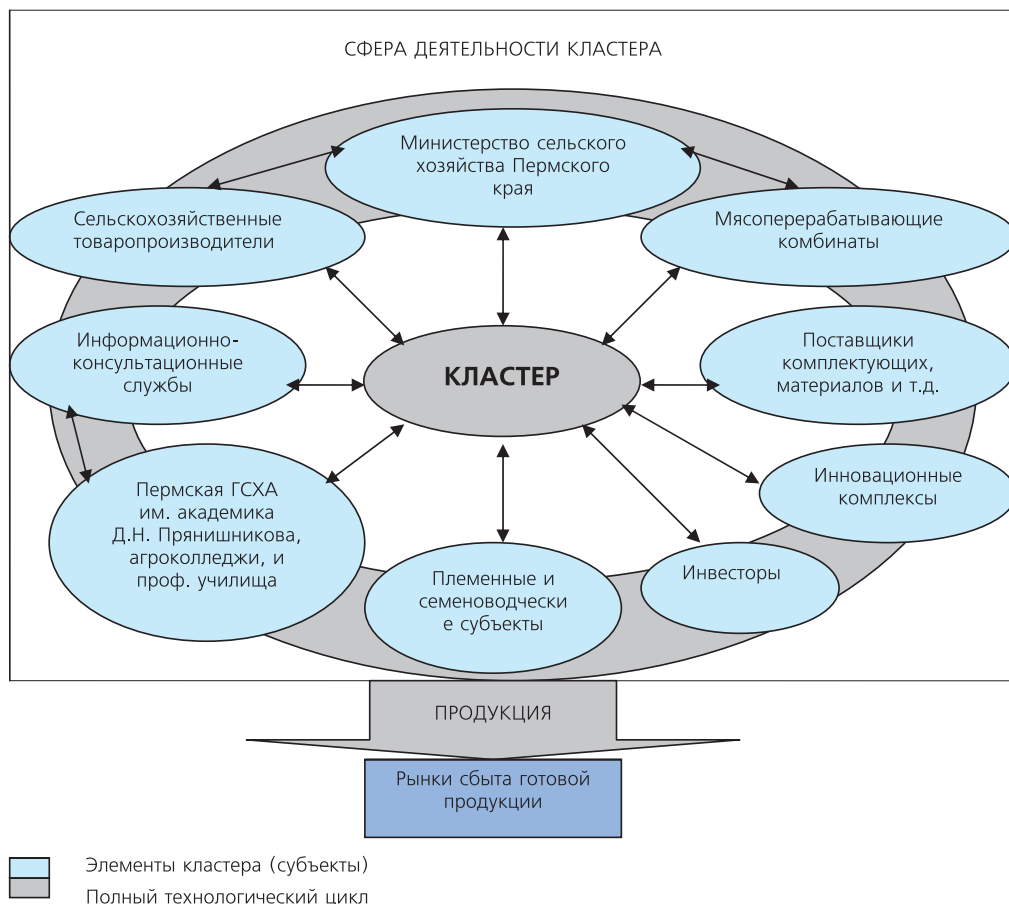

Рисунок 2. Модель мясопродуктового кластера Пермского края

Таблица 2
 Финансовые результаты деятельности сельскохозяйственных организаций Пермского края

Показатели	2007 г.	2008 г.
Количество хозяйств, всего	396	380
в том числе прибыльных, колич.	290	291
удельный вес, %	73,23	76,58
Затраты на основное производство, тыс.руб.	12827944	16304392
Себестоимость реализованной продукции, тыс.руб.	8892026	11005295
Прибыль до налогообложения с учетом субсидий, тыс.руб.	734972	1132914
Субсидии из бюджетов, тыс.руб.	930709	1538393
Прибыль до налогообложения без учета субсидий, тыс.руб.	-195737	-405479
Выручка от продаж, тыс.руб.	9336141	11707983
Выручка на 1 рубль затрат	0,73	0,72
на 1 рубль субсидий	10,03	7,61
одного работника	229,16	319,50
Рентабельность с учетом субсидий, %	8,27	10,29
без учета субсидий, %	-2,20	-3,68

* Составлено автором по данным отдела статистики сельского хозяйства Пермьстата

тового кластера, остается слабо обоснованным и слабо разработанным в методическом плане, отсутствует четкий инструментарий последовательности и взаимозависимости различных видов деятельности и отраслей производств в кластере.

Методика интегрального подхода к формированию проектов и программ социально-экономического развития позволяет подсистеме ранее рассмотренных индикаторов дифференцировать по уровню требования пользователей. С этой целью в проекте они дифференцируются для органов государственной (муниципальной) власти, для органов исполнительной власти и для конкретных хозяйствующих субъектов.

По результатам оценки способности территорий к устойчивому экономическому и экологическому развитию формируется алгоритм их последующего ранжирования на принципах кластерного анализа.

На основе анализа и обобщения материалов, нами выявлены принципы формирования кластеров: информационная открытость, диверсификация спроса, географическая близость [6].

Суть предлагаемой методики состоит в том, чтобы саму технологию построения кластера разбить на несколько самостоятельных этапов: выбор цели, кон-

текстуального элемента кластера, выработка цепочки отраслей и видов деятельности, входящих в кластер.

Сопоставление представленных этапов и задач, формирующих их, указывает на то, что последняя задача в деле построения отраслевого кластера является главной, но на сегодня является менее разработанной, противоречивой и, в целом, не доведена до методического уровня [6].

В качестве базы построения мясопродуктового кластера рекомендуется принять емкость рынка кластеризируемого продукта (таблица 3).

Модель организационно-экономического механизма управления кластером, которая включает совокупность методов воздействия с целью достижения желаемого уровня эффективности деятельности и функций управления (аналитических, организационно-координирующих, учетно-контрольных, стимулирующих).

Отдельная группа проблем сопряжена с разработкой концептуальной модели системы показателей стратегического развития мясопродуктового кластера. Воспринимая конкурентоспособность агрокластера как возможность рационально использовать имеющийся потенциал для проявления конкурентных преимуществ, можно утверждать, что конкурентоспо-

Таблица 3. Результаты реализации основных видов продукции животноводства Пермского края

Показатели	2007 г.	2008 г.
Молоко		
Количество реализованной продукции, ц	2720411	2569047
Полная себестоимость 1 ц, руб.	713,55	972,71
Цена реализации 1ц, руб.	812,08	1202,61
Прибыль (убыток), руб.	98,55	229,90
Рентабельность, %	13,81	23,635
Привес крупного рогатого скота		
Количество реализованной продукции, ц	287192	270878
Полная себестоимость 1 ц, руб.	5465,81	6343,20
Цена реализации 1ц, руб.	4334,98	4459,32
Прибыль (убыток), руб.	-1130,83	-1883,88
Рентабельность, %	-20,69	-29,70
Привес свиней		
Количество реализованной продукции, ц	256148	239999
Полная себестоимость 1 ц, руб.	5011,04	6352,36
Цена реализации 1ц, руб.	4480,39	6491,23
Прибыль (убыток), руб.	-530,65	138,867
Рентабельность, %	-10,59	2,186

* Составлено автором по данным отдела статистики сельского хозяйства Пермьстата

способность проявляется как результат уровня управления кластером для достижения устойчивого его развития.

Основные направления результативности мясопродуктового кластера вбирают два блока: во-первых, направления повышения результативности деятельности в разрезе составляющих элементов кластера, а во-вторых, ключевые направления повышения результативности деятельности кластера в целом. Данные блоки поз-

воляют показать соотношение каждого элемента кластера и каждое направление результативности.

Отличительной особенностью концептуальной модели системы показателей стратегического развития является направленность на отбор ключевых показателей реализации стратегии, позволяющих учитывать экономические, экологические, социальные, инновационные аспекты развития региональной системы.

1. Никитина Е.С. Управление молочным подкомплексом как производственно-экономической системой (на материалах Смоленской области) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Москва, 2008.

2. Плахова Л.В. Формирование системы управления инвестиционной деятельностью в регионе : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Москва, 2008.

3. Пшиканюкова Н.И. Синергетический потенциал региональной экономики в системе стратегического планирования и управления: теория, методология, инструментарий : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Майкоп, 2009

4. Савин К.Н. Формирование и развитие регионального кластера качества жизнеобеспечения: теория, методология, практика : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Тамбов, 2009.

5. Самсонова А.А. Развитие управления потенциалом конкурентоспособности промышленного предприятия: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Саратов, 2008.

6. Уянаев Б.Б. Стратегия устойчивого развития региональных социально-экономических систем : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Нальчик, 2009

В ПОИСКАХ ДОСТОИНСТВА И ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНИНА

УДК 32: 342.7

И.Б. ФАН

На мой взгляд, существует огромный разрыв между глубиной стоящих перед российским обществом проблем и его готовностью их решать. Представляется, что подавляющая часть общества махнула рукой на все, включая собственное самосохранение и воспроизводство, и выбрала для себя не путь осознания проблем и рациональной оценки ресурсов для выхода из ситуации, а путь социального эскапизма. Я предполагаю, что это связано с общим состоянием и социальным самочувствием общества, подавленным достоинством у одних поколений россиян и несформированным – у других. Идея соотношения понятия человеческого и гражданского достоинства и ценности человеческой жизни в России, по моему мнению, поможет осмыслить не только проблему цены реформ 1990 годов и нынешнего политического курса страны, но и выявить одну из фундаментальных особенностей российской истории, политических институтов и лежащих в их основе принципов политической культуры и ментальности населения. Эта особенность когда-то была выражена поговоркой: «Бабы еще нарожают!» Однако «бабы» рожают все меньше. Традиционное основание российского государства – пренебрежение жизнью каждого конкретного россиянина, низкая ее ценность в глазах правящих классов и самого индивида (общества) продолжает определять базовые взаимоотношения между государством и гражданином.

Конструкция демократического правового государства строится на идее внутренне присущего человеку достоинства. Такое государство как сообщество суверенных граждан, объединенных общими законами, есть результат сотрудничества индивидов, сформировавшихся в суверенных личностей, а потому несет ответственность перед каждым из них. Достоинство человека (human dignity) – как способности формулировать ценность цели, связанной с наличием у человека разума и свободы

воли, безусловно и абсолютно, это предел вмешательства в его жизнь, образец отношения к нему. На этой способности человека основываются законы и вся система права. Отсюда следует самоидентичность человека, позволяющая говорить о статусе прав человека в обществе. Базовое целеполагание, провозглашение прав человека, действий и состояний абсолютными (право на жизнь и др.) – есть утверждение равноценности индивида в отношении с государством и другими людьми. Принцип достоинства человека перерос в принцип достоинства гражданина. Гражданское достоинство, лежащее в основе конституционализма – это «способность индивида воздействовать на условия своего существования через общественные институты, самоуправление, собственность, прессу, суды – все то, что гарантирует право на права», способность и возможность человека пользоваться своими правами [9, с. 56]. Возможность пользоваться правами зависит от степени невмешательства государства в жизнь гражданина, от реализации права на личную неприкосновенность и частную жизнь, от системы политических и правовых институтов, обеспечивающих реализацию прав человека и гражданина.

Наличие достоинства (как способности пользоваться правами) у большей части населения – необходимость для установления отношений социального доверия в обществе, выработки ценностных оснований консолидации людей в единую нацию, осуществления правового режима функционирования гражданского общества, становления конституционализма и демократического правового государства. Для ощущения достоинства массы людей необходимы институциональные условия, связанные с социальным и политическим признанием вклада каждого в «общее дело», – высокий моральный, правовой и политический статус личности в государстве. Конституционный статус гражданина является высшим признанием достоинства

человека, он связан с признанием каждого личностью, обладающей свободой воли (самосознанием, рефлексией, способностью к самоуправлению), равной с другими в свободе перед законом, а также политической и правовой свободой. Это и признание каждого другого в государстве в качестве «субъекта законодательствующей воли» (И. Кант), способного участвовать в принятии политических решений и управлении государством. Достоинство гражданина основано также на осознании личностью единства собственных прав и обязанностей, на уверенности в правомерности собственных притязаний на законные права и свободы в силу личной законопослушности и ответственности в исполнении обязанностей перед другими гражданами и государством.

Многие люди интуитивно чувствуют отсутствие в России публичного признания государством достоинства и самоценности каждого человека. Но как операционализировать морально-правовые категории достоинства человека и гражданина? Конкретные аспекты анализа этих понятий мы связываем с рассмотрением понятий ценности и цены жизни и деятельности гражданина в политологическом, юридическом, экономическом и других планах. Необходимо выработка комплекса экономических показателей стоимостного выражения тех или иных прав гражданина, и обязанностей, выполняемых им для государства, и стоимости обязанностей (ответственности) органов государства и должностных лиц перед гражданином, а также адекватных компенсаций в случае гибели или ущерба здоровью гражданина, полученных во время выполнения гражданских обязанностей. Если гражданина рассматривать в качестве «рабочей силы» для государства, а гражданство – в качестве товара, услуг государства, покупаемых гражданином посредством уплаты налогов, и государством у гражданина посредством обеспечения политического и правового порядка, и оказания управленческих, правоохранительных, медицинских, образовательных и иных услуг, то возможно построить экономическую модель стоимости услуг обеих сторон взаимодействия: гражданина и органов государства (должностных лиц). С помощью понятия цены человеческой жиз-

ни можно протестировать все подсистемы российского государства: политическую систему – на предмет реализации конституционных и, прежде всего, политических прав граждан, на степень участия гражданина в функционировании государства; правовую систему – на предмет нацеленности работы ее структур на правовое обеспечение статуса гражданина, уровень защиты жизни, свободы, достоинства и прав человека и гражданина; экономическую систему – на возможности осуществления гражданином экономических свобод и т.д. Конкретная цена человеческой жизни и деятельности оказывается в этом случае результатом функционирования всех институтов общества и государства.

Возможности, предоставляемые государством, степень реализации прав гражданина составляют институциональные основы его достоинства. Чтобы ответить на вопрос о реальном статусе личности и ценности ее жизни в нашем государстве, необходимо установить степень (реальность, фактичность): а) признания и уважения достоинства личности, основных прав и свобод гражданина со стороны государства, особенно, политических; б) устойчивости гражданства как связи личности с государством; в) наличие (или отсутствие) правового характера этой связи; г) взаимности в выполнении обязанностей (прав); д) эквивалентности в ответственности сторон. Конституционный строй государства является общей гарантией реализации прав и свобод человека, и гражданина. Но конституционализма в России нет: Конституция РФ существует в виде юридического документа, а не действующего права как системы соблюдаемых сторонами обязательств. Разделения властей не произошло; реформы завершились не формированием независимых судебной и законодательной власти, а процессом монополизации всех государственных функций президентской властью. Практически действующих правовых механизмов общественного контроля над исполнительной властью (особенно, над силовыми структурами), устанавливающих ответственность должностных лиц и органов власти за нарушения прав граждан, так и не было создано. В результате политики последних лет, нормы функцио-

нирования законодательно созданных механизмов такого контроля – парламента, оппозиции, свободных СМИ, гражданского общества, органов местного самоуправления, были существенно пересмотрены, их действенность оказалась ослабленной. Конституционные принципы построения российского государства – демократия, федерализм, республиканская форма правления, принцип правового государства подвергаются последовательной ревизии [6, с. 2].

У россиян массово нарушаются и права человека, и права гражданина – и частногражданские, и публичные. Правоприменительная практика в России традиционно носит обвинительный характер, утверждая верховенство органов государства над личностью, которая находится на постоянном подозрении у государства. Это означает, что политическая и правовая система российского государства обладает иной направленностью, нежели осуществление прав граждан. Реализация прав граждан на правосудие (ст. 32 Конституции РФ), гарантии каждому государственной и судебной защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 45, 46) наталкиваются на препятствия в виде неэффективной и коррумпированной вертикали МВД и других властных структур, на бюрократизм политической системы, коррупционные номенклатурные принципы и процедуры назначения [7, с. 3], на отсутствие независимой судебной системы. Система правосудия работает избирательно, по неписаным нормам и обычаям «оправданного произвола» [1, с. 6]. Эта система нацелена преимущественно на исполнение гражданами обязанностей. Выполнение воинской обязанности в условиях российской армии превращается в нечто, отрицающее статус гражданина и целый комплекс прав, начиная с права на жизнь (п. 1 ст. 20 Конституции РФ). По данным Союза комитетов солдатских матерей, «небоевые потери» Вооруженных сил России с 2000 по 2005 годы составили 10799 человек [5, с. 8]. Эта армия функционирует только при условии, что она не несет никаких обязательств и никакой ответственности перед военнослужащими.

Об отсутствии признания российским государством достоинства россиян, о низкой ценности и цене их жизни свидетель-

ствует множество объективных фактов. Остро стоит проблема ответственности медицинских работников за профессиональные преступления или проступки в деле охраны здоровья граждан. В России отсутствуют даже предпосылки к созданию в системе здравоохранения единой структуры, отвечающей за безопасность пациентов [2, с. 38]. Еще один ряд фактов – состояние криминальной смертности в России. Преступления против личности составляют угрозу безопасности и воспроизводству российского общества. Смертность от внешних причин в России (ДТП, алкогольные и наркотические отравления, самоубийства, убийства, домашнее насилие над детьми и женщинами) является одной из самых высоких в мире и составляет в среднем по стране 220 умерших на 100 тыс. человек [3, с.17]. Основная причина человеческих потерь в России – высочайший уровень повседневного насилия, институционального (войны, конфликты, ситуация в системах МО, МВД, ФСИН, других государственных силовых структурах) и ментального – словесного, психологического, информационного. Насилие стало «кодом социальности» (Л. Гудков), вызовом для национальной безопасности. Распространенность явления «криминальной воронки» – превышения числа жертв над числом раскрытых преступлений, свидетельствует о латентности значительной части убийств; о том, что реальное число убийств в России выше, чем отражено в статистике. За эти потери и отсутствие правосудия никто ответственности не несет. Что это, как неотсутствие направленности работы правоохранительных органов на защиту жизни граждан? Возникает целый комплекс проблем, связанных не только с системой права и деятельностью правоохранительных органов, но и с целым спектром социокультурных факторов – социальной политикой, ценностными основаниями политической и правовой систем и режима российского государства. О низкой ценности жизни российского гражданина говорят и цифры компенсаций, предусмотренных государственным страхованием в случаях гибели военнослужащих по призыву, служащих в любых силовых структурах. Возможно, такие мизерные цифры выплат [8] и способствуют

сохранению условий, при которых гибель служащих граждан происходит систематически. Существует зависимость ценности жизни и ответственности за нее со стороны государства. Во всех органах и структурах нашего государства, где существует риск для жизни и здоровья людей, отсутствуют и система обеспеченности защиты жизни и здоровья гражданина РФ, и действующие механизмы установления юридической и финансовой ответственности конкретных должностных лиц, министерств (МО, МВД, МЧС и др.) за гибель служащих или утрату ими здоровья.

Но есть и свидетельства ментального порядка. Консервации состояния отсутствия человеческого достоинства как на индивидуальном уровне, так и на уровне общественного самосознания, служат «старо-новые российские мифы», конструируемые пропагандистами нынешней власти. Исследования Левады-Центра касаются распространенных в СМК и массовом сознании мифологем: особой иррациональности культуры и образа жизни в России («умом Россию не понять...»), изоляционизма как принципа конституции национальной идентичности («особого пути России»), состава представления и функций «Запада» в общественном мнении и отношения к Сталину [4, с. 65]. Выводы этих исследований можно интерпретировать применительно к проблеме признания человеческого достоинства в российском публичном пространстве, общественном самосознании и национальной идентичности.

Какую роль выполняют эти конструкции, как они влияют на общественное и индивидуальное самоощущение, самооценку, самосознание? Искусственные «мифы XX века» призваны замещать, имитировать наиболее фундаментальные коллективные ценности, подсказывать простые схемы интерпретации реальности. Квазимифы проецируют «прошлое на актуальное настоящее» (Л. Гудков), индивидуальные или коллективные страхи на другого или других в целях выражения собственной привлекательности, значимости и ценности [4, с. 70]. Они редуцируют социальную реальность, в том числе сложные внутри, и внешнеполитические отношения, к примитивному взаимодействию в рамках противопостав-

ления «мы-они», мобилизуя установки на самоизоляцию и враждебность и снимая индивидуальную моральную ответственность за мнения и поведение. Благодаря мифам у россиян формируется не чувство человеческого достоинства, а некий двойственный комплекс неполноценности, превосходства, предписывающий им схему самовосприятия лишь через крайние самооценки – самоуничтожения либо гордыни «великодержавности». Квазимифы примиряют несовместимое и противоречивое в целях легитимации насилия государственного и частного. Это поиск достоинства в неадекватных формах. В них изъято актуальное время и действие, которое может быть подвергнуто рациональному осмыслению, – достижение, калькуляция, учет повседневных мнений и интересов возможного социального партнера. Квазимифы делают относительными базовые структуры социального доверия, блокируют дифференциацию общества, институтов, групп, сакрализуют власть в качестве символа коллективного целого, запрещая ее критику и установление ответственности. «Суть этого комплекса в провозглашении особого предназначения и великого будущего России при одновременно полном сознании невозможности его реализации» [4, с. 72]. При сопоставлении с реальностью этот комплекс порождает «фрустрацию массовой идентичности», которая закрывает возможность осознания самой травмы. Разрыв высокого и низкого, должного и сущего в самоопределениях россиян конкретизируется как нестыковка духовности, связанной с «особой миссией», и лени («недеяния»).

Обеспечивая консолидацию на неадекватных, превращенных основаниях, квазимифы блокируют возможность рационального постижения себя и более сложные способы общественной самоорганизации. Они адаптируют людей к «предлагаемым обстоятельствам», навязывают фатализм, смирение по отношению к авторитарной власти, табуируют выделение альтернативных ей социальных и политических субъектов. «Легенда власти напрямую связана со слабостью подданных» [4, с. 75]. Так, в культуре и самосознании масс «навечно» закрепляется самообраз и роль необходимой жертвы собственной

власти, не отделенной от нее. В советской культуре ценность человека измерялась его готовностью к самопожертвованию. В силу инерции имперской культуры комплекс жертвы не только сохраняется, но и препятствует выходу мышления за пределы цикла инверсии оппозитивных отношений «палач – жертва», мешает переходу к поискам субъектности вне отношений насилия и господства. С подачи кремлевских специалистов и СМК в массовом сознании отсутствует адекватная самооценка, а есть восприятие себя в символическом единстве с властью, через отождествление себя либо с жертвой, либо с палачом в зависимости от ситуации взаимодействия. Отсюда смесь уважения и неуважения к себе в общественном и индивидуальном сознании, чередование периодов самовосхваления и самобичевания, чувство вины, неудовлетворенности собой, и стремление избавиться от него различными средствами (алкоголь, агрессия и т.п.).

Миф о Сталине ориентирует на отказ от самостоятельного действия и предоставление права быть субъектом лишь вождю. Миф об «особом пути» воспроизводит разрыв между идеей движения и идеей достижения, отказ в отсчете времени и пространства. Метафора пути в этом мифе помещает человека в некое состояние «пребывания» (небытия) героя. «Путь» вовлекает героя в движение, но движется не он сам, и неизвестно, откуда и куда, это «как бы» движение – условное, имитирующее, пустое. За неопределенностью вектора пути в мифе прячутся два основных варианта его направления: 1) установка «идти, куда пошлет власть» и разделить с ней «трофеи» и 2) сохранение возмож-

ности «уклониться», убежать «куда глаза глядят», взбунтоваться. В этом – страх перед неудачей, уклонение от конкретности, от действий и ответственности за них, от самостоятельности. Каждый из «мифов» раскрывает (конструирует) одну ипостась национальной идентичности, а их совокупность пунктирно намечает всю ее картину. То, что эта «целостность» неорганична, для массового, некритичного сознания скрыто. В этой общей картине высвечиваются и навязываются травмирующие черты национального самосознания и установка на невозможность обретения национального достоинства. Становясь устойчивыми стереотипами восприятия реальности, эти конструкции консервируют черты коллективного бессознательного, используя комплекс неполноценности / превосходства для негативной самоидентификации населения, сохранения и поддержания существующего положения вещей. Амбивалентность «мифов» структурирует национальную идентичность, табуируя рациональное самопонимание и критическое отношение к власти и себе, блокируя тем самым ее не инверсионное, а медиативное развитие.

Культивирование комплекса неполноценности и пренебрежение достоинством людей со стороны государства оборачивается низкой ценностью жизни граждан и перспективами катастрофической убыли населения, массой экономических и политических проблем. Остается надеяться, что усиление дефицита квалифицированных трудовых ресурсов в России заставит привести традиционное основание российского государства в соответствие с зафиксированным в Конституции РФ.

1. Вощанов П. Номенклатура возвращается // Новая газета. 18.10-20.10.2004. №77. С.6.
2. Галюкова М.И. Профессиональные преступления медицинских работников: современное состояние проблемы // Криминологический журнал. 2007. №3-4. С.33-41.
3. Ким Е.П., Михайличенко А.А. Состояние и структура криминальной смертности в России и некоторые проблемы ее предупреждения // Криминологический журнал. 2007. №3-4. С. 15-20.
4. Мифологизация комплексов национальной неполноценности // Вестник общественного мнения. 2008. №6. С.65-88.
5. Немцов Б., Прибыловский В. Президент простой и ложный // Новая газета. 10.02-13.02.2005. №10.
6. Рыжков В. Откат // Новая газета. №68. 16.09-19.09.2004.
7. Сатаров Г. «Воружь? Годен!» // Новая газета. № 76. 14.10- 17.10.2004.
8. Страхование жизни и здоровья военнослужащих и приравненных к ним [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.klerk.ru/print.php?32619> (проверено 5.05.2009 г.)
9. Хованская А.В. Достоинство человека: к либеральной стратегии права для России // Полис. 2001. №4. С. 49-65.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

УДК 008 (800)

А.А. ПАВИЛЬЧ

Проблемы моделирования межкультурного диалога и формирования коммуникативной культуры представляются достаточно актуальными в условиях социального, этнонационального и конфессионального разнообразия культурного пространства. Коммуникативная культура охватывает совокупность знаний, умений, навыков, рефлексивных способностей, составляющих основу межкультурных компетенций и обеспечивающих эффективность межкультурных контактов. Коммуникативная культура как уровень успешной организации взаимодействия в поликультурной ситуации, наряду с соответствующей речевой подготовкой, предполагает владение знанием особенностей коммуникативного стиля, являющегося типичным для той или иной социокультурной системы и во многом определяющего межкультурные различия, способные стать существенным коммуникативным препятствием. Коммуникативный стиль жизнедеятельности отличает манеру поведения, распространенную в определенной территориальной, социокультурной, конфессиональной общности, и отражается в степени активности индивида, стереотипах поведения, когнитивных и эмоциональных характеристиках, специфике и динамике выражения чувств, особенностях восприятия времени и пространства, характере взаимодействия личности с окружающей действительностью. Коммуникативная культура предполагает уважение традиций, систем разрешений и запретов, имеющих региональную, этнонациональную и конфессиональную коннотацию и определяющих нормы жизнедеятельности и поведения людей.

Представления о коммуникативной культуре как важном измерении межличностных и межкультурных отношений обнаруживаются в древнейших памятниках

письменности. Ветхий Завет поэтически отражает бинарное членение пространства на своих и чужих, первые из которых принадлежат к избранному Богом народу и следуют его монотеистическим требованиям, а другие представляют мир язычников. Но в то же время эти разные культурные измерения не являются абсолютно изолированными, они постоянно перемежаются и активно взаимодействуют. Древнееврейская культура формировалась в окружении соседних культур Египта и Междуречья, но при этом всегда активно и упорно сопротивлялась чужеродному влиянию и ассимиляции. В законах, полученных иудеями от Бога, акцентируется внимание на требовании уважения к чужеземцам, что в свою очередь, обуславливает соответствующую конфессиональную коннотацию коммуникативных моделей поведения: *«Любите и вы пришельца; ибо сами были пришельцами в земле Египетской»* (Второзаконие, 10:19); *«Пришельца не обижай: вы знаете душу пришельца, потому что сами были пришельцами в земле Египетской»* (Исход, 23:90).

Древнекитайская культура, формировавшаяся в условиях постепенного преодоления племенной и этнической раздробленности, и государственно-политической консолидации, состязания буддизма с традициями конфуцианства и даосизмом, всегда отличалась изначальным стремлением к закрытости. В «Беседах и суждениях» Конфуция декларируется, что уважение в отношениях с людьми и соблюдение человеческих требований «держат себя с почтительностью дома, благоговейно относиться к делу и честно поступать с другими» не ограничивается повседневностью и привычным социокультурным окружением и продолжает быть актуальным, «даже когда отправляешься к варварам» [7, с. 470].

Коран предписывает мусульманам соответствующее отношение к иноверцам, среди которых разграничиваются многобожники (язычники) и приверженцы монотеистических верований (люди Книги). Религиозный первоисточник ислама закрепляет настороженное отношение к народам, исповедующим многобожие, и ограничивает взаимодействие мусульман с ними, и это выражается в запрете на заключение брачных отношений: *«Не женитесь на многобожницах, пока они не уверуют <...> и не выдавайте замуж за многобожников, пока они не уверуют»* (Сура 2, 220). Несмотря на относительно терпимое и доверительное отношение к христианам (как *«самым близким по любви к уверовавшим»*, Сура 5, 85), чем к иудеям и исповедующим многобожие, Коран взывает к мусульманам с наставлением: *«Не берите иудеев и христиан друзьями: они – друзья один другому»* (Сура 5, 56); *«Не берите друзьями тех, которые вашу религию принимают как насмешку и забаву, из тех, кому до вас даровано писание, и неверных»* (Сура 5, 62). По степени восприятия других культурных традиций и взаимодействия с западной культурой, арабский Восток продолжает оставаться наиболее консервативным, поскольку воспринимает их в качестве угрозы ассимиляции собственных стилей жизнедеятельности. Не определяя четкие смысловые границы понятия «священная война», Коран придает ей статус бескомпромиссного средства подавления иноверцев и призывает сражаться с теми, *«кто не верует в Аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретил Аллах и Его посланник, и не подчиняется религии истины»* (Сура 9, 29).

Представления о коммуникативной культуре в сочинениях античных авторов формировались в контексте изучения и оценки образа жизни, нравов, традиций, религиозных представлений, государственного устройства древних греков, римлян, германских племен и народов Востока. Образованность, развитые ремесла и искусства греков и римлян являлись основанием для противопоставления себя не тронутым цивилизацией племенам, которые они именовали варварами. Геродот

в известной работе «История» осмыслил этноцентристские установки самосознания представителей локальных культур в качестве принципа, определяющего восприятие инокультурного окружения. Он заключил, что если бы всем народам на свете пришлось выбирать самые лучшие из разных обычаев и нравов, то каждый, скорее всего, выбрал бы свои собственные [3].

В «Германии» («О происхождении и местожительстве германцев») Тацит этноцентристские установки являются преобладающими в оценке социокультурной действительности германских племен, которые предстают примитивными, грубыми и дикими варварами в отличие от цивилизованных римлян. В описаниях Тацита, касающихся образа жизни, коммуникативных особенностей германских племен, прослеживается их интровертность и замкнутость в межличностных отношениях, прагматическая простота и чуждость эстетических изощрений. Тацит выделил преобладающее у них, почти единственных из варваров, поддержание эндогамии в брачных отношениях, результатом чего, на его взгляд, является их этническая однородность и «несмешенность германцев» с другими племенами. Наряду с моногамными браками, строгим соблюдением нравственной чистоты брачных уз, постыдностью детоубийства, симпатичной стороной социокультурного бытия германцев Тациту особенно показались единые законы гостеприимства для своих и чужих [13, с. 458–469].

Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» выразил стремление объективно обосновать статус и роль еврейского народа в истории культуры человечества. В его изложении и анализе событий, и фактов еврейской истории прослеживается исконная склонность древнееврейской культуры к поддержанию гомогенности своего содержания. Автор показал несовместимость инокультурных нововведений с семитским духом и традиционным ритмом жизни, которые сформировались и утвердились под влиянием древних установлений и обычаев, иудейских теологических, ценностных, этических и эстетических представлений. Заимствованные у римлян разнообразие

формы зрелищной культуры, жестокие состязания и развлечения ради удовольствия избранных, возводимые и изобилующие роскошью амфитеатры в лице автора представлялись народу безбожными и негуманными и, по его определению, «отнюдь не соответствовали мировоззрению иудеев, ибо иудеи были непривычны к такого рода зрелищам» [14, с. 307].

В произведениях средневековой письменности представления о коммуникативной культуре прослеживаются в контексте сопоставления разных локальных и конфессиональных типов культуры. В летописных источниках и богословских сочинениях, наряду с изложением и толкованием христианских догм, отражаются элементы конфессиональной полемики, в которой абсолютизировалось христианство и обличалось язычество.

В эпоху Возрождения наметилась тенденция критического осмысления европоцентристских установок и преодоления господствовавших стереотипов относительно не тронутых цивилизацией племен Нового Света. По словам французского гуманиста Мишеля Монтеня, «у нас, по-видимому, нет другого мерил истинного и разумного, как служащие примерами и образцами мнения, и обычаи в нашей стране. Тут всегда и самая совершенная религия, и самый совершенный государственный строй, и самые совершенные и цивилизованные обычаи» [9, с. 253–254]. Монтень, одним из первых, выразил негативное отношение к оценке жизнедеятельности, нравов, принципов семейно-брачных отношений туземцев Нового Света, исходя из общепринятых мнений. В представлениях о коммуникативной культуре Монтень придерживался релятивистского подхода, не допускающего этноцентристских установок в отношении к представителям других культур. Он подчеркивал полноценность и уникальность всех культур, несмотря на то, что каждый народ имеет свои обычаи и привычки, нередко кажущиеся странными и диковинными.

Подчеркивая практическую значимость межкультурных контактов, Монтень отмечал, что поездки в чужие края и общение с другими людьми полезны не столько

для приобретения фактических сведений и обогащения своего кругозора, сколько для того, «чтобы вывезти оттуда знание духа этих народов и их образа жизни, и для того также, чтобы отточить и отшлифовать свой ум в соприкосновении с умами других» [9, с. 188]. Позднее также М.В. Ломоносов рассматривал путешествия, научные экспедиции, дипломатические и торговые контакты с другими государствами в качестве важнейших факторов формирования коммуникативной компетентности [8, с. 327]. А.Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» подчеркивал, что вхождение в мир другой культуры осуществляется параллельно с изучением иностранных языков, благодаря которым происходит постижение наук и усвоение знаний, способствующих расширению пространства образованности индивида, формированию его межкультурной компетентности и усилению патриотических чувств. По его мнению, язык помогает свободно ориентироваться в другом социуме, позволяет проникнуть в духовную атмосферу давних эпох и современных народов, располагает к усвоению их достижений и ментальности. А.Н. Радищев считал, что изучение сложностей иностранного языка неизбежно сталкивает человека со стихией незнакомой культуры, где «все отвратительно и тягостно», но в то же время на фоне контрастов, вполне ощутимы тонкости собственной культуры и языка [12, с. 147].

В. Гумбольдт собственными исследованиями в сфере лингвистики и философии культуры показал преимущества сравнительного метода в постижении чужой культуры и осознании собственного бытия. Его проект «сравнительной антропологии» предполагал, в первую очередь, изучение «характеров наций и эпох», а также определение научных критериев и разработку философских оснований для их оценки [4, с. 323–324]. Прикладное значение сравнительной антропологии как «ветви философско-практического человековедения» Гумбольдт видел в том, что ее научные задачи направлены на то, чтобы облегчить понимание ментальности народов, способствовать формированию толерантных моделей взаимодействия в практике меж-

культурной коммуникации, учить «уважать свои и чужие системы морали и культуры» [4, с. 321–323]. Роль сравнительно-культурологического знания в социокультурном пространстве В. Гумбольдт видел в пользе и необходимости для делового человека, который работает с людьми и управляет ими, воспитывает и просвещает.

Профессор Оксфордского университета М. Мюллер, активно использовавший в религиоведческих исследованиях методологию, разработанную в сравнительно-историческом языкознании, считал, что исходным этапом в сравнительном изучении религий являются филологические знания, обеспечивающие фактическим материалом и позволяющие проникнуть в глубинную сущность религий и прийти к объективным обобщениям. Перефразировав афоризм, касающийся языка (кто знает одну только религию, тот не знает ни одной), М. Мюллер не только определил цель сравнительного изучения религий, но и затронул проблему путей и способов формирования религиозной компетентности и веротерпимости в межкультурной коммуникации. Ученый возлагал надежду на то, что сравнительное изучение религий мира научит «быть снисходительными вокруг себя и в глубине нас самих» и «приведет нас к лучшему познанию и пониманию нашей собственной религии» [10, с. 105].

В формировании коммуникативного стиля поведения И. Кант придавал огромное значение процессам социализации и инкультурации, способствующим усвоению на основе обучения и воспитания культурного опыта, коммуникативных стратегий, ценностных доминант, знаний и умений, традиций, необходимых для адаптации к определенной социокультурной ситуации. И. Кант считал «слишком рискованной» попытку исследования и классификации коммуникативных характеристик народов, объяснения устойчивых черт и привычных для них стереотипов поведения, ссылаясь на отдельные факторы и ограничиваясь частными эмпирическими наблюдениями. Ему представлялось совершенно необоснованным утверждение о зависимости характера народа от принципов социального устройства и форм государственного прав-

ления. Природная среда и климатические условия, по мнению И. Канта, тоже не могут являться исчерпывающим аргументом для объяснения типичных моделей поведения, потому что «переселения целых народов доказали, что эти народы на новых местах не изменяли своего характера, а только старались приспособить его к новым условиям» [6, с. 565]. Ф. Шиллер также отмечал, что иногда два народа, отделенных друг от друга бескрайним океаном, кажутся более схожими и становятся таковыми, благодаря общим интересам и политическим связям, чем представители одной социальной общности. Он писал, что народ на одной и той же территории, в различные периоды истории является несравненно разным, а «на берегах одной и той же реки живут люди, непримиримо разъединенные различными религиозными обрядами» [15, с. 19].

Определяя коммуникативные черты англичан, И. Кант отмечал их осторожность и даже холодность по отношению к малознакомому собеседнику, равнодушие к чужестранцу, пассивность в желании оставаться любезным. Он подчеркнул, что немец не отличается национальной гордостью и «не привязан к своей родине», зато более гостеприимно, чем любой другой народ, встречает чужестранцев и изучает иностранные языки [6, с. 571]. Коммуникативные особенности испанца выражаются в том, что он «ничего не перенимает от иностранцев, не путешествует, чтобы познакомиться с другими народами» [6, с. 568]. Кстати, И. Кант заметил, что отсутствие желания и живого любопытства собственными глазами взглянуть на внешний мир, порождает «ограниченность духа» народа.

В работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» И. Кант отмечал, что стабильность социокультурной организации народов во многом зависит от «установления законосообразных внешних отношений между государствами» [6, с. 15]. В то же время И. Кант говорил о важности соблюдения границ коммуникативного пространства во взаимодействии народов, подчеркивал опасность «брачных отношений» между государствами с целью сохранения их самостоятельности. И. Кант указывал на то, что «право всемир-

ного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства» [6, с. 276]. Право всеобщего гостеприимства он отождествлял не столько с требованием дружелюбного приема и внимательного отношения, сколько с коммуникативной концепцией, предоставляющей всем людям возможность посещения территории другого государства и гарантирующей всем чужестранцам, безопасное пребывание в другой стране, терпимое отношение и обращение к ним. Настороженное отношение к чужестранцам в случае нарушения ими цивилизованных норм поведения и игнорирования принятых традиций, И. Кант интерпретировал как оправданную коммуникативную модель поведения, инициированную исключительно инстинктом самозащиты.

Н.Я. Данилевский обосновывал несовместимость западноевропейского и славянского генотипов культуры сложностями гармонизации духовно чужих культурных традиций и социального окружения с ментальным складом и потребностями славянских народов. «Трудно научить француза и англичанина хорошо думать на немецкий лад, и, наоборот, еще труднее должно быть это для славянина, ибо разделяющее их этнографическое расстояние – значительнее» [2, с. 436]. Вырисовывая перспективы социокультурного развития многих европейских народов и обосновывая важность всеславянского союза, Н.Я. Данилевский отмечал, что уединенное существование локальных культур чревато для них безрадостной перспективой превращения в лишенный смысла «исторический хлам» или в лучшем случае «этнографический материал для новых неведомых исторических комбинаций» [2, с. 332]. При этом автор совершенно искренне подчеркивал, что идея союза славянских народов с Россией мотивирована «инстинктом самосохранения России» для ее собственного самоутверждения и дальнейшей «борьбы с Западом» [2, с. 342].

Ф. Ницше рассматривал отношения между народами и процесс взаимодействия разных культур по аналогии с физио-

логической чувствительностью, когда одна сторона стремится производить, а другая «дает оплодотворять себя и рождает» [11, с. 369]. К таким «гениальным народам», на долю которых выпала задача формирования, вынашивания, завершения, Ницше отнес греков и французов. Евреев, наряду с римлянами и немцами, он отнес к числу тех, «назначение которых – оплодотворять и становиться причиной нового строя жизни». Эти народы возбудимы некоей неведомой энергией и влекомы из границ собственной природы к «чуждым расам». Как отметил Ницше, «эти два гения ищут друг друга, как мужчина и женщина», и в то же время «они также не понимают друг друга» [11, с. 369]. Проявление национальной неприязни и политического честолюбия Ницше отождествлял с умственным расстройством и приступами дурения, которые иногда постигают тот или иной народ.

Н.А. Бердяев, сравнивая русский и польский типы ментальности и духовности, пытался осознать причины их несовместимости. Он противопоставил простоте, прямоте и бесхитростности русской души, «легко опускающейся и грешащей, кающейся и до болезненности сознающей свое ничтожество перед лицом Божиим» [1, с. 412], аристократический гонор, организованность, готическую устремленность, индивидуалистичность, утонченность и изящность польской души. Взаимную неприязнь Польши и России он считал проявлением спора Запада и Востока, развернувшегося внутри славянского мира. Н.А. Бердяев отмечал, что для Польши, всегда смотревшей на славянский Восток с чувством своего культурного превосходства, русская модель духовности казалась «просто низшим и некультурным состоянием», а славянофилам, испытывавшим не меньшее отвращение к католическому миру, поляки представлялись, прежде всего, латинянами, и «было почти забыто, что они славяне» [1, с. 390–391]. Разные культурные генотипы, обусловленные религиозными традициями, ценностными доминантами, особенностями символического содержания культуры, способствуют увели-

чению дистанции между двумя общностями в европейском пространстве и, вместе с тем, обостряют самосознание народов. Трудности внутреннего сближения русских и поляков в философской мысли связывались с поверхностным, чаще всего политически окрашенным восприятием данной проблемы. Н.А. Бердяев полагал, что между двумя народами пока еще не возникла глубокая потребность во взаимном понимании. Не предлагая кардинальных путей разрешения противоречий, как и многие другие исследователи, единственно возможный выход он видел в компромиссе, примирении народных душ, взаимном прощении их слабых сторон и недостатков, в объединении потенциала христианских традиций.

Л.Н. Гумилев обосновывал актуальность и значимость коммуникативной культуры в современном обществе, ссылаясь на культурное разнообразие мира. По его словам, в поликультурной ситуации становится жизненно необходимым «изучать чужие манеры и обычаи, искать приемлемые пути общения вместо тех, которые представляются нам естественными и которые вполне достаточны для внутриэтнического

общения и удовлетворительны для контактов с нашими соседями» [5, с. 23].

Трудности сближения культур всегда обусловлены межкультурными различиями, одновременно конституирующими индивидуальный облик культуры и создающими коммуникативные препятствия, которые можно разрешить, обращаясь к потенциалу усваиваемых человеком многочисленных компетенций или приходя к компромиссу. К сожалению, идеальные модели коммуникации не всегда удается реализовать в практике межкультурного взаимодействия и обеспечить обратную связь на основе договорных отношений. Важным методологическим инструментом формирования коммуникативной культуры является способность перевода опыта чужой культуры в опыт знакомого и привычного окружения. Теоретическая разработка проблем коммуникативной культуры и реализация ее принципов в практике межкультурного взаимодействия требуют учета историко-культурного и научного опыта, синтезирующего знания и методологические подходы, обладающие потенциальными возможностями для обеспечения полноценной коммуникации.

1. Бердяев Н. Судьба России: Сочинения. М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. 736 с.
2. Византизм и славянство. Великий спор. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 736 с.
3. Геродот. История. М.: АСТ, 2007. 696 с.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 402 с.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ООО "Издательство АСТ", 2003. 548 с.
6. Кант И. Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966. Т.6. 743 с.
7. Конфуций. Беседы и суждения. СПб.: ООО «Издательство "Кристалл"», 1999. 1120 с.
8. Ломоносов М.В. Записки по русской истории. М.: Эксмо, 2003. 704 с.
9. Монтень М. Опыт: в 3 кн. СПб.: Кристалл, Респекс, 1998. Кн. 1-2. 960 с.
10. Мюллер М. Религия как предмет сравнительного изучения // Мюллер М., Вундт В. От слова к вере. Миф и религия. М.: Эксмо, 2002. 864 с.
11. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. Т.2. 864 с.
12. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Л.: Худ. лит., 1984. 264 с.
13. Тацит, Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. М.: ООО "Издательство АСТ"; "Ладомир", 2001. 992 с.
14. Флавий, Иосиф. Иудейские древности: в 2 т. Мн.: Беларусь, 1994. Т. 2. 606 с.
15. Шиллер Ф. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 4. 495 с.

ОБРАЗ РОССИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ: УСТОЙЧИВОСТЬ ПОЗИТИВНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

УДК 32.019.51

Н.А. БОРИСОВ

Тема образов, имиджей и технологий их формирования актуализировалась в отечественной науке и публицистике сравнительно недавно, но уже успела стать популярной и в известном смысле «модной». Это связано как с интенсивным освоением западного наследия по этим проблемам, так и с практическими задачами по формированию положительных (или отрицательных) образов различных объектов – от товара, производимого фирмой, до кандидата в депутаты, от предприятия до целого государства.

Понятие образа страны связано с понятием «национальные стереотипы», а стереотип, в свою очередь, – это стандартизированный и устойчивый образ, позволяющий получить обобщенное представление о целой категории однородных явлений или объектов [9].

Понятно, что стереотипы могут не соответствовать объективной ситуации в стране и базироваться на искаженной или неверно интерпретированной информации. Особенность стереотипа состоит еще и в том, что меняется он чрезвычайно медленно.

Что касается образов России на постсоветском пространстве, представляется, что только сейчас к российской политической элите приходит осознание необходимости целенаправленного формирования позитивного образа России. По-видимому, после распада СССР российская политическая элита была убеждена в том, что положительный образ России будет сохраняться «сам по себе», без особых усилий с ее стороны, прежде всего в силу безальтернативности России как мощного культурно-цивилизационного центра. Однако очень скоро стало понятно, что на постсоветском пространстве будет вестись жесткая конкуренция за влияние во всех сферах, и в том числе – за самый привлекательный образ

страны (или цивилизации), понимаемый как набор устойчивых стереотипов, ценностных ориентаций, ожидаемого воздействия в отношении той или иной страны у населения данного государства. В конкуренцию вступили США, Китай, региональные азиатские державы – Иран, Турция, Япония. Россия же, вступив в конкуренцию позже других, оказалась вынужденной делать попытки по «отвоеванию» части постсоветского пространства у соперников, в том числе и в информационно-психологическом противостоянии. Стало понятным, что формирование образа – один из важнейших ресурсов государства и факторов развития межгосударственного политического, экономического и военного сотрудничества.

Кыргызская Республика в противостоянии региональных и мировых сверхдержав в целом оказалась на стороне России. Задача данной работы – рассмотреть, насколько позволяет объем статьи, основные стереотипы, в совокупности формирующие образ России в Кыргызстане, и проанализировать те факторы, которые определяют его формирование. Для этого необходимо рассмотреть некоторые особенности политической истории Кыргызстана и проанализировать некоторые распространенные стереотипы в отношении России, сложившиеся у представителей политической элиты, в средствах массовой информации и в обществе в целом.

Первое посольство кыргызов в Россию было направлено еще в 1785 г., после чего Екатерина II выразила готовность покровительствовать этому народу [4, с. 488]. Присоединение кыргызов было вызвано, в первую очередь, экономическими потребностями российских купцов, с одной стороны, и настойчивыми обращениями кыргызских родов за поддержкой и покровительством к России, с другой. Фактиче-

кое установление власти России началось во второй половине XIX в. [4, с. 581].

Новые институты, вводимые империей на территориях проживания кыргызов, не нужно было насаждать насильственно, ломая старые, поскольку государственных институтов у кыргызов не было вообще [4, с. 530].

С другой стороны, процессы колонизации кыргызских земель и скупки за долги земель обедневшего оседлого населения не способствовали росту популярности российских властей и доверия к ним местных жителей. Об этом говорит и активное участие кыргызов в известном восстании 1916 г., поводом для которого послужила мобилизация местного мужского населения в возрасте от 19 до 43 лет на военно-тыловые работы. Именно кочевники-кыргызы стали наиболее активной частью восставших [2, с. 306]. Восстание показало, что за все время управления среднеазиатскими территориями Российской империей русские власти не смогли создать положительный образ России в глазах местного населения.

В силу отсутствия «груза» государственности и признаваемых всеми правительствами, кыргызы вошли с меньшими усилиями со стороны большевиков и в состав Советской России. В составе РСФСР была образована вначале Киргизская автономная область, затем Киргизская АССР, преобразованная в 1926 г. в Киргизскую ССР. Именно при Советской власти кыргызы формально обрели национальное государство, становление которого, однако, не завершено еще и сегодня.

Еще одним фактором формирования образа России в Кыргызстане является многосоставность общества. В кыргызском обществе из-за кочевых традиций, элементы классического трибализма были выражены в более сильной степени, чем у оседлых среднеазиатских народов. Крупных родоплеменных объединений оставалось всего два (северное и южное), однако внутри себя они делились на большое количество родов.

Процесс консолидации титульной нации затрудняло ее фактическое положение национального меньшинства и сильное влияние русскоязычного населения в се-

верных районах, и узбекского – в южных. В 1980-х годах кыргызы составляли 52,4% населения республики (а в 1960-х годах – чуть более 40%) [8, с. 16].

Особенность промышленной модернизации в Кыргызстане заключалась в том, что она практически не коснулась этнических кыргызов. Доля рабочих-кыргызов, и без того не слишком высокая, продолжала неуклонно снижаться за счет повышения числа рабочих из славянских республик СССР [14, Р. 656]. Несмотря на высокие темпы развития промышленности, титульная нация в основе своей продолжала оставаться «сельской», сравнительно менее образованной и социально обеспеченной [5, с. 157].

Таким образом, важным фактором формирования образа России в Кыргызстане является, во-первых, фактический раскол кыргызского этноса на несколько родоплеменных групп, во-вторых, постоянное присутствие в республике большой доли русскоязычного населения.

Еще один существенный фактор формирования образа России в Кыргызстане – положение последнего в постсоветской «системе координат». В современной ситуации «полураспада» СНГ на несколько конкурирующих между собой региональных политических, а сейчас и военно-политических образований, Кыргызская Республика всегда принимала сторону тех блоков, в которых ведущую роль играла Россия. Кыргызстан является членом ОДКБ, ШОС и ЕврАзЭС – трех ключевых международных организаций на постсоветском пространстве, инициатором образования и лидером которых выступала Россия.

Существует и еще один фактор формирования стереотипов – общеизвестная трудовая миграция кыргызов в Россию. Среди них есть и те, которые более или менее постоянно обосновались в России, и те, кто бывает в России временно, лишь для продажи товаров (по разным оценкам, их общая численность составляет около 1 млн. человек). Кыргызы подчеркивают неизбежность этого процесса, несмотря на ухудшающееся отношение к ним со стороны русских в России: «Работы в Кыргызстане нет, а если у кого и есть, то на такую

зарплату семью даже едва прокормить невозможно. Вот и приходится возить товары в Россию, снося любые издевательства. При этом я не только свою семью содержу, но еще и родственникам помогаю», – свидетельствует один из мигрантов [3].

Новая политическая элита во главе с президентом А. Акаевым, пришедшая к власти в республике в начале 1990-х гг., оказалась в крайне сложной ситуации. С одной стороны, перед ней стояла задача формирования национального кыргызского государства и утверждения в качестве основы своей легитимации национальной идеологии, основанной на негативном образе России (как завоевателя, эксплуататора, губителя национальной культуры, традиций, религии). С другой стороны, в ситуации с этническим расколом и значительным числом русскоязычного населения, сделать это представлялось крайне затруднительным. В 1989–1993 гг., после принятия Закона о языке, объявлявшего единственным государственным языком кыргызский, начался массовый отток русскоязычного населения в Россию: туда выехало почти 200 тыс. человек – наиболее образованная и квалифицированная часть трудоспособного населения [11, с. 3]. Именно поэтому элита пыталась создать компромиссную идеологию, формирующую в целом положительный образ России.

В работах А. Акаева можно проследить попытки создания образа России как «великого культурного соседа» и отчасти «старшего брата» Кыргызстана, способного помочь кыргызскому народу. А. Акаев подчеркивал, что его отец является прямым потомком знаменитого родоначальника Тагай-бия, верховного правителя кыргызских племен в начале XVI в. и верховного правителя сарыбагышей Атаке-бия, снарядившего первых кыргызских послов к Екатерине II, стремясь тем самым подчеркнуть свою преемственность в смысле добрососедских связей с Россией [1, с. 72-73]. Для России и Кыргызстана, писал А. Акаев, характерно духовное единение, «родство душ наших народов, их искреннее доверие друг к другу, братство, скрепленное веками и общей трудной судьбой» [1, с. 395].

Что касается имперского и советского периода, то и здесь Россия, по мысли А. Акаева, предстает в исключительно положительном образе: не колонизатора и угнетателя, а субъекта модернизации республики. А. Акаев отмечает, что Россия «для кыргызского народа всегда была притягательным символом. У нас никогда не считали Россию колонизатором. Идущая из Москвы помощь помогла вывести республику на современный уровень» [1, с. 314]. Вхождение в состав России, замечает А. Акаев в одном из выступлений, объективно было явлением прогрессивным, помогло консолидации разрозненных кыргызских племен в единый народ, заложило историческую перспективу его развития [1, с. 396]. Именно Россия еще в советский период заложила основы будущего кыргызского государства путем создания автономной области, а затем союзной республики, подчеркивает первый президент республики [1, с. 402].

Россия, в интерпретации А. Акаева, предстала еще в одном образе – как источник и гарант независимости Кыргызстана: «Без поддержки Москвы мы не получили бы суверенитета. Именно... Россия вывела нас на путь суверенного развития» [1, с. 407]. Более того, Россия всегда является источником помощи: «Каждый раз, когда у нас возникали трудности, мы обращались к России. Так было, например, в мае 1992 г., когда Кыргызстан оказался в беде из-за обрушившихся на него стихийных сил» [1, с. 212].

Риторика нового руководства Кыргызстана во главе с президентом К. Бакиевым, после прихода к власти показывала, что оно настроено на сохранение позитивного образа России. «Киргизия не собирается отдаляться от России, – заметил К. Бакиев. – Наши отношения будут развиваться еще больше, еще глубже» [цит. по: 6, с. 321].

Качественно иной образ России выстраивается в работах З. Курманова – одного из лидеров оппозиции сначала А. Акаеву, а затем и К. Бакиеву. Рассуждая о начале дипломатических отношений кыргызов с Россией, он подчеркивает, во-первых, что кыргызы тогда были не сла-

бым и беспомощным, а, напротив, гордым и воинственным народом, во-вторых, кыргызы не имели с Россией ничего общего ни в этническом прошлом, ни в менталитете, ни в культуре, ни в языке и религии [7, с. 126-127]. Южные кыргызы, в отличие от северных, замечает З. Курманов, оказали российскому вторжению серьезное сопротивление. Но надежды, даже северных кыргызов, вошедших в состав России добровольно, не оправдались: все кыргызы были превращены в типичных жителей восточных колониальных владений, управляемых армией имперских наместников [7, с. 129]. Иначе говоря, З. Курманов прямо называет Россию колонизатором. Более того, Россия стала препятствием национального самоопределения кыргызов: «Новый режим не допускал ни малейшей мысли о возможности развития национальной государственности» [7, с. 129].

Примечательно, что даже обретением квазигосударственности в составе Советского Союза Кыргызстан, по мысли З. Курманова, обязан не России, а кыргызу А. Сыдыкову, благодаря «неимоверным усилиям и политическому искусству» которого, была образована самостоятельная Киргизская автономная область. В получении Кыргызстаном статуса автономной, а затем союзной республики, ведущую роль также сыграли кыргызы [7, с. 131]. Сейчас Кыргызстан переживает четвертую волну интеграции с Россией, пишет З. Курманов. Она может закончиться либо установлением «европейской модели отношений», либо потерей «подлинного суверенитета» [7, с. 133]. Таким образом, Россия в интерпретации оппозиционера по-прежнему представляет собой государство, со стороны которого исходит угроза для государственного суверенитета Кыргызстана.

Образ России в средствах массовой информации Кыргызстана формируется с помощью как русскоязычных, так и кыргызскоязычных изданий и телерадиоканалов. При этом эксперты отмечают, что русскоязычные СМИ лидируют и по объемам тиражей, и по уровню подготовки материалов, и по воздействию на аудиторию. Именно русскоязычные СМИ формируют современное медиапространство, обеспе-

чивают доступ к достоверной и квалифицированной информации. Трудно спорить с тем, что кыргызская журналистика находится пока все еще в зачаточном состоянии. В такой ситуации само ведущее положение русскоязычных СМИ (и самых тиражных из них – газет «Вечерний Бишкек» и «Белый пароход») поддерживает положительные коннотации стереотипного образа России [12]. Кроме того, в Кыргызстане выходят четыре российские газеты с местными вкладками: «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец» и «Российская газета».

С другой стороны, русскоязычные СМИ существуют в условиях конкуренции с набирающими активность американскими СМИ. Так, в Кыргызстане действует радиостанция «Свобода», вещающая исключительно на кыргызском языке во всех областях республики. Радиостанция «Голос Америки» выпускает телепередачу «Объектив», которая выходит в эфире столичной телекомпании «Пирамида», региональной телекомпании «Керемет» и Второго государственного телеканала «ЭлТР» [10].

С недавних пор, периодически в эфире первого государственного канала актуализируется тема геноцида по отношению к кыргызам со стороны русских во время восстания 1916 г. При этом подчеркивается, что субъектом геноцида были не «российские власти» или «российские войска», а именно «русские» [10]. Все это еще раз подчеркивает, что конкуренция за информационное пространство между СМИ разной направленности будет только расти и ставит задачу поиска механизмов активного и направленного формирования (или укрепления) положительного образа России в Кыргызстане.

Что касается образа России в восприятии граждан республики, то и на этом уровне он остается в целом положительным. В 1990-е годы националистической пропагандой была сделана попытка возложить на Россию вину за низкий уровень жизни кыргызов и их низкий социальный статус по сравнению с русскими. Иногда это приводило к насильственным действиям против русскоязычного населения:

нередки были случаи, когда русским угрожали поджогом дома в случае отказа продать его по минимальной цене. Сейчас эта негативная составляющая в образе России значительно уменьшилась.

Вместе с тем существуют некоторые различия в восприятии России на севере и юге Кыргызстана. На севере страны и в Бишкеке практически исчезла ностальгия по временам Советского Союза. В этой связи Россия здесь утрачивает образ правопреемника и наследника СССР, с которым были связаны представления о «лучших временах». Примечательно, что такой ностальгии нет ни у кыргызов, ни у русскоязычных граждан страны.

В южных областях Кыргызской Республики (Ошская и Желалабадская области), по свидетельству очевидцев, особенно заметна роль России (Советской власти) как социального модернизатора. Распад СССР и массовый выезд русских из южных областей привели к явной социальной и культурной демодернизации юга республики: типичной картиной стали дувалы вместо невысоких заборчиков, уничтожение коммуникаций, асфальта, канализации (слив отходов происходит прямо в арыки), в Оше – превращение многоквартирных домов с прекрасной планировкой в многоэтажные бараки, в которых нет теперь ни света, ни воды, ни газа. Ушли в прошлое качественное образование и медицинская помощь. Вероятно, это прямо связано с исчезновением мощного цивилизационного влияния России в этих регионах, поскольку именно там отток русскоязычного населения был самым существенным.

В южных областях ностальгия по СССР неизмеримо сильнее, и в этой связи стереотип восприятия России как «старшего брата» и модернизатора значительно устойчивее, в глазах как русских, так и кыргызов. Многие кыргызы на юге воспринимают Россию как олицетворение «порядка» и «стабильности», которые ушли с распадом Советского Союза. Кроме того, Россия является для них источником благосостояния – кыргызы с гордостью говорят о родственниках, которые уехали на заработки. Восприятие России как «страны

порядка» тем устойчивее, чем очевиднее нестабильность политической и экономической ситуации в самом Кыргызстане. Непредсказуемость и непрекращающаяся борьба за власть делают образ российской «стабильности» еще более привлекательным. Россия также сохраняет для кыргызов свой образ как цивилизационно близкой страны, уехав в которую на длительное время с целью заработать, они не будут испытывать цивилизационного и языкового дискомфорта.

Таким образом, можно выявить основные стереотипы восприятия России, сложившиеся у населения Кыргызстана и в совокупности формирующие образ России.

1. «Россия – великий сосед Кыргызстана, его «старший брат» и помощник». Такие представления были характерны для политической элиты времен А. Акаева, хотя имплицитно они присущи и сегодняшней кыргызской политической элите.

2. «Россия – гарант и фактор независимости и безопасности Кыргызстана». Именно Россия способствовала формированию основ национальной государственности – сначала в рамках СССР, а затем признавая и гарантируя суверенитет постсоветского Кыргызстана.

3. «Россия – субъект модернизации республики», оказавший мощное и положительное цивилизационное воздействие на кыргызов, приобщивший их к достижениям современной цивилизации, современной технике, экономике и великой культуре.

4. «Россия – колонизатор кыргызских земель и субъект геноцида кыргызского народа» – стереотип, характерный для представителей части политической элиты. Данный стереотип противопоставляется стереотипу: «Россия как гарант и фактор независимости», так как именно Россия препятствовала становлению национальной государственности, которая появилась благодаря стараниям исключительно кыргызов и не благодаря, а вопреки российской политике.

5. «Россия – наследник Советского Союза», с которым связываются стабильность и порядок, воспоминания о «лучшей

жизни». Этот стереотип характерен для части кыргызского населения, прежде всего южных областей.

Можно констатировать, что существующий обобщенный образ России в Кыргызстане остается в целом положительным. Строительство национального государства в Кыргызстане не велось на антироссийской националистической основе. Более того, положительный образ России довольно устойчив, и тенденций к его ухудшению и разрушению не намечается. Главная причина этого в том, что факторы, определяющие позитивность данного образа, являются устойчивыми: велик процент кыргызского населения, живущего исключительно на доходы от заработков в России; сохраняющаяся полиэтничность населения Кыргызстана; сохранение стратегической ориентации политических элит на Россию и преемственность этой ориентации даже в случае смены элит; бедность страны, сильная экономическая зависимость Кыргызстана от России и ее помощи, большой государственный долг; сохранение статуса

русского языка как языка межэтнического общения в республике. Вместе с тем существуют и некоторые факторы ухудшения образа: значительное сокращение русскоязычного населения, разрушение монополии русскоязычных граждан в культуре, науке, образовании; утрата русским языком статуса неперемного фактора вертикальной социальной мобильности.

Устойчивость положительного образа России вовсе не означает, что России не нужно поддерживать и целенаправленно формировать положительный образ в республике. России необходимо доказать привлекательность своей модели интеграции на постсоветском пространстве, эффективность достигнутой «стабильности» и эффективность международных политических, экономических и военных организаций, созданных с ее участием на постсоветском пространстве. Именно от этого, на наш взгляд, во многом зависит устойчивость позитивного образа России в Кыргызстане и сохранение страны в «пророссийской» части постсоветского пространства.

1. Акаев А. Памятное десятилетие: трудная дорога к демократии. М., 2002.
2. Бахтурин А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.
3. Джумагулов С. Кыргызская «оккупация» России? Миграция кыргызов в Россию: беда, благо или жестокая необходимость? // Международный евразийский институт экономических и политических исследований. 2006. URL: http://www.iicas.org/articles/library/libr_rus_19_6_00k.htm (дата обращения: 12.05.2009).
4. История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней: В 5 т. / АН Киргизской ССР, Ин-т истории; гл. ред. совет: А.К. Карыпкулов (пред.) и др. Т. 2. Фрунзе, 1985.
5. Киргизская Советская Социалистическая Республика // Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / редкол.: А.М. Прохоров (гл. ред.) и др. 3 изд. Т. 12. М., 1973.
6. Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. 2-е изд., испр. и доп. Бишкек, 2006.
7. Курманов Э. История Кыргызстана и кыргызов // Центральная Азия: собственный взгляд / ред. кол.: К. Сафарова, К. Ридель; отв. ред. Р. Крумм. Бишкек, 2006.
8. Народное хозяйство Киргизской ССР. Фрунзе, 1982.
9. Позитивные стереотипы образа России в постсоветской Евразии / С.В. Беспалов, А.В. Власов, П.В. Голубцов и др. // Информационно-аналитический центр МГУ им. М.В. Ломоносова. 2008. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/206> (дата обращения: 19.05.2009).
10. США и Россия: медиа-война в Киргизии // Аналитика.org. 2007. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20071106113708308> (дата обращения: 12.05.2009).
11. Улеев В. Чем вымощена наша дорога // Res Publica (Бишкек). 1995. 22 авг.
12. Чериков С. Правдивая сила русского слова, или о роли русскоязычных СМИ в Кыргызстане // Информационно-аналитический центр МГУ им. М.В. Ломоносова. 2008. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/202> (дата обращения: 15.05.2009).
13. Huskey E. Kyrgyzstan: the politics of demographic and economic frustration // New states, new politics: building the post-soviet nations / ed. by I. Bremmer, R. Taras. Cambridge, 1997.

ОРГАНИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ В РОССИИ

УДК 947. 074

Г.С. СМЕРНОВ, С.С. СМЕРНОВ

Со второй половины XVIII – и на протяжении практически всего XIX века в России проводилось масштабное государственное межевание земель, состоявшее из двух этапов: генерального и специального. На генеральном этапе в обязательном порядке определялись и фиксировались в межевых документах и на местности границы земельных владений (дач), а на специальном уже на добровольной основе и за счет владельцев межевались дачи, принадлежавшие сразу нескольким владельцам (общие и чересполосные дачи).

По мере распространения генерального межевания на новые территории всё более актуальной становилась задача разрешения спорных дел, внутреннего размежевания общих, чересполосных, смешанных земельных дач. Особенно это касалось Южного Урала, где на башкирских землях проживала масса припущенников.

Манифест 19 сентября 1765 г. о начале генерального межевания в России и Межевая инструкция 25 мая 1766 г. в общих чертах определяли порядок таких частных межеваний. Более поздние нормативные акты вплоть до издания свода законов 1835 г. лишь повторяли их и незначительно дополняли. В 1806 г. были изданы правила полюбовного межевания через уездных землемеров, под наблюдением уездных судов. Этот вид межевания обходился гораздо дешевле, поскольку не требовал оплаты поездок генеральных землемеров из центра и потому был особенно выгоден небогатым землевладельцам. Однако вследствие дробления крупных генеральных дач число споров не сокращалось. Приходилось искать все новые способы побуждения землевладельцев к полюбовным разделам.

В 1817 г. началась разработка общих правил специального размежевания [4]. Работа эта затянулась надолго. Лишь в 1835 г., в «Своде законов» появилась отдельная глава, посвященная коштному

(за счет владельцев) межеванию. Но по существу в нее вошли без изменения все старые нормы, лишь систематизированные и слегка подвергнутые редакторской правке [11]. Таким образом, никакой принципиально новой нормативной базы для специального межевания не возникло.

В середине 1830-х годов в правительстве было принято решение ускорить затянувшийся процесс внутреннего размежевания дач, без чего само генеральное межевание в значительной мере теряло смысл, поскольку не устраняло земельных споров. Ускорение ему могло придать бесплатное для частных владельцев размежевание бесспорных общих и чересполосных дач. Однако подобное мероприятие потребовало бы значительных дополнительных затрат финансовых и материальных ресурсов, которых не хватало даже на завершение государственного генерального межевания. К этому времени уже было выделено 183121 генеральная дача с 253,3 млн. десятин земли. Из них спорными и чересполосными, то есть подлежащими специальному размежеванию, было 82398 дач с 60,4 млн. десятин [7].

Чтобы изыскать указанные дополнительные средства, было решено внутренние размежевания дач (в 1830-е годы такое межевание стало называть «специальным») по-прежнему проводить исключительно за счет землевладельцев. Для этого устанавливались официальные расценки на все основные виды работ, связанных с межеванием. Поскольку «полюбовный» процесс мог тянуться сколько угодно долго, было решено его форсировать, не нарушая при этом принципов добровольности и платности, хотя бы внешне.

Для этого с 1836 г., в тех губерниях, где генеральный этап межевания был уже завершен, стали создаваться особые комитеты, основной задачей которых была помощь владельцам дач, желающим разме-

* Законодательным основам и организации генерального межевания посвящены публикации авторов в предыдущих выпусках журнала «Социум и власть». – 2008, № 1; 2009, № 1.

жеваться. Помощь носила лишь косвенный характер и заключалась в сборе сведений о землях общего и чересполосного владения, выработке предложений по совершенствованию правил их размежевания. «Для совокупного рассмотрения предположений губернских комитетов» в Петербурге был создан центральный комитет. Поскольку никакими серьезными полномочиями комитеты не наделялись, заметного эффекта их деятельность не принесла.

Одновременно с этим совладельцам дач было настоятельно предложено в течение трех лет выработать соглашения о разделе своих земель, составить на этой основе «полюбовные сказки», официально утвердить их в уездных судах, а затем в тех же судах просить и о самом размежевании, то есть утверждении границ в натуре. Эти предложения получили название «приуготовительные меры к специальному размежеванию земель по государству». Большого успеха они также не имели, несмотря на то, что для поощрения владельцев им дополнительно к праву сохранения за собой примерных (т.е. самовольно захваченных до начала генерального размежевания казенных) земель предоставлялось право свободного размена и уступки земель, и крестьянских дворов, без взыскания крепостных и гербовых пошлин. С 1836 г. полюбовное размежевание было официально объявлено делом чрезвычайной государственной важности. Согласие на него поощрялось, а несогласие могло повлечь крупные неприятности. «Полюбовное соглашение как наиболее удобное средство к достижению цели, правительством указанной в мнении Государственного совета высочайше утвержденное 8 января 1836 г., зависит от воли каждого из владельцев, но уклонение от сей цели будет иметь последствием все те меры строгости, которые правительство в необходимости будет принять к побудительному размежеванию», – подчеркивалось в указах от 1 ноября 1838 и 21 июня 1839 г. [1].

Тем не менее, добровольный характер размежевания отменен не был.

С целью установления единого порядка размежевания и стимулирования к специальному размежеванию владельцев дач указами от 21 июня 1839 и 27 мая 1841 г. во

всех губернских городах создавались особые посреднические комиссии под председательством губернских предводителей дворянства. В состав комиссии входили уездные предводители дворянства, а также депутаты из числа зажиточных жителей губернского города и губернские землемеры. Губернский предводитель мог приглашать в состав комиссии других дворян, и иных лиц по своему усмотрению. Не возбранялось и Министерству юстиции включать в комиссию по несколько землемеров межевого корпуса, если такая возможность имела. Для ведения делопроизводства комиссия нанимала письмоводителя и несколько писцов. Сами члены комиссии жалования не получали.

Кроме того, в каждом уездном городе в качестве постоянного ходатая по вопросам специального размежевания, уездные дворяне выбирали из числа местных помещиков одного или несколько межевых посредников.

Таким образом, вопросы организации специального размежевания на местах передавались в руки помещиков-землевладельцев.

Правда, при размежевании чересполосных дач с казной или государственными крестьянами палата государственных имуществ должна была назначать уполномоченных чиновников. Однако их роль сводилась не к защите интересов казны и крестьян, а лишь к содействию посреднику в успешном окончании дела «всеми доступными им способами».

Эти меры заметно ускорили темпы специального размежевания, но закончить его в короткий срок, разумеется, не удалось. Власти объясняли это недостатком землемеров и неурожаем в ряде губерний. Указом от 21 июля 1839 г. срок завершения полюбовного размежевания и деятельности комиссий был продлен еще на 2 года. Одновременно были предприняты меры по увеличению численности землемеров: разрешалось набирать их из податного населения, землемерам как межевого корпуса, так и губернского ведомства разрешалось брать себе в помощники учеников из тех же податных сословий. Уездных землемеров запрещалось привлекать на съемку казенных и удельных земель, а Министерству государственных имуществ и ведомс-

тву уделов предлагалось использовать для этого собственные кадры. Для большего стимулирования к активности на уездных землемеров распространялись льготы по сдельной оплате, данные в 1840 г. землемерам межевого корпуса.

Однако и это не помогло. В 1841 г. срок был снова продлен, теперь уже на 5 лет, а по его истечению в 1846 г. – еще на 4 года, но уже без объяснения причин новых отсрочек. К 1850 г. согласие на добровольное размежевание было получено только от 70% владельцев общих и чересполосных дач, выявленных за период с 1836 по 1850 годы. Однако реально размежеванных было примерно 50%. В связи с этим в 1850 г. правила полюбовного межевания были продлены уже на неопределенный срок, в них были внесены изменения, которые должны были ускорить процесс. Так, владельцы, не пожелавшие межеваться и решившие оставить свои дачи в общем владении, получали на это право. Их теперь не принуждали к разделу. И наоборот, теперь не требовалось для начала размежевания согласия всех владельцев. Каждый получил право потребовать выделения своей доли из общей дачи. И, наконец, с разрешения Сената уездный суд мог начать принудительное размежевание и сам без согласия владельцев, если считал это целесообразным.

Одновременно были утверждены и новые правила размежевания владельческих и иных дач, находившихся в общем владении с государственными крестьянами. В отношении таких земель, а также дач казенных крестьян, специальное межевание становилось обязательным. Соблюдение этого правила возлагалось на уездных посредников и губернские посреднические комиссии. Дополнительно в обязательном порядке при размежевании должны были присутствовать и особые уполномоченные, назначаемые палатами государственных имуществ. В их задачу входила защита интересов казны. Эти же уполномоченные могли, по согласованию с крестьянами, выступать и в качестве их поверенных.

По мере завершения своей миссии посреднические комиссии стали постепенно закрываться. Последняя, Орловская,

была закрыта в 1884 г., а должности выборных посредников сохранялись в некоторых губерниях и в конце века.

Стимулируя полюбовное размежевание, закон предлагал три его варианта. 1. Владельцы без предварительной съемки дачи сами организывают размежевание и только просят губернскую посредническую комиссию о командировании уездного землемера для утверждения меж и составления планов, и межевых книг. Этот способ считался наиболее эффективным и всячески поощрялся. 2. Владельцы в принципе согласны, но хотят уточнить пространство точным снятием на план, чтобы потом справедливо разделить и безошибочно составить полюбовную сказку. В этом случае они имели право нанять частного землемера или попросить о присылке казенного (в обоих случаях межевое начальство должно было им помочь в осуществлении этого). 3. Владельцы не смогли договориться сами и просят размежевать дачу через посредника. Посредник был обязан немедленно найти казенного землемера и распорядиться о предварительном снятии дач на план. Если казенный землемер по какой-то причине не мог сразу же приступить к работе, то посредник должен был найти частного. В дальнейшем раздел осуществлялся по межевым правилам.

Все остальные варианты полюбовным разводом не считались и не давали права владельцам дач на льготы. «Только те действия владельцев будут признаны за прямое желание воспользоваться выгодами полюбовного размежевания, кои будут соответствовать правилам, изложенным в инструкции полюбовного размежевания» [2].

Таким способом закрывалась лазейка для получения льгот, минуя процесс согласования границ с совладельцами.

С 1854 г. вступил в силу новый порядок судебно-межевого разбирательства по спорам, связанным со специальным размежеванием. Такие дела стали рассматриваться местными уездными судами, что должно было ускорить процесс. Рассмотрению в первую очередь подлежали споры с участием казенного интереса, во вторую – по поводу лесных угодий, в третью – все остальные. В случае невозмож-

ности разрешить спор по новым правилам, дело решалось на основании общих межевых законов.

Чтобы удержать владельцев от участия в спорах, новые правила вводили систему дополнительных сборов и штрафов, налагаемых на проигравшую сторону. В частности, она оплачивала работу землемерных партий, занимавшихся проверкой заявлений на местности. За неправильные апелляции также устанавливались штрафы: за жалобу на землемера – 7,5 коп. серебром, на уездный суд – 15 коп. и на гражданскую палату – 30 коп. за каждую «неправедно оспариваемую десятину».

После 1775 г. в каждой губернии создавалась собственная межевая часть, состоявшая из чертежной, губернских и уездных землемеров. Поначалу уездные землемеры лишь восстанавливали утраченные межи и межевые знаки. С 1806 г. они получили право самостоятельного межевания.

Основной обязанностью уездного землемера являлось осуществление земельных отводов и составление планов на различные земельные участки, однако в ходе специального межевания они широко привлекались к участию в данном мероприятии: возглавляли большинство межевых партий.

Согласно закону, губернские, уездные и состоящие при чертежной особые землемеры определялись на должность только по представлению межевого департамента Сената [3]. Губернское правление без разрешения межевого департамента не могло ни увольнять, ни переводить их на другие должности или в другие губернии. Этим достигалась возможность определенного контроля за деятельностью местных землемеров со стороны центральных межевых учреждений и гарантий того, что их деятельность не противоречит общим требованиям к осуществлению межевых работ и ведению межевой документации, а также создавало возможность привлекать их к деятельности по государственному межеванию.

По мере разворачивания специального межевания фигура уездного землемера принимала всё большее значение. В «Своде законов межевых» порядку специального размежевания через уездных землемеров

посвящено 25 статей (ст. 590-615), что подтверждает важность его роли.

Поскольку специальное межевание, во-первых, было добровольным, а во-вторых, обычно касалось спорных участков, выделенных в ходе генерального межевания, чтобы не замедлять его ход, уездному землемеру приходилось в еще большей степени быть «дипломатом» и посредником.

К концу первой четверти XIX в. подготовка землемеров заметно улучшилась. В 1835 г. Константиновское межевое училище получило статус высшего учебного заведения и было переименовано в институт. Курс обучения увеличен до четырех лет. Два последних года теоретическое обучение сопровождалось практикой.

Воспитанники, окончившие курс с отличием, направлялись в межевые конторы старшими землемерными помощниками с присвоением чина 14 класса. Прощедшие выпускные испытания на «посредственно» получали должность младшего землемерного помощника без классного чина, хотя и могли, проработав по специальности не менее 2 лет, претендовать на должность старшего помощника и чин, но «не иначе как с представлением о том их непосредственного начальника». Неудачные в течение года обучения отчислялись из института.

В институте учились две категории воспитанников – на полном казенном содержании и «своекоштные». Те выпускники, кто обучался на казенные средства, должны были прослужить по межевому ведомству не менее 10 лет, а «своекоштные», имели право определять свою дальнейшую судьбу самостоятельно, но, если желали получить чин, должны были служить в казенном межевом учреждении не менее 5 лет [8]. Большинство своекоштных становилось частными землемерами.

Практически все исследователи сходятся на том, что выпускники Константиновского института получали по тем временам высокую профессиональную подготовку. Однако одно учебное заведение не могло удовлетворить всей потребности в землемерах. Поэтому по-прежнему разрешалось принимать в землемеры военных и статских чиновников, не получивших специальной подготовки, но имеющих соответствующие знания и опыт. Главное, чтобы их

чин соответствовал должности. При этом военный чин менялся на соответствующий статский [5]. В любом случае на должность землемера любого ранга определялись только по представлению межевого департамента Сената.

На практике не хватало и таких специалистов. Поэтому в ходе специального межевания «в связи крайнего недостатка в губерниях землемеров» сначала был разрешен прием на государственную службу выходцев из мещан остзейских губерний, [9], а затем и на представителей других податных категорий населения.

В 1835 г. в связи с развертыванием специального межевания было решено увеличить число землемеров, набрав в течение пяти лет для обучения межевому делу 200 способных подростков из числа кантонистов.

В марте 1841 г. был подписан указ, разрешавший межевым конторам принимать на службу по землемерной части и людей из податных сословий, но с предварительным испытанием. Подобно прибалтийским мещанам, им приходилось службой доказывать свое право на чин. Они сначала числились в занимаемых должностях, а утверждались в них только после награждения за усердие и беспорочную службу и не ранее, чем через 10 лет выслуги.

Сами же генеральные и уездные землемеры получили право принимать лиц из податных сословий в ученики, которым также (но только после завершения полюбовного межевания, сдачи экзамена и получения наград) можно было вступить в службу по межевой части на тех же основаниях. В ноябре того же года последовал указ, который «по уважению крайней недостаточности землемеров для полюбовного размежевания» разрешил определять землемерами при межевых конторах сверх штата без жалования «тех из отставных разных ведомств землемеров, кто захочет служить без жалования, при посреднических комиссиях и если они знающие. За это время службы зачесть им в срок выслуги к пенсии, а тем, кто не имеет обер-офицерского чина – производить в первые классные звания на общем основании законов», окончательное решение об определении таких специалистов на службу принимала Межевая канцелярия.

Поэтому дать однозначную оценку профессиональным качествам землемеров затруднительно. Применительно к «приуральскому краю» можно утверждать, (основываясь на жалобах на их действия), что далеко не все из них отличались высоким профессионализмом и честностью.

Для успешной реализации государственного межевания очень важно было правильно организовать полевые работы. Для этого, кроме достаточного числа опытных землемеров, требовались хороший мерительный инструмент и современные технологии. Однако в этой области Россия значительно отставала от европейских стран. Мерительный инструмент, а также техника межевания за прошедшие после начала генерального межевания десятилетия практически не изменились, хотя задачи внутреннего межевания требовали большей тщательности измерений, чем при генеральном. Главными инструментами землемера оставались средневековая астролябия, примитивная 10-саженная мерительная цепь и деревянная сажень. Такая техника не давала нужной точности. Так, если измерение показывало, что участок включает в себе 100 десятин, на деле в нем могло быть от 99 до 101 десятины. Применявшиеся в середине XIX – начале XX века технологии в Европе давали примерно в 30 раз большую точность.

Кроме того, следует учитывать уровень падавшей на землемера нагрузки, поскольку его труд требовал не только хорошего знания межевого законодательства и навыков работы на местности, но и большой физической выносливости, и крепкого здоровья. Согласно инструкциям, для него устанавливался напряженный график полевых работ. Ежемесячно землемер с помощником должны были прокладывать меж в общей сложности не менее 160 верст, проходя, один по окружной меже 80 верст, а другой при снятии внутренней ситуации – столько же. При такой нагрузке рабочее время занимало весь световой день. [10]. Всё это не могло не вести к снижению качества выполнения межевых работ. Об этом свидетельствуют многочисленные жалобы со стороны владельцев дач, особенно из числа государственных крестьян, башкир-вотчинников и других мелких землевладельцев, с которыми землемеры не церемонились.

Хотя землемеру и отводилась решающая роль в стимулировании землевладельцев к полюбовным разделам, его власть в этом отношении была существенно ограничена и сводилась к уговорам и разъяснению преимуществ данного действия.

Без добровольного согласия самих владельцев он не мог приступить к межеванию. Не мог он и утвердить владение землями, если имелись спорные участки. Споры же разрешали более высокие межевые инстанции, а землемеру предписывалось спорные участки «обойти по отводам обеих сторон и измерить смежные владения, снять на планы и отправить на решение межевой конторы или канцелярии» [6].

Всё это также накладывало отпечаток на действия уездного землемера и сказывалось на качестве выполняемых им работ.

Таким образом, специальное межевание являлось составной частью всеобщего государственного межевания и логическим продолжением генерального межевания в России. Технологически и хронологически оно следовало за генеральным, доделывая то, что последнее только наметило вчерне. Несмотря на тесную связь, они проводились раздельно и на основании разных организационных принципов: генеральное в обязательном порядке и бесплатно, специальное добровольно и за счет владельцев дачи. Объясняется это, во-первых, особенностями самой технологии межевания, при которой собственник спорного участка не мог быть определен без предварительного измерения всей межуемой и смежной

с ней дач. Во-вторых, к внутреннему размежеванию требовалась предварительная подготовка - психологическая, нормативно-правовая, техническая, финансовая. В частности, требовался дополнительный корпус землемеров. Добровольный характер специального межевания потребовал также создания особых органов: посреднических комиссий и института межевых посредников. Посреднические функции отчасти выполняли и уездные землемеры, осуществлявшие специальное межевание.

В целом, всеобщему межеванию предшествовала длительная подготовительная работа. Было апробировано несколько вариантов межевого законодательства, разработаны подробные межевые инструкции и иные необходимые документы. Созданы управленческие и технические подразделения. Налажена подготовка землемеров. Однако в целом организационно-управленческая система межевых учреждений, межевое законодательство и технология межевого производства, рассчитанные на генеральный этап межевания, с середины XVIII в. существенно не изменились, в то время как новые цели земельной политики, изменившиеся условия землевладения и землепользования, расширившиеся технические возможности требовали коренных преобразований межевого дела. Однако этих преобразований в исследуемую эпоху так и не произошло. Россия в этом отношении всё больше и больше отставала от своих европейских соседей.

1. 2ПЗС. Т.11. № 8763. П.46; Т. 13. № 11702; Т. 14. № 12459.

2. 2ПЗС. Т.14. №12458, 12459.

3. 2ПЗС; Т.28. № 27820; Т. 20.№14392.Ст.69 .

4. ПСЗ. Т. 17. № 12659. Гл. 2. П. 6, 8; Т. 29. № 22305; Т. 34. № 26668.

5. ПСЗ. Т.29. № 22338; 2ПЗС. Т.10. № 8594; Т.9. № 6942.

6. ПСЗ. Т.19. № 14184. П.3.

7. Сборник статистических сведений о России.- СПб.: Стат. отдел РГО, 1851. Кн..1. /Ред. М.П. Заболоцкого-Десятковского. Прил.

8. Свод законов гражданских и межевых В.2.ч.4.2. Законы межевые. СПб., 1842. Прил.

9. Свод законов. Ч.2. Ст. 68.

10. Свод законов. Ст. 103, 105, 81.

11. Свод законов Российской империи. Изд. 1835 г. Т.10. Законы межевые. Кн.5.Ст.828-848; Изд. 1848 г.Т.10. Кн.5.Гл.1. Ст. 972-993; Изд. 1857 г. Т. 10. Кн. 2. Разд. 6. Ст. 730-750.

НИЗШИЕ СУДЫ В СИСТЕМЕ ПРАВОСУДИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ГУБЕРНИЙ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)*

УДК 347.99+94

В.А. ВОРОПАНОВ

Формирование сословного строя в России XVIII в., форсированное в правление Екатерины II (1762–1796 гг.), сопровождалось развитием корпоративных институтов правосудия и правозащиты. Закономерным следствием расширения прав сословий стало официальное предоставление верховной властью самоуправления в сфере низшей сельской юстиции. Общинные суды традиционно являлись основной инстанцией, разбиравшей «маловажные» дела населения. Включая сельские общества в механизм публичной власти, законодатель последовательно стремился оформить статус традиционных судов в реформированной системе правосудия империи, санкционировал применение обычаев, а также осуществление планомерной систематизации и инкорпорации обычно-правовых норм в систему русского законодательства.

Уже указ Сената от 9 апреля 1763 г. закрепил право «разбирать между народом всякие ссоры» в среде государственных крестьян за выборными начальниками, принимавшими решения большинством голосов. В случае разногласия судей дело выносилось на рассмотрение мирского схода [18, с. 127–128]. В январе 1781 г. выборным словесным судам были переданы «маловажные дела» приписных крестьян на Урале, разделенных на «десятки» и «сотни» для предупреждения «своеволий, разврата и ослушаний» [22]. В январе 1782 г. генерал-губернатор Пермский и Тобольский издал на основе монарших

инструкций «Наставление на постановление волостных судов» [11], ставшее первым опытом по созданию унифицированной системы сельского выборного управления. По замечанию В.В. Рабцевич, наименование волостных учреждений судами, вероятно, отразило стремление верховной власти к установлению единообразия в структуре местного аппарата управления с ограничением судебных правомочий волостных и нижних земских судов [34, с. 12]. Законодатель, безусловно, следовал древней государственно-правовой традиции, поименовав уездные и волостные органы административной юстиции «судами».

Волостные суды вводились «для разбирательства маловажных дел и смотрения за обывателями всяких не порядков» [7]. Функции органов крестьянского самоуправления, ставших незаменимой опорой уездных властей, оказались очень широки, их деятельность подверглась растущей бюрократизации [35, с. 12–13]. Однако в Сибири складывание волостей как общественных и хозяйственных союзов сдерживалось социальной, культурно-бытовой, этнической и религиозной разобщенностью, подвижностью населения, притоком ссыльнопоселенцев. Губернская администрация рекомендовала избирать на 3-летний срок двойной состав членов волостного управления «из числа первостатейных лучших крестьян» – двух старост и четырех выборных с их взаимозаменяемостью каждые полгода. Как правило, обыватели ограничи-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Особенности функционирования региональных судебных систем в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.»), проект № 09-03-85301а/У.

вались формированием одной коллегии, сменявшейся ежегодно [18, с. 20].

Волостные судьи удерживали обывателей от подачи исковых заявлений в государственные инстанции, стремясь примирить стороны, приглашая к разбирательствам посредников, обязались «во всякой час принимать и выслушивать терпеливо жалобы, прошения, уведомлении о содеянном в той волости не порядке, не устройстве и закона противности», брали обвиняемых под стражу. «Наставление» сообщало порядок проведения предварительных следствий. Для выяснения всех обстоятельств рекомендовалось вопросы со свидетелями («во вред чей или чему учинено», «над кем учинено», «что учинено», «о способе или орудии», «об околичностях» и др.). К участию, в розыске привлекались сотники, десятники и «лучшие люди» общины. Сведения по делу, содержание обвинений, приговоры, результаты предварительных следствий записывались в журнале. Губернское руководство регулярно напоминало волостному начальству о запрете на решение уголовных дел, подлежащих передаче в земские суды [18, с. 129–130].

На упорядочение общей системы сельской юстиции был направлен указ, учредивший в 1787 г. в казенных селениях Екатеринбургского наместничества должности старшин, старост и словесных разборщиков с учетом количества домохозяйств. Для производства суда выборные лица собирались в мирской избе. Низшая инстанция рассматривала незначительные конфликты между крестьянами – споры, оскорбления, драки. В случае разногласия словесных разборщиков, подавалось мнение сельского начальника. Стороны, недовольные решением суда, могли избрать мировых посредников [24].

Унификация территориальных обществ на Урале и в Западной Сибири не коснулась приписных крестьян Колывано-Воскресенского горного округа, находившихся в ведении особых земских изб и контор, а также служилых формирований (мещеряков, тептярей, казаков), социально-правового устройства ряда коренных народов [37, с. 24]. Башкиры объединялись в «волости» как земельно-вотчинные и ад-

министративные образования [39, с. 50]. В решении дел население обращалось к посредничеству духовных лиц и старейшин, судилось по обычаям и мусульманскому праву [12, с. 101–102].

В 1763 г. право сибирских автохтонов разбираться «во всех делах тяжбных и маловажных уголовных» по обычаям Сенат зафиксировал в инструкции секунд-майору Щербачеву, направленному для урегулирования ясачных сборов. Компетенцию туземных судов подтвердили именные указы 1780-х гг., оставив за истцами возможность пересмотра дел в государственных инстанциях [23]. Администрация не вмешивалась в племенные выборы, официально признавая статус князцов, старшин, сотников, зависевших от воли этнических коллективов. Особым межэтническим авторитетом пользовались хантыйские князья, проводившие фискальную политику самодержавия в труднодоступных районах Северного Приобья [16, с. 53–73]. Судебные функции исполняли лидеры южно-алтайских кочевников. Влияние России на дючины усиливалось посредством судебной деятельности комендантов Кузнецка и Бийска, принимавших добровольные прошения и жалобы калмык, разбиравшиеся на основе обычного права. Переход калмык в ведение Бийского коменданта был узаконен в 1799 г. [26]

Между тем, интеграция в российский социум сибирских татар ускорялась посредством общей регламентации выборов и деятельности низших должностных лиц. Государственным органам запрещалось требовать ясачных людей в уездный центр по гражданским и мелким уголовным делам. В частности, татары Тюменского уезда с 1766 г. избирали «опекунов», обязанных представлять интересы сообщественников, разбирать дела «по самой сущей справедливости», «под опасением по силе государственных законов штрафа и телесного наказания». Юртовых жителей, «кто по тому словесному суду в каковых ссорах или драках и протчих непотребствах явится», повелевалось отправлять в Тюменскую воеводскую канцелярию [8]. При разборе имущественных дел руководители тюркоязычных общин пользовались обычным правом и нормами шариата, приглашая к суду духовных лиц [1, с. 60–61]. После во-

лостной реформы, распределившей юрты между русскими судами, татары поспешили напомнить губернской администрации о самостоятельной юрисдикции своих властей. В феврале 1790 г. татарские общины Тюменской округи вновь избрали пять опекунов, приведенных муллой к присяге в уездном центре. Земская полиция разослала указы о неподведомственности жителей юрт волостным судам [9].

Тогда же в Южном Поволжье введение органов самоуправления по единому образцу среди оседлых и кочевых татар ускорили события русско-турецкой войны. Уже в ноябре 1787 г. кавказский наместник учредил в 8 кундровских аулах Красноярского уезда «особливых сотских и десятских», наделенных узкими судебно-полицейскими полномочиями. Обязанности аульных начальников излагались в специальном «наставлении». Уполномоченным, обязанным блюсти равную «ко всем справедливость», запрещалось творить «обиды» и «налоги» «под опасением за всякое небрежение по указам штрафа». Татары, неудовлетворенные результатами разбора «домашних обид» на месте, могли обращаться с жалобами в нижние расправы Астраханской области [2].

Лишив в 1797 г. сельские сословия права участия в управлении и суде на уездном уровне, император Павел ввел в империи унифицированную систему волостных учреждений, усилив административную связь между бюрократическим аппаратом и органами крестьянского самоуправления. Положением от 7 августа повсеместно выравнялись территориальные единицы и создавались волостные правления. Учитывая естественно-географические и демографические особенности региона, сибирская администрация сохранила прежние размеры волостей, переименовав волостные суды в правления. Власть над поселянами вручалась голове и заседателям, получившим жалованье, статусные привилегии и специальную правовую защиту. Волостная администрация наделалась судебными функциями, обязавшись «в маловажных между поселян ссорах и исках расправу чинить и примирять, и в случае несоглашения или неудовольствия предоставлять им волю разведываться в судах» [10]. Словесный разбор крестьян-

ских дел поручался и деревенским десятникам, и сотникам [19, с. 27].

Губернское начальство стремилось повысить роль волостного звена в судопроизводстве. Так, в 1800 г. Тобольское губернское правление предложило волостным судам удерживать обывателей «кротчайшими мерами» от подачи в государственные инстанции прошений, «никакого внимания не заслуживающих» [33, с. 139]. Указ от 10 июля 1817 г. окончательно закрепил круг дел, подведомственных волостным судам: «обманы разного рода, предмет коих не превышает 5 рублей; легкие побои или оскорбления в драке или ссоре, одним другому причиненные; пьянство, своеволие, непослушание, нарушение благочиния и кратковременная своевольная отлучка из селений». Мелкие правонарушения наказывались «домашним образом или легким полицейским исправлением» волостным головой в присутствии мирского схода [18, с. 131–132].

Развитие мирской юстиции сопровождалось реформой в сфере управления государственных имуществ 1838–1841 гг., введшая для казенных крестьян расправы. Сельские расправы в лице старшин и двух сельских добросовестных являлись первой степенью «домашнего» суда, волостные, собиравшие для отправления правосудия волостных голов и добросовестных, – второй [30]. Волостные суды уполномочивались оканчивать имущественные споры до 15 руб. серебром и определять наказание за мелкие правонарушения с суммой ущерба до 30 руб. [32]. На Урале преобразование общественного управления встретило массовое сопротивление крестьян, опасавшихся изменений своего статусного положения. Члены сельской и волостной администрации лишались доверия и подвергались насилию [15, с. 449–451]. После введения расправ сельский сход сохранил прежнее значение судебной инстанции, разбиравшей основную часть «маловажных» дел. «Свой суд короче», – были убеждены миряне [19, с. 69].

За Уралом мероприятия 1840-х гг. по реорганизации крестьянского самоуправления имели ограниченные последствия. Сибирское руководство успешно отстаивало ведомственные интересы, саботируя усилия министерства государственных

имущества. К 1853 г. «образцовое» управление действовало лишь в 23 русских и 3 инородческих волостях Западной Сибири, к 1858 г. – в 43-х (17 % от общего числа волостных правлений и инородческих управ). Права и обязанности сельских сходов и расправ присваивались волостным сходам и расправам. В руках волостной администрации традиционно сосредотачивались широкие полномочия [36, с. 151]. Волостные правления, в частности, были вовлечены в следственную и судебно-исполнительную деятельность окружной полиции, ведя специальную делопроизводственную документацию. Сельская администрация высылала в суды ответчиков и свидетелей, проводила опросы, собирала индивидуальные характеристики, подписи фигурантов дел, ознакомленных с судебными решениями. При осуществлении телесных наказаний присутствовали сельские начальники и обыватели [4]. Ответность чиновников существенно зависела от усердия выборных должностных лиц [3].

При вступлении в должность члены волостной администрации обязались подпиской соблюдать пределы узаконенной компетенции. Расследование и решение уголовных дел не являлось редкостью для волостного начальства [18, с. 130–131]. За правонарушения ссыльных, не причисленных к крестьянскому сословию, волостные правления определяли наказания до 100 ударов розгами и заключали под стражу до месяца в «исполнительном» порядке [6]. Подобно жителям Урала, сибиряки предпочитали оканчивать личные конфликты и имущественные споры на сельских сходах посредством стариков на основе обычного права. Слабость мирского контроля за деятельностью волостного начальства вызывала объективное недоверие крестьян волостному суду, нередко называвшемуся «шемякиным» и «судом на воценных ногах». Впрочем, по замечанию Н.А. Миненко, к середине XIX в. наметился рост числа дел, переданных в вышестоящие инстанции, связанных с ослаблением патриархальных традиций [18, с. 134–140, 162].

Разделение сельского населения под юрисдикцию многих низших инстанций

объяснялось развитием сословного строя. В конце XVIII в. дворцовые крестьяне поступили в ведение сельских приказов в лице выборных голов и заседателей. Следуя традициям патернализма, в 1808 г. монархия установила широкую административную опеку над ведомственными крестьянами. Учреждение удельных контор освободило общины от участия в уездных выборах и труда самостоятельной правовой защиты [25]. Вятская удельная контора объединила 15 сельских приказов губернии, ее Пермское отделение (с 1830 г. контора) – 3, Оренбургская контора – 6. Удельные конторы разбирали имущественные иски, приговаривали крестьян к наказаниям за незначительные правонарушения. Низшее управление вручалось головам и заседателям, отбиравшимися управляющими из числа мирских кандидатов и утверждавшимся Департаментом уделов. Мелкие тяжбы и споры доверялись «добросовестным», назначавшимся обывателями «из самых лучших и надежных крестьян, известных по хорошему поведению и доброму характеру» [21, с. 27–29].

Словесные суды по обычаям допускались в среде уральских казаков [28], однако на все служилые сословия Оренбургского края с 1798 г. распространялась власть кантонного начальства. С 1834 г. Башкиро-мещеряжское войско дополнительно делилось на 6 попечительств. Указ от 27 октября 1841 г. уравнивал попечителей и кантонных начальников в полномочиях с земскими судами и становыми приставами, отметив, что «разбирательство на месте и безотлагательное наказание виновных по незначительным кражам и мошенничеству, служит к облегчению судебного делопроизводства, скорейшему окончанию маловажных дел и обузданию воров» [13, с. 209]. Сибирское казачество, организованное, подобно оренбургскому, государством, в имущественных спорах и личных конфликтах обращалось «к примирительным разбирательствам» при участии полковых командиров. Материальные претензии до 15 рублей удовлетворялись полковыми начальниками «полицейским порядком» [31].

Право сибирских автохтонов разбираться «во всех маловажных своих делах» по обычаям монарх подтвердил в инст-

рукции Сибирскому генерал-губернатору 1803 г. [27] Однако решения по гражданским искам и уголовным делам, поступавшим в суды, основывались на законах, не удовлетворяя фигурантов, приводя исход конфликтов в противоречие с культурой обычного права, представлениями аборигенов о справедливости [20, с. 27]. На основе Устава, подготовленного Сибирским комитетом в 1822 г., администрация Западной Сибири наделила правами и статусом инородных управ старшин (голов, князцов) «оседлых» и «кочевых» «инородцев». Особенностью волостного управления бродячих инородцев Обдорского и Кондинского отделений Березовского округа стало подчинение старшин отдельных городков (юртов), родов и ватаг наследственным князьям. Таким образом, остяки, недовольные приговорами юрточных, родовых и ватажных старшин, сходов, имели возможность приносить жалобы главе волости как второй степени словесной расправы. От авторитета князца зависела заинтересованность истцов в обращении к русским чиновникам [16, с. 105–108]. Посредством письменных жалоб дела аборигенов переносились из земского в окружной суд, но за сторонами признавалось право приглашать посредников и после работы словесных расправ всех степеней. Решения посредников являлись окончательными.

Юридической базой для деятельности органов самоуправления и государственных судов планировался свод «степных законов», компилировавший обычно-правовые нормы и опубликованный на языках заинтересованных групп [29]. Собрание сведений о правовых обычаях и традициях аборигенов, и составление сводов «степных законов» оказалось непосильной задачей, поставленной перед губернским руководством. Предварительная работа по инкорпорации обычно-правовых норм в систему законодательства для Восточной Сибири завершилась в 1841 г., однако проект из 802 статей подвергся критическим замечаниям министров юстиции и внутренних дел [17, с. 139–140]. Материалы «степных законов» для Западной Сибири были возвращены в мае 1832 г. для дора-

ботки в Совете ГУЗС с приложением в качестве образца свода законов для кочевых инородцев Восточной Сибири. В конце 1830-х гг. чиновники констатировали отсутствие в крае «положительных правил для суда и расправы по делам» коренного населения [5].

Традиционные суды оставались наиболее привлекательной формой отправления правосудия для автохтонов, уклонявшихся от власти князцов и старшин, склонных к поборам, произволу и часто безответственных за результаты правоприменительной деятельности [14, с. 57–62]. Положение от 4 июня 1853 г. потребовало от коренного населения избирать в должности лиц старше 21 года, имевших хозяйство «и не только не опороченных судом и не оглашенных в дурном поведении, но и не стоящих под судом и следствием» [38, с. 134].

Таким образом, во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. верховная власть, широко используя общественные примирительные процедуры и упрощенный порядок судебных разбирательств, осуществляла законодательное и практическое включение традиционных форм правосудия в государственную систему, унифицировала организацию сельских, волостных, родовых, мусульманских судов, регламентировала их компетенцию, устанавливала общие правила наделения властью, порядок наступления юридической ответственности за правонарушения для уполномоченных лиц. Закрепляя ограниченную юрисдикцию чиновников и офицеров в среде сословий, занятых исполнением государственных служб, монархия не лишала приписных крестьян, мастеровых и рабочих людей, казаков права обращения в словесные и третейские суды. Узаконенное действие традиционных судов, многообразие локальных обычаев позволяло государственным инстанциям справляться с неуклонно росшими объемами письменных делопроизводств, являясь объективным этапом формирования единой правовой системы Российского государства, условий для становления норм и стандартов правовой культуры гражданской общности.

1. Валиев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. – Казань, 1993.
2. ГААО (Государственный архив Астраханской области). Ф. 423. Оп. 2. Д. 54. Л. 2–10.
3. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 100. Л. 6–15, 51–56.
4. ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 106. Л. 9–9 об., 39, 139–140, 155–162, 289–294, 336, 383.
5. ГАОО (Государственный архив Омской области). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1674. Л. 738–745.
6. ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4403. Л. 2–5 об.
7. ГАТО (Государственный архив Тюменской области). Ф. И-10. Оп. 1. Д. 648. Л. 1–3 об.
8. ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 803. Л. 1–2.
9. ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 804. Л. 1–16.
10. ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1986. Л. 1–3.
11. ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 4146. Л. 3–25.
12. Еникеев З.И. Особенности осуществления правосудия в Башкирском крае в дореволюционной России // Государство и право. – 2004. – № 1.
13. Законы российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях / авт. сост. Ф.Х. Гумеров. – Уфа: Китап, 1999.
14. Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVIII–XIX вв.). Томск, 1990.
15. История Урала с древнейших времен до 1861 г. / отв. ред. А.А. Преображенский. М., 1989.
16. Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII–XX вв.). М., 1995.
17. Марченко В.Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1985.
18. Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII–XIX в. – Новосибирск, 1991.
19. Миненко Н.А. Самоуправление у русских крестьян Урала в XVIII – середине XIX века // Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. М., 2003.
20. Обзорение главных оснований местного управления Сибири [Текст]. СПб., 1841.
21. Половинкин Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX вв.). – Тюмень, 1992.
22. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15115.
23. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15675, 15680.
24. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16603.
25. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIV. № 17906, 18082; Т. XXV. № 18423; Т. XXX. № 23686.
26. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXV. № 19196.
27. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVII. № 20771. П. 9.
28. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVII. № 21101.
29. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29126. Ст. 68–72.
30. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIV. № 12166.
31. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXI. № 20671. Ст. 279–282.
32. СЗ. Т. II. Ч. 1. Ст. 4965–4966, 5404–5409.
33. Рабцевич В.В. Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири (1775–1825 гг.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977.
34. Рабцевич В.В. Крестьянская община как орган управления сибирской деревни в 80-х годах XVIII – первой половине XIX века // Крестьяне Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск, 1980.
35. Рабцевич В.В. Управление государственными крестьянами Сибири в последней четверти XVIII – первой половине XIX века // Крестьяне Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск, 1981.
36. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. Омск, 1997.
37. Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории Кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Барнаул, 1997.
38. Сословно-правовое и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец – начало века): сб. правовых актов и документов. Тюмень, 1999.
39. Толмашевская Н.Н. От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. Уфа, 2002.

ИНТЕРВЬЮ–БЕСЕДА ПРОФЕССОРА С.С. ЗАГРЕБИНА С НАЧАЛЬНИКОМ УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБРАЗОВАНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА А.И. КУЗНЕЦОВЫМ

УДК 37

С.С. Загребин: Уважаемый Александр Игоревич, Вы руководите Управлением по делам образования Администрации города Челябинска. В прежние времена это ведомство именовалось «гороно» и в сознании людей воспринималось как локальное подразделение, озабоченное решением текущих вопросов, связанных с функционированием школ города. Пришла другая эпоха. Полным ходом идёт процесс модернизации российского образования, реализуются приоритетные национальные проекты, развиваются рыночные отношения. Российская школа живет в новой социокультурной реальности, в новых экономических условиях. Как изменились роль и место Управления образования в структуре власти, в образовательном пространстве мегаполиса?

А.И. Кузнецов: За последние двадцать лет муниципальная система образования существенно изменилась. Во-первых, школа деидеологизировалась, сохранив при этом за собой мощный рычаг политического влияния на население города. Особенно ярко это стало проявляться после начала разграничения полномочий между уровнями власти в стране. С одной стороны, образовательные учреждения постепенно становятся автономными, превращаясь в субъектов общественно-политической и культурной жизни на определенной территории мегаполиса. С другой стороны, школы и детские сады сами являются мощным инструментом политики (как минимум – образовательной) местных органов власти. Управления по делам образования выступает в качестве единственного учредителя подавляющего большинства муниципальных образовательных учреждений со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями: формулирование город-

ской образовательной политики, расстановка кадров руководителей, контроль деятельности учреждений и многое другое.

Во-вторых, изменилась структура городской системы образования. В последние 10-15 лет муниципалитет активно «подбирал» оставленные без поддержки в ходе приватизации ведомственные учреждения дополнительного образования и детские сады. К сожалению, освобождаясь от «социалки», предприятия и ведомства перекладывали на муниципалитет материальные и финансовые заботы по ее содержанию, отказывались от шефских связей. В результате сложилась парадоксальная ситуация: муниципальная система образования самая затратная социальная сфера, потребляющая от четверти до трети городского бюджета и испытывающая при этом хроническое недофинансирование. С 2006 года решением городской Думы все финансовые потоки на обеспечение образовательного процесса в городе, ранее распределявшиеся по районным администрациям, также были замкнуты на наше Управление. Это позволило нам более оперативно и эффективно использовать имеющиеся в системе образования средства, сочетая методы нормативного и программно-целевого финансирования, направлять ресурсы на поддержку и развитие точек роста позитивного педагогического опыта.

Поэтому, если коротко попытаться ответить на Ваш вопрос, то могу сказать, что в последние годы роль Управления существенно возросла и в настоящий момент оно вместе с подведомственными образовательными учреждениями занимает определяющее или, как минимум, значимое место во всех сферах жизни города.

С.С. Загребин: Россия активно входит в Болонский процесс, вводится двухуров-

невая система высшего профессионального образования. Каким-то образом этот процесс влияет на современную общеобразовательную школу? Как общий процесс модернизации образования отражается на повседневной школьной жизни нашего города?

А.И. Кузнецов: Пока еще рано говорить о влиянии двухуровневого высшего образования на школу: бакалавры и магистры до средней школы еще не добрались. Сегодня страшен не Болонский процесс, а дефицит выпускников школ, низкие конкурсы в педагогические вузы, низкий процент выпускников, идущих работать по специальности и, как результат всего этого, слабый профессионализм молодого учителя. Собственно, та модернизация отечественной школы, которую мы сейчас осуществляем, нацелена на решение этих проблем. Плюсом этой модернизации можно считать заметный рост ресурсной базы учреждений, но не преодолен пока самый значимый минус – низкие зарплаты в школе, не позволяющие привлекать туда квалифицированных специалистов в необходимом количестве. Шаги в этом направлении делаются: немного выросли реальные фонды оплаты труда образовательных учреждений, произошла оптимизация расходов внутри территориальных образовательных систем и школ, но до средней зарплаты учителя, на уровне хотя бы средней зарплаты в народном хозяйстве, еще далеко.

С.С. Загребин: В обществе не утихают дискуссии о едином государственном экзамене. По Вашему мнению, способствует ли ЕГЭ развитию творческого потенциала школьника, достаточно ли объективно оценивает его знания и умения, обеспечивает ли гарантию от коррупции в сфере образования?

А.И. Кузнецов: По моему мнению, не нужно абсолютизировать ЕГЭ и считать его панацеей от всех наших бед. Я что-то не помню, чтобы в ходе разработки процедуры ЕГЭ ставилась задача развития творческого потенциала ребенка. Для этого есть другие, более эффективные инструменты. Что касается объективности Единого экзамена, то степень этой объективности, несомненно, выше, чем у традиционной государственной аттестации. Но абсолютизировать объективность ЕГЭ могут толь-

ко те, кто пытается частные случаи проявления субъективизма бесосновательно представить в качестве закономерности. Достигнуть абсолютной объективности оценки в социальной сфере невозможно. То же самое можно сказать и о коррупции в сфере образования. Гарантии в этом отношении не даст никто и никогда. Борьбаться с коррупцией, наверное, придется еще очень долго. Борьба с коррупцией – это борьба с последствиями низкой культуры населения, в том числе правовой культуры.

С.С. Загребин: На мой взгляд, проблема ЕГЭ напрямую связана с более глобальной проблемой, а именно с перспективой формирования личности учащегося. Вхождение в Болонский процесс предполагает предоставление учащимся, как школьникам, так и студентам не знаний, умений и навыков, как было принято в российской системе образования, а «профессиональных компетенций». И дело здесь не столько в терминологии, сколько в самой сути проблемы. Понятие «знание» подразумевает владение истиной, а значит – абсолютной ценностью. «Профессиональная компетентность» есть набор функций без ценностной составляющей. Так мы выходим на проблему соотношения таких понятий как «интеллигент» и «интеллектуал». Соответственно: «интеллектуал» – это офисный работник, ограниченный служебными рамками и не озабоченный глобальными мировоззренческими проблемами, этакий биоробот. «Интеллигент» – это не просто носитель знаний, но и гражданин, это человек, обладающий ценностной основой личности. Разумеется, степень интеллигентности не равнозначна среди интеллигенции, но это уже другая проблема. Возникает вопрос: какова модель личности, на которую ориентирована современная система образования?

А.И. Кузнецов: Ценностные установки ребенка формируются не столько в процессе обучения, сколько в процессе соответствующим образом организованной жизнедеятельности ребенка и в школе, и дома. Для того, чтобы дети научились быть гражданами общества, они сначала должны научиться быть гражданами своей школы. Сделать ученика гражданином школы невозможно только в ходе словесного обучения. Все наши ценности гроша ломаного

не будут стоить, если мы не будем компетентно, то есть со знанием дела, относиться к своей профессии, будем плохо лечить, учить, строить. Если вернуться к вашему логическому ряду: знание – истина – абсолютная ценность, то, как раз, у компетентного, знающего профессионала с ценностями все должно быть нормально.

С.С. Загребин: В Интернете недавно обсуждалась статья лауреата Нобелевской премии Виталия Гинзбурга «Пора формировать моду на интеллект». Академик В. Гинзбург подчеркивает, что наиболее серьезной проблемой современной системы российского образования является утрата «мотивационной составляющей». По его мнению, необходимо формировать у современной молодежи «активный интерес к творческой самореализации», создавать в обществе «моду на интеллект». В. Гинзбург предложил «стратегическую образовательную инициативу», смысл которой во введение в младших классах общеобразовательных школ нового предмета: «История великих открытий, изобретений, инноваций». По мнению академика, главная задача этого курса – «привить детям вкус к творчеству и понимание окружающего мира как мира увлекательных загадок и неограниченных возможностей для творческой самореализации». Мне же думается, что формировать «моду на интеллект» не нужно. Мода сама по себе феномен преходящий, эфемерный, изменчивый. Сегодня «мода на интеллект» уже существует в обществе в виде стремления овладеть некими профессиональными компетенциями, которые могут быть востребованы в рыночной экономике. Эта погоня за модными профессиями и создала серьёзный дисбаланс на рынке труда, где сегодня переизбыток юристов и нехватка фрезеровщиков. По моему убеждению, в современном обществе нужно формировать не моду, а ценности. Причём ценности абсолютные, не зависящие от изменения политической или рыночной конъюнктуры. Это ответственность, порядочность, сопереживание, и многие другие нравственные качества... Какие ценности формирует современная школа? Способна ли школа конкурировать с воздействием массовой культуры на ценностный мир ребёнка?

А.И. Кузнецов: Начну с ответа на последний тезис. Массовая школа не должна

и не может конкурировать с маскультурой, семьей, улицей. Вот школа-интернат – может. Вспомните все наиболее успешные педагогические опыты прошлого, как отечественные (Шацкий, Макаренко, Сухомлинский, Захаренко и др.), так и зарубежные (Нейл, Дьюи, Кершенштейнер и др.). Они состоялись в относительно закрытых, изолированных от внешнего влияния учебных заведениях (колония, интернат или деревенская школа). Недаром и современные эффективные образовательные организации как в нашей стране, так и за рубежом работают на условиях полного дня или круглосуточно. А в условиях открытости современной школы внешним, порой, негативным влияниям, ее значение для формирования ценностного мира ребенка не надо переоценивать. Школа, в известной степени, может выступить и выступает в качестве координатора влияний на ребенка в процессе конструирования его образовательного пространства. Формирование личности современного молодого человека происходит не под прессингом единой идеологии, единого набора ценностей, как это было в советской школе, а под воздействием, порой разнонаправленных социальных институтов. Если попытаться понять, какие ценности формирует современная школа, то формально можно сказать – общечеловеческие. Но реально следует исходить из того, что сегодняшняя система среднего образования – это далеко не однородное явление, в котором наряду с муниципальными школами присутствуют негосударственные образовательные учреждения. Достаточно силён, особенно в некоторых территориях, национальный и даже религиозный компонент. И муниципальные школы сейчас разнятся между собой по социальному и имущественному статусу семей учеников. А это все отражается на формировании ценностных установок. Это один из результатов деидеологизации школы, о которой я говорил выше.

Осознание снижения влияния школы на формирование нравственности ребенка уже произошло. Делаются попытки улучшить ситуацию, дать школе, как важнейшему инструменту влияния на ребенка, больше возможностей. В частности, проект нового образовательного стандарта по

сути дела ориентирует нас на превращение отечественной школы в школу полного дня с обязательной, прописанной в образовательной программе внеклассной и внешкольной работой.

С.С. Загребин: Ценностный мир человека формируется во многом на основе религиозной традиции, даже светская этика формулирует принципы, почерпнутые из опыта мировых религий. В прессе не прекращается дискуссия по проблеме введения в школах основ православной культуры. Лично я положительно отношусь к возможности введения в учебный курс современной школы "Основ Православия". В истории и культуре России, Православие как вероучение, как система духовно-нравственных ценностей и Русская Православная Церковь как общественно-политический институт, имеют очень большое значение. Для православных школьников этот курс поможет глубже понять взаимосвязи религиозной и светской истории, для представителей иных конфессий позволит познакомиться с основами русской культурной традиции, для атеистов расширит представление о роли религии в российской истории. Я понимаю обеспокоенность некоторой части общества по поводу повышения роли религии и Церкви в современном социуме. В этом отношении, я хотел бы отметить два важных тезиса. 1. Ведущие мировые религиозные системы в своей основе несут проповедь взаимной любви и отвергают насилие. Это весьма актуально в современном мире. 2. Принятие Православия есть всегда свободный выбор человека. По Вашему мнению, возможно ли в современной школе ввести новую учебную дисциплину?

А.И. Кузнецов: Введение каких-либо локальных курсов не дает какой-либо существенной отдачи. При всем уважении к РПЦ и Православию в целом, позвольте задать вопрос: чем хуже ислам или буддизм? Следует помнить, что нынешний базисный учебный план, в рамках школьного компонента, позволяет образовательным учреждениям уже сейчас преподавать подобные культурологические дисциплины. И они преподаются, особенно в негосударственных школах. И в муниципальных школах, это возможно уже сейчас, было бы желание школы (родителей, учителей) это делать.

На мой взгляд, государство заняло сейчас взвешенную позицию, объявив эксперимент по разработке курса «Основы религиозной культуры» и/или светской этики. В результате эксперимента появится учебный курс, который можно будет использовать в образовательном процессе по желанию образовательного учреждения. Не думаю, что когда-либо подобный курс войдет в состав инвариантной части учебного плана школы.

С.С. Загребин: Поговорим об учительстве. Среди российской интеллигенции, учительство всегда занимало особое место как проводник «разумного, доброго, вечного». Какое портрет современного учителя? Какие требования времени определяют его профессиональные и личностные качества? Что определяет сегодня место и роль учителя в современной школе?

А.И. Кузнецов: Могу показаться циником, но указанное мнение русской интеллигенции формировалось в эпоху эксклюзивности систематического образования. А уже в годы советской власти, всеобщего среднего образования, учительство выступало проводником не только «разумного, доброго, вечного», но и официальной идеологии, которую в настоящей момент вряд ли можно охарактеризовать завышенными выше определениями. Не надо идеализировать учителя, так же как не надо идеализировать врача, инженера и т.д. Сейчас учитель – это массовая профессия, доступная многим.

В системе образования сейчас работает огромное количество людей. Разных людей. Только в муниципальной системе образования Челябинска – 15 тыс. педагогов. Современный челябинский учитель – это женщина 40-45 лет, с зарплатой чуть больше 10 тыс. руб. в месяц, имеющая высшее педагогическое образование, высшую категорию, полторы ставки учебной нагрузки, классное руководство в коллективе из 25 школьников и... 1-2 личных детей. К сожалению, порой, разведена или находится во втором браке. Не все мужчины могут стерпеть, что их вторая половина щедро делится своим временем и любовью с учениками и воспитанниками, зачастую, в ущерб семье. Современному учителю сложнее работать, чем его предшественнику советской эпохи, по многим причинам:

многие его действия жестко регламентированы существующей нормативно-правовой базой, достаточно четко и сурово сформулирована ответственность за нарушения, совершенные педагогом, связанная с этим большая, в т.ч. бумажная, отчетность и т.д. Но самая большая трудность в деятельности современной школы – разнонаправленность влияний, испытываемых воспитанником (школа, улица, семья, СМИ и др.). Это заставляет учителя превращаться не просто в проводника «разумного, доброго, вечного» или официальной идеологии, но и в координатора существующих влияний, конструктора человеческих не душ, но отношений в детско-взрослой среде. Эта конструкторская работа требует недюжинного терпения и готовности терпеть временные неудачи и поражения, ради будущей совместной победы ученика и учителя над сегодняшними проблемами. Это не громкие слова, это жизнь педагога: терпеть, терпеть и терпеть... И ждать того дня, когда ваш терпеливый, незаметный педагогический труд будет вознагражден. Нет, не деньгами, а прощальными словами вашего выпускника, в последний вечер осознавшего, что он уже вырос, и в этом взрослении есть немалая доля труда его Учителя. Пожалуй, это главное. Мне, порой, жалуются некоторые педагоги: нашему терпению конец, так как дети пошли не те, учителя ни во что не ставят, могут обозвать, оскорбить и т.д. Я на этот счет отвечаю, что было бы странно, если б в школу приходили обученные и воспитанные дети. Нам бы тогда нечего было бы делать. Хотя работа в психологическом плане, если ей заниматься профессионально, конечно же, сложная. Недаром мы говорим о профессиональном «выгорании» педагога, имеем большой оплачиваемый отпуск, право на досрочную пенсию и т.д.

Место и роль учителя в школе, уверен, в первую очередь, зависят не от того, какие дети пошли, или как начальство, родители, коллеги относятся. Все, или почти все, определяется самим педагогом, его отношением к детям. Если учитель не любит детей, не видит в них людей, пусть и маленьких, то и у учеников формируется соответствующее отношение не только к учителю, но и к его предмету. Если дети любят учителя, то любят и его предмет, любят учиться. За-

ниматься любимым делом гораздо легче. Если дети любят учителя, у него, несомненно, в союзниках будут и их родители (бабушки, дедушки и др.). На недосягаемую высоту учителя могут поставить только выращенные им ученики и их родители, и никто иной.

С.С. Загребин: В завершении беседы, пожалуйста, подведите предварительные итоги реализации нацпроекта «Образование» в городе Челябинске. Что удалось сделать в плане материально-технического обеспечения школ и в плане содержательных изменений в самой атмосфере школьной жизни? Какие прогнозы Управление по делам образования города Челябинска может сделать в ближайшую и отдаленную перспективу?

А.И. Кузнецов: Если оценивать реализацию нацпроекта с формальных позиций, то его реализация протекает успешно. Это подтверждает и статотчетность, и мнение вышестоящих инстанций, и даже данные соцопросов. Мы смогли существенно улучшить и обновить материально-техническую базу учреждений, поднять зарплату учителей, отметить лучших педагогов и лучшие школы. Но самое главное, и самое сложное то, что за годы реализации нацпроекта мы смогли провести ряд структурных изменений в отрасли, делающих ее работу более эффективной.

Отдельная проблема – информатизация. Мы уже настолько привыкли к изменениям в этой области, что, порой, и не обращаем внимания на то, что еще вчера было бы выдающимся информационным поводом. Мы подключили все школы к безлимитному широкополосному доступу в Интернет. Завершаем создание муниципальной образовательной Интернет-сети, включающей не только школы, но и садики, и учреждения дополнительного образования. Это позволит одновременно и удешевить Интернет, и решить проблему его фильтрации, и много других образовательных задач (дистанционное обучение, образование детей-инвалидов на дому, интернет-олимпиады и др.), что новшества, заданные нацпроектом: демократизация управления, информатизация, поддержка лучших (учителей и школ) и распространение их опыта и др. перейдут в разряд стабильных условий развития образовательных систем.

РОССИЯ И СИБИРЬ: ПОРЯДОК УПРАВЛЕНИЯ

**Рецензия на монографию Н.И. Краснякова
«Сибирский формат» регионального управления
в Российской империи (XVIII – начало XX вв.). –
Екатеринбург: УрАГС, 2006. – 240 с.**

Причины распада Российской империи и следующей за этим социалистической революции, приведшей к власти большевиков, имеют сложный комплексный характер, определяемый кризисом всей социальной системы. Одна из них, может быть главная – это неэффективный государственный менеджмент. В Российской империи было все то, что составляет несравненные преимущества империи вообще: огромная, богатая природными ресурсами территория, значительные демографические ресурсы, абсолютная вертикаль власти. Вместе с тем, для всякого государства, особенно для государства имперского типа, особенно остро стоят вопросы управления протяженной территорией и полиэтничным населением. Вопрос о порядке управленческого воздействия на территории и народы можно отнести к разряду философских, то есть вечных. Он не может быть решен однажды и навсегда, так как и постановка вопроса об управлении, и ответ на него каждый исторический момент имеют различный смысл в зависимости от изменяющихся условий, а любая управленческая деятельность носит перманентный характер.

В неопостсоветской России существуют те же проблемы выстраивания отношений между столицей и остальной Россией. Предпринимаются попытки описать эти отношения в различных категориальных оппозициях. Меньше всего используется для этого конституционно установленные понятия «Российская Федерация» – «субъекты Российской Федерации». В политическом просторечии чаще звучат слова о федеральном центре и регионах. Российский властный дискурс страдает имманентной нечеткостью в говорении об этих отношениях. При этом властью осознается необходимость проведения эффективной региональной политики. Однако вряд

можно утверждать, что эффективная региональная политика представляется одинаково с точки зрения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Регионам все более последовательно отводится роль ценности-средства для Федерального центра.

Старая латинская поговорка гласит: «История есть учитель жизни». Может быть, так было для латинян, но не для россиян. Здесь больше бы подошел другой вариант: «История учит только тому, что она ничему не учит». Укороченные грабли старых проблем подстерегают нынешнюю российскую политическую элиту в решении вопросов государственного управления территориями, определении региональной политики. Все же обращение к истории проблемы, может оказаться поучительным, полезным и захватывающе интересным. Поспособствовать этому в значительной мере может монография Н.И. Краснякова «Сибирский формат» регионального управления в Российской империи (XVIII – начало XX вв.), представляющая собой историко-правовое исследование процесса становления и функционирования механизма государственного управления в Сибирском регионе. Автор обнаруживает главные направления, содержание и специфику становления системы государственного управления в Сибири, выделяет основные тенденции в государственно-управленческом развитии Сибири исследуемого более, чем двухсотлетнего периода, прослеживает осуществление реформ в области государственного строительства в Сибири, выявляет социально-экономические и политические условия возникновения, развития и преобразования аппарата управления в регионе, воспроизводит динамику становления и развития системы управления Сибири с

учетом территориально-региональной и социокультурной специфики края.

Назначая ревизором в Сибирь сенатора И.О. Селифонтова в 1801 г., Александр I подчеркивал, что главный предмет ревизии – «какое может быть удобнеее страны сей разделение, и какое долженствует быть в ней сообразнейшее положению ее управление». Это и было главным предметом размышления имперского центра по отношению к Сибири с конца XVI в. до начала XX в. С начала колонизации края и до конца существования империи возникали такие модели управления, которые не удовлетворяли ни нуждам власти, ни потребностям общества. Проекты территориального и административного преобразования Сибири создавались, претворялись в жизнь, обнаруживали свою несостоятельность, отвергались, создавались новые проекты, которые также оказывались нежизнеспособными. Деятельность по изменению административно-территориального устройства Сибири, перманентная реформа управленческих структур в крае без продуманной политики в регионах, думается, стала самоцелью. К такому выводу приводит чтение этой монографии, в которой панорамно представлена «общая картина неразберихи в управлении Сибирью». Автор выделяет специфические черты сибирского региона: протяженная территория и огромные расстояния от столиц при неразвитой системе коммуникаций, суровый климат, слабая заселенность и полиэтничный состав населения и влияние их на процесс управления. Управление в Сибири требовало принять во внимание значительные сибирские расстояния, богатый, своеобразными чертами культурный быт разнообразных инородческих племен. В монографии показано, что специфика социально-этнических, политических, экономических и естественно-географических условий Сибири имела преобладающее значение в определении системы управленческого воздействия государства на различные категории населения. Идея учета особенностей Сибири была положена в основу законодательного дуализма в регламентации общегосударственных и сибирских местных начал. Требовалась такая модель управления,

которая бы позволяла сочетать общее и особенное этой огромной территории. Когда бы ни проводились мероприятия по административно-правовой унификации региона с европейской Россией, они всегда оказывались несвоевременными и малоэффективными. Это происходило из-за того, что принятая в центральных губерниях система не соответствовала большим размерам административно-территориальных единиц в Сибири, не учитывала низкую плотность населения и уровень его грамотности, слабую сеть коммуникаций, что снижало продуктивность деятельности органов власти.

Не в полной мере понятая властью империи сибирская специфика определенно осложняла процесс управления. Однако не только это не позволяло на протяжении веков эффективно управлять регионом. Главное, чего не понимал имперский центр – сущность Сибири. Читая монографию Н.И.Краснякова, невозможно не обратить внимания на этот исследовательский сюжет. Автор доказывает, что без разрешения вопроса – колония Сибирь или окраина – царизм не мог выработать стратегии в управлении этой огромной территорией. Отсутствие теоретически осмысленной региональной политики приводило к непоследовательности в правительственных действиях. Согласимся с автором в том, что исследователям имперской управленческой политики приходится сталкиваться с известными трудностями в понятийном аппарате, пытаться разобраться в хитросплетениях терминов «империя», «национально-государственный компонент государственности», «центр», «внутренние губернии», «окраина», «колония», «периферия», «регион», «колонизация» и т.п. Процесс колонизации сибирских территорий, с одной стороны, и процесс интеграции земель в единое административное и правовое пространство, с другой, позволяют описывать отношения имперского центра и Сибири категориями «центр-периферия», «периферийный регион», «центр-регион». С управленческой точки зрения, «центром» выступает столица как место, где располагаются высшие и центральные учреждения государства, принимающие стратегические управленческие решения. Регион понимается как большая территориальная общность, име-

ющая существенные отличия в социально-экономическом, политико-правовом, социо-культурном и этноконфессиональном облике, что закреплено региональной идентичностью, носящей не столько этнический, сколько территориальный характер.

Итак, чем же была Сибирь? Расширение империи на восток представляет собой процесс колонизации. Однако четкого плана колонизации Сибири у правительства не было. Благодаря «гибкости» колонизации, предлагается, относительно сибирской региональной политики говорить о крестьянском и государственном «освоении» или, что одно и то же, «присоединении». Если бы был признан особый статус Сибири в составе империи, то это привело бы к законодательному закреплению отношения «Россия – Сибирь». С одной стороны, обычная хищническая колонизация с истреблением соболя, ограблением автохтонного населения, введением русской системы сельского хозяйства, насаждением «разбойных элементов», с другой стороны – «сложный процесс превращения Сибири в Россию». Это позволило автору рассматривать деятельность властных структур в Сибири как деятельность, направленную на превращение колонизируемой территории в регион империи с унифицированной системой управления и законодательством, на основе учета особенностей территории. Убедительно доказано, что в юридическом смысле более продуктивным будет взгляд на проблему как на длительный путь превращения Сибири, первоначально имперской колониальной окраины, в периферийный регион Российского государства с особым правовым статусом.

Однако главное в отношении имперского центра к Сибири заключалось не в этом. Главное – Сибирь для России всегда представлялась ценностью-средством. Любой регион, Сибирь здесь – не исключение, в глазах имперского центра никогда не представлял собой ценность-цель, никогда не обладал собственным смыслом существования. В монографии сибирский случай убедительно представлен именно в этом контексте. Так, например, с 1637 г. Сибирский приказ в индивидуальных наказах сибирским воеводам предписывал взимать всякие пошлины с торгово-промышленных людей, собирать ясак с инородцев,

налагать на сибирское население оброки и разные повинности по своему усмотрению, быть полновластными хозяевами на местах. Отсюда происходит «кормленческая традиция»: «в системе воеводского управления XVII в. элемент кормления преобладал над элементом управления», это означает только то, что край рассматривался только как источник доходов, как источник поступлений в государственную казну. Царское правительство обращало пристальное внимание на пополнение казны аборигенами Сибири. Должностные лица, прежде всего, заботились о том, чтобы аккуратно был собран ясак. С тех пор в политике имперского центра интерес к сбору ясака и податей стал основополагающим в отношениях с автохтонным инородческим и мигрантным русским населением Сибири. Это и определяло особенности управления Сибирью.

Еще в одном отношении Сибирь рассматривалась как средство: стали развиваться взгляды на регион как на место ссылки и каторги. Ссылкой мятежных стрельцов при Петре I началась эпоха принудительного заселения Сибири. С 30-х годов XVII в. возникла необходимость создания полицейских учреждений в ответ на политическую дестабилизацию, явившуюся следствием сосредоточения в Сибири «разбойных элементов». У сибирской администрации возникла новая задача – «истребление разбойных станов». Правительство послепетровского времени усвоили взгляд на Сибирь как на колонию для преступных и порочных элементов и, в соответствии с этим, приняли целый ряд указов о заселении Сибири. Каторга и ссылка повлияли на особенности социального состава сибирского населения, и с необходимостью учитывались правительством в определении и реализации деятельности по управлению регионом.

Можно сказать, что сложилась специфическая сибирская социально-политическая конфигурация: с одной стороны – сибирская бесконтрольная администрация (этот исследовательский сюжет о злоупотреблениях и лихоимстве заслуживает особого внимания и представляется чрезвычайно актуальным), с другой стороны – криминальные элементы, с третьей стороны – эксплуатируемое автохтонное население и увеличивающееся по чис-

ленности русское крестьянство. На таком фоне правительственная политика отношения к Сибири как к средству придавала «сибирскому законодательству непоследовательный, несогласованный, во многом ситуативный характер». Большинство направлений деятельности органов власти формировались стихийно, под влиянием текущих общегосударственных и местных нужд, никакой стратегии и тактики регионального управления выработано не было. Система государственного управления Сибирью характеризовалась существенными, частыми, разнонаправленными, непоследовательными реформами. Характер, компетенция, структура, кадровое обеспечение органов государственного управления Сибирью изменялись в связи с изменением правительственного курса, принятием решения о проведении новой политики. При чем реформы государственного управления в Сибири проводились значительно чаще, чем в центральных губерниях. Несмотря на исторические изменения, происходящие в сибирском регионе на протяжении двухсот с лишним лет, можно проследить инвариантные тенденции в государственном управлении регионом.

В монографии выделены этапы «государственного строительства» (автор берет это словосочетание в кавычки, что также обозначается громоздким термином «империостроительство»), и проанализированы особенности каждого из них. Первый этап: конец XVI – начало XVIII вв., второй: с начала XVIII в., связанного с деятельностью Петра I. Затем – контрреформы второй половины XVIII в., явившиеся отступлением от рациональных принципов империостроительства, проводимых Петром I. Далее: начало XIX в., связанное

с именем М.М. Сперанского, знаменитая Сибирская реформа 1822 г., определившая политику правительства до середины века. Наконец, – вторая половина XIX – начало XX вв., когда система государственного управления регионом усложнялась, становилась гибче и эффективней, приводя к постепенному стиранию различий в управлении Сибирью и центральными губерниями. Автор рассматривает целый ряд интереснейших проблем, непосредственно связанных с определением и реализацией политики управления регионом: в частности – это проблема соотношения имперских законов и местных обычаев, учет специфики местного самоуправления, особенности социального и этноконфессионального состава населения Сибири и обусловленные им особенности управления сибирскими инородцами, инородческие протесты... Стала ли Сибирь Россией? Как эффективно управлять Сибирью? На эти вопросы до настоящего времени не смог бы с полной определенностью ответить ни один российский император и ни один сибирский реформатор. Монография представляет собой замечательное основание для размышлений по этому поводу. Солидная источниковая база исследования, богатый фактический материал, роскошный исторический «бэкграунд», на фоне которого разворачивается авторский взгляд на становление системы государственного управления в Сибири в XVIII – начале XX вв., оригинальная реконструкция основных принципов и методов имперской политики центра, по отношению к регионом, позволяют отнести монографию Н.И. Краснякова к числу всегда актуальных книжных событий.

М.А. Фадеичева

СОЦИУМ

SOCIUM

Евстифеев Р.В. Государство и общество в XXI веке: метафоры глобализации и глобализация метафор. Статья посвящена исследованию взаимосвязи и взаимовлияния глобальных процессов, происходящих в мире, и проблемам взаимодействия общества и государства, с точки зрения политической науки. На основании модернизированной концепции А Тойнби («вызов – ответ») автору удалось выделить и обосновать зарождение, и развитие новой генерации глобальных вызовов в начале XXI века, выраженных в метафорической форме, а также предположить возможные реакции на эти вызовы.

Ключевые слова: государство, общество, метафоры, глобализация, вызовы.

Яркова Е.Н. Человек и общество: социокультурные универсалии и специфика России. В статье рассматриваются две фундаментальные формы человеческого бытия – коллективизм и индивидуализм. Автор выдвигает идею солидаризма как принципа интеграции разнонаправленных социальных стратегий. Российское общество квалифицируется им как крайне атомизированное общество. В заключении утверждается, что становление солидаризма связано с альтруизацией общества.

Ключевые слова: социальные стратегии, коллективизм, индивидуализм, солидаризм, альтруизм, индивид, личность, антиномичность русской культуры, интересы, социальная атомизация.

Куштым Е.А. «Гуманистический радикализм» Эриха Фромма – фундаментальный подход к созиданию социума (памяти мыслителя). Статья посвящена памяти Э. Фромма (1900-1980) – политика, социолога, психоаналитика, занимающегося разработкой научно-исследовательских программ изучения глобальных проблем современности в свете комплексного, междисциплинарного познания человека и социума. Концепция «гуманистического радикализма», разработанная Э. Фроммом, содержит мощнейший эвристический потенциал в исследовании проблемы социума и его властных структур.

Ключевые слова: человеческая ситуация, социум, гуманистический радикализм, политическая активность.

Табачков Е.Р., Савиновских А.Г., Черный В.И. Социально-техническая система, ее место и роль в социуме. В связи с отсутствием системных исследований в области социально-технических систем, статья носит постановочный проблемный характер. Дается декомпозиция систем, а также композиционная схема социально-

Evstifeev R.V. The state and society in XXI century: metaphors of globalization and globalization of metaphors. The article is devoted to the research of mutual influence and interrelation between the global processes occurring in the world, and the problems of interaction of the state, and society from the point of view of the political science. On the basis of a slightly modernized concept of A. Tojnbj (“challenge – response”) the author managed to single out and prove the genesis and development of the new generation of global challenges in the beginning of the XXI century, expressed in the metaphorical forms, and also to assume possible reactions to these challenges.

Key words: state, society, metaphors, globalisation, challenges.

Yarkova E.N. Person and society: social and cultural universalizes and specific distinction of Russia. The article is devoted to the individualism and collectivism as fundamental forms of human beings. The author takes the idea of solidarism as a principle integration of different social strategies. According to him, contemporary Russian society is a very atomizing society. The conclusion drawn by the author is that only integration of different social strategies is fundamental stabilization of modern Russian society.

Key words: social strategies, collectivism, individualism, solidarism, altruism, individual, personality, antinomy of the Russian culture, interests, social atomization.

Kushtym E.A. Erich Fromm's «Humanistic radicalism» – the fundamenatal approach to the creation of the society. The article is devoted to the memory of Erich Fromm (1900-1980) – politician, sociologist, psychoanalyst, who worked on the research programmes studying global problems of the modernity in the light of complex interdisciplinary cognition of the human and society. The concept of «humanistic radicalism» worked out by Fromm contains huge euristical potential in the research of the society and its authoritative structures.

Key words: human situation, society, humanistic radicalism, political activity.

Tabachkov E.P., Savinovskih A.G., Chernyi V.I. Social and technical system and its specialization in the society. The article has a problem character because of the absence of research in the field of social and technical systems. The article describes decomposition of systems, the composition scheme of social and technical system, system estimation of

технической системы, системная оценка современного состояния управления технической системой, приводятся факторы управления ею.

Ключевые слова: социально-техническая система (СТС), декомпозиция систем, композиционная схема, структура и факторы управления, оценка, критерии.

Терещук Е.А. Особенности корпоративной культуры государственных служащих в оценках экспертов. Статья отражает результаты экспертных интервью, цель которых – выявление и попытка интерпретации особенностей корпоративной культуры государственных служащих. Представлены экспертные мнения относительно феномена корпоративной культуры, факторов ее формирования, ключевых ценностей и норм деятельности государственного служащего.

Ключевые слова: корпоративная культура, субкультура, ценности, нормы, государственные служащие.

Сорокин Г.Г. Глобальное старение как демографический мейнстрим современности. Статья посвящена рассмотрению проблемы глобального старения населения Земли. Автор анализирует динамику изменений возрастной структуры общества, даёт рекомендации для предотвращения возможных негативных социальных последствий увеличения доли пожилых людей в социуме.

Ключевые слова: демография, демографическое старение, возрастная структура населения.

ВЛАСТЬ

Старостенко К.В. Политический плюрализм и политическое многообразие: некоторые проблемы политической теории. В данной статье автор раскрыл сущность ключевых категорий современной политической практики – «политический плюрализм» и «политическое многообразие», обосновал, что это рядом положенные, но не тождественные понятия, имеющие важное значение в системе развития демократии и активизации участия граждан в политических процессах Российской Федерации.

Ключевые слова: политический плюрализм, политическое многообразие, демократия, конкуренция, общество.

Фишман Л.Г. Политическое значение отказа от общественных благ. Понятие общественных благ имеет политическую нагрузку, которая проявляется в ситуации сознательного, идеологически мотивированного отказа от общественных благ. Далеко идущие последствия в плане перемен в общественной жизни вызывают «молчаливый» отказ от каких-либо общественных благ.

Ключевые слова: общественные блага, идеология, общее благо, «хорошее общество».

its management and the factors of its management are given.

Key words: social and technical system, decomposition of systems, compositional scheme, structure and factors of management, estimation, criteria.

Tereshuk E.A. The peculiarities of the corporate culture of public servants rated by experts. The article reflects the results of the expert interviews that were aimed to expose and interpret the peculiarities of the corporate culture of public servants. There are expert opinions concerning the phenomenon of the corporate culture, the factors of its formation its basic values and norms of the activity of a public servant.

Key words: corporate culture, subculture, values, norms, public servants.

Sorokin G.G. Global population aging as a demographic mainstream of the modernity. The article is devoted to the consideration of the problem of global population ageing. The author analyzes the changes of the society age structure. He also gives the recommendations for the prevention of possible negative social consequences of increasing the number of the elder people in society.

Key words: demography, demographic ageing, society age structure.

POWER

Starostenko K.V. Political pluralism and political diversity: certain problems of the political theory. The author revealed an entity of the key categories in modern political practice in the article – «political pluralism» and «political diversity»; he proved that they are similar but not the same notions that are quite important in the democratic system and activation of citizens' participation in political processes of the Russian Federation.

Key words: political pluralism, political diversity, democracy, competition, society.

Fishman L.G. Political sense of refusal from the public goods. The concept of the public goods has political load which is shown in the situation of conscious, ideologically motivated refusal from the public blessings. But the most far-reaching consequences in the changes in the public life are caused by "silent" refusal from any public goods.

Key words: the public goods, ideology, common good, «a good society».

Назамутдинова М.Х. Политика тэтчеризма и ее влияние на британскую прессу (на примере газеты «Таймс»). Статья посвящена влиянию консервативной политики Маргарет Тэтчер на модель газеты «Таймс». В ней излагается внутривнутриполитический курс правительства М. Тэтчер, его влияние на «Таймс». Изменение в газете произошло на уровне дизайна и содержания.

Ключевые слова: Маргарет Тэтчер, тэтчеризм, Руперт Мердок, газета.

Кирдяшкин И.В. К проблеме участия молодежи в воспроизводстве идеологических компонентов политической социализации. В статье представлен анализ участия молодежи в процессах воспроизводства идеологических компонентов политической коммуникации, с точки зрения системного подхода, важным дополнением которого являются выводы психологии развития и теории культурогенеза.

Ключевые слова: молодежь, политическая коммуникация, идеология.

Малькевич А.А. «Культурное смещение» «безразличных граждан»: к вопросу о современных концепциях политического участия молодежи. Статья посвящена анализу существующих в работах западных исследователей концепций политического и гражданского участия молодежи, положения которых могут быть использованы в организации политического процесса на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: политическая социализация, современная молодежная культура, гражданское и политическое участие молодежи, глобализация, «новые СМИ».

Воронина Л.И. Использование маркетинга в деятельности органов власти. Автор рассматривает маркетинг как социальное и культурное явление, тесно связанное с явлениями «сознания». В маркетинге находят отражение идеи различных социальных групп. В этой связи автор дает новые виды маркетинга: маркетинг некоммерческих субъектов, государствено-ведческий маркетинг, муниципальный и кадровый маркетинг. Изменения в системе этики создают условия для развития «социального», «социально-этичного», «социально ответственного» и т.п. маркетинга.

Ключевые слова: новые виды маркетинга, деятельность органов власти, миграция социальных отношений и ценностей.

Гриценко Н.П. Региональные политические элиты в современной России: ресурсы влияния на политический процесс. В статье рассматривается понятие «региональные политические элиты», проводится сравнительный анализ ресурсов, которыми обладали региональные политические элиты в 1990-е и в 2000-е гг. с целью выяснить насколько изменилось влияние данных элит внутри

Nazamutdinova M.H. The politics of Thatcherism and its influence on the British press (on the example of the newspaper "The Times"). This article is devoted to the influence of conservative politics of Margaret Thatcher on the model of "The Times". It describes M. Thatcher's internal political course and its influence on "The Times". The modifications of the newspaper happened in its design and content.

Key words: Margaret Thatcher, Thatcherism, Rupert Murdoch, newspaper.

Kirdiashkin I.V. To the problem of the participation of the youth in the reproduction of ideological components in political communication. This article presents the analysis of the participation of the youth in the reproduction of ideological components in political communication from the point of view of the system approach, the important complement to which is the findings of the developmental psychology and the culture genesis theory.

Key words: youth, political communication, ideology.

Malkevich A.A. «Cultural shift» of the «indifferent citizens»: to the question of the modern concepts of political participation of the youth. The article is devoted to the analysis of the existing concepts of western political scientists about civil participation of the youth, which could be used in the organization of the political process on the territory of the Russian Federation.

Key words: political socialization, contemporary youth culture, civil and political participation of the youth, globalization, «new media».

Voronina L.I. The use of marketing in the authority activity. The author considers marketing as a social and cultural phenomenon closely connected with the phenomenon of «consciousness». The ideas of various social groups are reflected in the marketing. So the author presents new kinds of marketing: non-commercial subject marketing, political marketing, municipal and personnel marketing. The changes in the ethics system create the conditions for the development of the «social», «social ethical», «social responsible» and etc. marketing.

Key words: new kinds of marketing, authority activity, migration of social relations and values.

Gritsenko N.P. Regional political elites in modern Russia: resources of influence on the political process. The article examines the concept «regional political elites», carries out the comparative analysis of resources which regional political elites possessed in 1990s and in 2000s to find out how the influence of the given elite in regional and federation level has changed. It is proved that the change of the

регионов и на уровне федерации в целом. Обосновывается, что изменение объема ресурсов влияния региональных политических элит приводит к качественно новой роли данных акторов политического процесса в их взаимодействии с федеральными элитами.

Ключевые слова: региональные политические элиты, федеральная политическая элита, ресурсы влияния, политический процесс.

Рудой В.В., Понеделков А.В., Старостин А.М., Лысенко В.Д. Социологический профиль региональных политических элит Юга России (конкретно-социологическая интерпретация). Изложены результаты конкретных социологических исследований (субъекты ЮФО РФ и г. Челябинск), проведенных в период с 2007 по 2009 гг. по проблемам воспроизводства, ценностных ориентаций и эффективности функционирования региональных административно-политических элит.

Ключевые слова: административно-политические элиты, бизнес-элиты, элиты силовых структур.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Тараборин Р.С., Тараборина Ю.В. Наполеон Бонапарт и составление Гражданского кодекса французов 1804 г. В настоящей статье рассматриваются предпосылки и процесс создания Гражданского кодекса французов 1804 г. в контексте личного участия Наполеона Бонапарта. Кодификации французского гражданского права исследуются с точки зрения активности и собственного участия Наполеона, поэтому особое внимание уделяется и личностным качествам, образованию и образу мышления Наполеона Бонапарта.

Ключевые слова: Кодекс Наполеона, гражданское право Франции, Наполеон Бонапарт, кодификация права, история европейского права.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Рушанин Д.В. Антикризисная стратегия реструктуризации предприятия на основе реинжиниринга бизнес-процессов. В статье исследуются методические вопросы реализации процедур реинжиниринга бизнес-процессов предприятия как основы его антикризисной стратегии. В сложных условиях кризиса, на примере условного предприятия сферы услуг, показано экономическое значение системной реструктуризации материальных, финансовых и информационных потоков. Автор делает вывод в статье, что одним из наиболее значимых экономических аспектов реинжиниринга является смена организационной структуры предприятия.

Ключевые слова: стратегия, реструктуризация, реинжиниринг, бизнес-процесс, сценарный подход к моделированию бизнес-систем.

volume of resources of the influence of regional political elites leads to qualitatively new role of the given actors of political process in their interaction with federal elites.

Key words: regional political elites, federal political elite, influence resources, political process.

Rudoy V.V., Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Lysenko V.D. Sociological Profile of the Regional Political Elite in the South of Russia. The article represents the results of the given sociological researches (the South Federal District of the Russian Federation and Chelyabinsk) in the period from 2007 to 2009 on the problems of reproduction, the value orientation and the efficiency of the functioning of regional administrative and political elites.

Key words: administrative political elite, business elite, Armed Forces elite.

STATE AND LAW

Taraborin R.S., Taraborina U.V. Napoleon Bonaparte and the Civil Code of the French of 1804. The article examines the preconditions and the process of creation of the civil Code of the French (1804), taking into account the role of Napoleon. The codification of civil law in France is examined from the point of view of Napoleon's active part in this process. That is why much attention is given to his personal qualities, education and way of thinking.

Key words: Code of Napoleon, civil law of France, Napoleon Bonaparte, codification of law, history of European law.

ECONOMIC POLICY

Rushanin D.V. The anticrisis strategy of the restructuring of the enterprise on the basis of reengineering of business processes. The article examines the methodical questions of the reengineering of business processes of the enterprises as the basis of its anticrisis strategy. Under different crisis conditions the economical importance of the system restructuring of material, financial and informational streams is shown on the example of a conditional service industry enterprise. The author comes to the conclusion, that the change in the organisation structure of the enterprise is one of the main economical aspects of reengineering.

Key words: strategy, restructuring, reengineering, business-process, scenary approach to the business-system modelling.

Коротина Н.Ю., Овчинникова И.А. Механизм социально-экономического развития мясо-продуктового кластера на основе эколого-ориентированного подхода. В статье рассматриваются теоретические положения разработки кластерной теории экономического развития и управления экономикой региона; для выбора экономических инструментов и методов кластеризации экономики, позволяющих обеспечить устойчивое социально-экономическое состояние хозяйствующих субъектов в условиях эколого-ориентированного подхода.

Ключевые слова: агрокластер, эколого-ориентированный подход, региональная экономика.

КУЛЬТУРА

Фан И.Б. В поисках достоинства и ценности жизни российского гражданина. В статье рассматривается соотношение понятий человеческого и гражданского достоинства, и ценности жизни, и деятельности российского гражданина. Особое внимание автор уделяет традиционному основанию российского государства – пренебрежению жизнью россиян. Чтобы выявить реальную ценность жизни российского гражданина, автор исследует политические и правовые институты реализации прав человека и гражданина в России, а также ментальные структуры национальной идентичности.

Ключевые слова: достоинство человека, достоинство гражданина, ценность человеческой жизни.

Павильч А.А. Развитие представлений о коммуникативной культуре в проблемном поле межкультурных взаимодействий. Статья посвящена изучению представлений о коммуникативной культуре в динамике философского и гуманитарного знания. На основе первоисточников анализируются взгляды представителей философской и культурологической мысли, выявляются факторы, определяющие коммуникативные черты жизнедеятельности людей в разных регионах и этнонациональных общностях.

Ключевые слова: коммуникативная культура, межкультурное взаимодействие, межкультурные различия, коммуникативный стиль.

Борисов Н.А. Образ России в Кыргызстане: устойчивость позитивных стереотипов. В статье рассматриваются факторы формирования и содержание образа России в современной Кыргызской Республике. Анализируются официальный и оппозиционный дискурсы по поводу России и восприятие России гражданами Республики. Автор выявляет основные стереотипы, составляющие образ России в современном Кыргызстане и, выявляя причины его устойчивости, приходит к выводу о том, что в целом этот образ можно считать позитивным.

Ключевые слова: образ России, стереотипы, политическая элита, общественное мнение.

Korotina N.U., Ovchinnikova I.A. The mechanism of the social and economical development of meat and grocery cluster on the basis of enviromentally-oriented approach. The article observes the theoretical items of the development of the cluster theory of economical development and managing the regional economy; for the choice of economical instruments and methods of the economy clusterization, that allow to provide stable social and economical condition of managing subjects under the conditions of enviromentally-oriented approach.

Key words: agrocluster, enviromentally-oriented approach, regional economy.

CULTURE

Fan I.B. In search of human dignity and value of life of Russian citizen. The article is devoted to the problem of correlation of concepts of human and civil dignity and value of life and activity of Russian citizen. The main attention is given to traditional foundation of the Russian state – to neglect the people's life. In order to ascertain the real value of the life of Russian citizen, the author investigates the political and law institutes of the realization of human and citizen rights, as well as the mental structures of the national identity.

Key words: human dignity, civil dignity, value of human life.

Pavilch A.A. The Development of notions about communicative culture in the problematic field of intercultural interaction. The article is devoted to studying the notions about communicative culture in the dynamics of philosophic and humanitarian knowledge. On the basis of first-sources the views of the representatives of philosophic and cultural ideas are analyzed, the factors which determine communicative features of vital activity of people in different regions and ethno national communities are detected.

Key words: communicative culture, cross-cultural interaction, intercultural differences, communicative style.

Borisov N.A. The image of Russia in Kyrgyzstan: stability of positive stereotypes. In the article the factors of formation and the maintenance of the image of Russia in the modern Kyrgyz Republic are considered. Official and oppositional discourses concerning Russia and perception of Russia by the citizens of republic are analyzed. The author reveals the basic stereotypes making the image of Russia in modern Kyrgyzstan, and comes to the conclusion that as a whole it is possible to consider this image positive, establishing the reasons of its stability.

Key words: the image of Russia, stereotypes, political elite, public opinion.

ИСТОРИЯ

Смирнов Г.С., Смирнов С.С. Организация специального межевания в России. Статья посвящена анализу итогов государственного специального межевания, проводившегося в России с середины 30-х по конец XIX столетия. Авторы рассматривают организацию этого мероприятия не только как технический процесс, но и как способ реализации государственной земельной политики.

Ключевые слова: специальное межевание, межевые учреждения, землемеры, организационные принципы специального межевания, земельные отношения.

Воропанов В.А. Низшие суды в системе правосудия Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. (на примере губерний Урала и Западной Сибири). Во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. российская абсолютная монархия осуществляла специальное правовое регулирование организации и деятельности традиционных судов. Узаконенное действие общественных примирительных процедур и упрощенный порядок судебных разбирательств облегчали работу государственных судов, став объективным этапом формирования единой правовой системы Российского государства, условий для становления общих норм и стандартов правовой культуры.

Ключевые слова: история, юстиция, обычаи, унификация.

ПЕРСОНА

Интервью-беседа профессора С.С. Загребина с начальником Управления по делам образования администрации города Челябинска А.И. Кузнецовым. В интервью обсуждаются актуальные проблемы модернизации российского образования. Рассмотрены такие вопросы как роль учителя в условиях современного информационного общества, проблемы формирования личности в современной школе, религиозного образования, места школы в современном обществе.

Ключевые слова: образование, школа, учительство, ценности, воспитание.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию Н.И. Краснякова «Сибирский формат» регионального управления в Российской империи (XVIII – начало XX вв.). Монография Н.И.Краснякова представляет собой историко-правовое исследование становления и более чем двухсотлетнего функционирования механизма государственного управления Сибири, воспроизводит динамику развития системы управления с учетом территориально-региональной и социокультурной специфики края.

Ключевые слова: империя, колония, регион, внутренние губернии, модель управления.

HISTORY

Smirnov G.S, Smirnov S.S. The organization of special land surveying in Russia. The article is devoted to the analysis of the results of the state Special land surveying that was being carried out in Russia from the mid 30s to the end of the XIX century. The authors present this event not only as a technical process, but also as a procedure aimed at implementing the state land policy.

Key words: special land surveying, land surveying institutions, land-surveyors, organisational principles of special land surveying, land relations.

Voropanov V.A. Lower courts in the system of justice of the Russian Empire in the late 18th and early 19th centuries (Ural and Western Siberia). In the late 18th and the early 19th centuries the absolute monarchy in Russia realized special judicial regulation of traditional courts' activity. Legal activity of public conciliatory procedures and simplified course of court examinations commuted the work of state courts, becoming the objective stage of the forming of unified judicial system of the Russian state, conditions for organization of general norms and standards of judicial culture.

Key words: history, justice, customs, unification.

PERSON

The interview of professor S.S. Zagrebin with the Head of the State board of education of the Chelyabinsk Administration A.I. Kuznetsov. In the interview the actual problems of the modernization of Russian education are discussed. It considers such questions as the role of the teacher in the conditions of the modern information society, the problem of formation of the person in modern schools, the religious formation, the place of the school in modern society.

Key words: education, school, teaching, values.

CRITICS AND REVIEWS

The review of the monography by N.I. Krasilnikov «The Siberian format» in the regional administration in the Russian Empire (XVIII-beg. of XX centuries)». The monography by N.I. Krasilnikov presents the historical and judicial research of the formation and functioning of the state administration in Siberia. It represents the dynamics of the development of the system of administration with a glance of the territorial, regional and sociocultural characteristics of the place.

Key words: empire, colony, region, inner counties, the administration model.

АВТОРЫ НОМЕРА

Борисов Н.А., кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва. E-mail: nborisov@rggu.ru

Воронина Л.И., заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института управления и предпринимательства Уральского государственного университета им. А.М. Горького, кандидат социологических наук, г. Екатеринбург. E-mail: lujdmila.voronina@usu.ru

Воропанов В.А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, доцент. E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Гриценко Н.П., главный редактор общественно-политической газеты «Единая Россия на Кубани», кандидат исторических наук, г. Краснодар. E-mail: GritsenkoNP@mail.ru

Евстифеев Р.В., кандидат политических наук, доцент кафедры управления Владимирского филиала Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: roman_66@list.ru

Загребин С.С., заместитель директора по научной работе Института гуманитарного образования Челябинского государственного университета, доктор исторических наук, профессор. E-mail: bk.ural@bk.ru

Кирдяшкин И.В., кандидат исторических наук, доцент Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: kirdjkin@mail.ru

Коротина Н.Ю., заведующая кафедрой экономики и финансов Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, кандидат экономических наук, доцент. E-mail: korotina@urags-chel.ru

Кузнецов А.И., кандидат педагогических наук, начальник Управления по делам образования Администрации города Челябинска. E-mail: gorono_74@mail.ru

Куштым Е.А., кандидат философских наук, доцент кафедры философии Челябинского государственного университета. E-mail: evgeniya_59@mail.ru

Лысенко В.Д., кандидат философских наук, доцент Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: ponedelkov@skags.ru

Малькевич А.А., заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Невского института языка и культуры, кандидат политических наук, г. Санкт-Петербург. E-mail: amalkevich@mail.ru

Назамутдинова М.Х., аспирант Уральского государственного университета им. А.М. Горького, г. Екатеринбург. E-mail: nazamutdinova@mail.ru

Овчинникова И.А., аспирант кафедры менеджмента Пермской государственной сельскохозяйственной академии имени академика Д.Н. Прянишникова. E-mail: ov.irisha@mail.ru

Павильч А.А., кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии Минского государственного лингвистического университета, Республика Беларусь. E-mail: pavilch@tut.by

Понеделков А.В., проректор по работе с органами власти и учебными заведениями, заведующий кафедрой политологии и этнополитики Северо-Кавказской академии государственной службы, доктор политических наук, профессор, г. Ростов-на-Дону. E-mail: ponedelkov@skags.ru

Рудой В.В., ректор Северо-Кавказской академии государственной службы, кандидат экономических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону. E-mail: rector@skags.ru

Рушанин Д.В., соискатель кафедры менеджмента Челябинского государственного университета. E-mail: drushanin@licard.ru

Савиновских А.Г., заместитель начальника кафедры ремонта автомобильной техники Военного учебного научного центра «Общевойсковая академия» (Челябинское высшее военное автомобильное командно-инженерное училище (Военный институт), кандидат технических наук, доцент, полковник.

Смирнов Г.С., аспирант кафедры истории России Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: sss45@inbox.ru

Смирнов С.С., доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы. E-mail: sss45@inbox.ru

Сорокин Г.Г., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: sgg01@tsogu.ru

Старостенко К.В., заведующий кафедрой социологии, культурологии и политологии Орловского государственного технического университета, кандидат политических наук. E-mail: pilotskv@mail.ru

Старостин А.М., проректор по науке, послевузовскому и дополнительному профессиональному образованию, заведующий кафедрой философии и методологии науки Северо-Кавказской академии государственной службы, доктор политических наук, профессор, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopodr@skags.ru

Табачков Е.Р., профессор кафедры ремонта автомобильной техники Военного учебного научного центра «Общевойсковая академия» (Челябинское высшее военное автомобильное командно-инженерное училище (Военный институт), кандидат технических наук, профессор, полковник запаса.

Тараборин Р.С., кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Уральской академии государственной службы, г. Екатеринбург. E-mail: trs-2008@yandex.ru

Тараборина Ю.В., аспирант Уральской академии государственной службы, г. Екатеринбург.

Терещук Е.А., кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы. E-mail: katya2501@inbox.ru

Фадеечева М.А., доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: fm366@uralmail.com

Фан И.Б., кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: Irina-fan@yandex.ru

Фишман Л.Г., доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: lfishman@yandex.ru

Черный В.И., начальник кафедры ремонта автомобильной техники Военного учебного научного центра «Общевойсковая академия» (Челябинское высшее военное автомобильное командно-инженерное училище (Военный институт), полковник. E-mail: chernyi654@is74.ru

Яркова Е.Н., доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета. E-mail: fellowsoldier86@mail.ru

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи в электронном варианте (на диске, CD-диске или по электронной почте).

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 19.100 знаков без пробелов, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблице. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы) занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 28]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5-2008

«Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (до 300 печатных знаков) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия и словосочетания (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора в журнале указывается обязательно.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30

E-mail: saa@urags-chel.ru

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.

**Российское общество социологов
Уральское общество социологов
Челябинский институт
ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы»
Челябинское отделение Российского общества социологов
Общественная палата Челябинской области**

проводят 28-29 октября 2010 года

**Международную научно-практическую конференцию
«XVIII Уральские социологические чтения:
Управление социальным развитием регионов в условиях выхода
из кризиса в современной России и странах СНГ»**

с элементами научной школы для молодежи

Основные темы для дискуссии:

- Управление социальным развитием регионов: теория и практика.
- Подготовка профессиональных управленческих кадров: опыт, проблемы, инновационные образовательные технологии.
- Социальное пространство регионов как социологический феномен.
- Социологические аспекты взаимодействия регионального сообщества и власти.
- Социально-экономические и социокультурные проблемы развития российских регионов.
- Политические процессы и технологии в XXI веке и их мобилизационные ресурсы.
- Современные массовые коммуникации и их роль в условиях выхода из кризиса.
- Стратегии развития конкурентных преимуществ регионов России в посткризисный период.

**Для молодых исследователей на конференции предусмотрены
лекции и мастер-классы известных ученых:**

- Проблемы методологии и реальной практики организации комплексных социально-экономических и политических исследований в регионе;
- Социология власти: стратегические вызовы и угрозы в условиях глобализации.

Требования к оформлению материалов:

Тезисы объемом до 5 страниц представляются в научный отдел ЧИ УрАГС на диске или по электронной почте. При наборе следует использовать системный шрифт Times New Roman Cyr, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5 формат бумаги – А-4. Поля: слева – 3 см, справа – 1,5 см, вверху – 2 см, внизу – 2,5 см. **Тезисы** следует представить **до 10 сентября 2010 года**.

Порядок размещения материала:

- Ф.И.О. автора, город проживания располагаются справа строчными буквами.
- Название доклада или сообщения пишется прописными буквами, выровненными по центру листа.
- Текст статьи оформляется строчными буквами, с абзачным отступом 1,25 см. Ссылки на литературу размещаются в конце статьи.
- В конце текста указывается полные Ф.И.О, ученая степень и ученое звание, должность, полное название вуза (организации), контактный телефон, электронный адрес.

Если тема, научный уровень или оформление статьи не соответствует заявленным требованиям, ред. коллегия оставляет за собой право **не публиковать материалы**.

Наиболее актуальные материалы по согласованию с авторами будут опубликованы в научном журнале **«Социум и власть»**.

По всем вопросам можно обращаться в **оргкомитет конференции:**

Адрес: 454077 г. Челябинск, ул. Комарова 26, к. 307.

Тел. (351) 771-42-30, тел/факс (351) 771-35-00

E-mail: saa@urags-chel.ru